

КОРОЛЬ
УЖАСОВ

Алексей
АГЕЕВ

СОЛНЦЕ
МЕРТВЫХ

СО СМЕРТЬЮ
ДРУЖИТЬ —
ЖИЗНЬЮ
НЕ ДОРОЖИТЬ

ЭКСМО

Алексей Атеев

Солнце мертвых

«ЭКСМО»

1990-1996

Атеев А. Г.

Солнце мертвых / А. Г. Атеев — «Эксмо», 1990-1996

Издавна деревня Лиходеевка считалась недобрым местом. И люди здесь селились странные. Рассказывали, будто обладают они колдовской силой. Да такой мощной, что даже могли оживлять умерших. Шли годы... Лиходеевка превратилась в один из городских районов. Но здесь по-прежнему время от времени происходили загадочные и страшные вещи. Однажды милиция обнаружила чудовищно обезображенный труп. Неужели это действительно дело рук зомби – мертвецов, оживленных дьявольским обрядом? Капитан Казаков был вынужден проверить и такую версию. И по ходу дела оказался в самом эпицентре таинственных событий!..

© Атеев А. Г., 1990-1996

© Эксмо, 1990-1996

Содержание

Часть I	5
Часть II	83
1	83
2	85
3	89
4	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Алексей Григорьевич Атеев

Солнце мертвых

Посвящается Ольге и Ирине

Часть I

Если бы кто-нибудь рассказал Валентине Сергеевне Петуховой о том, в какой водоворот таинственных и невероятных событий она будет вовлечена, эта пожилая, но весьма энергичная дама только посмеялась бы. Ни во что сверхъестественное она не верила. Мало того, она всю жизнь боролась с религиозным мракобесием и была яркой атеисткой. Библиотека, которой руководила Валентина Сергеевна, отличалась высоким уровнем атеистической пропаганды. Здесь постоянно устраивались различные выставки, развенчивающие неприглядную роль религии в современном обществе. Не реже одного раза в месяц проходили диспуты на ту же тему, а подборке атеистической литературы могла бы позавидовать любая крупная библиотека страны. Словом, атеизм был коньком Валентины Сергеевны. Но, что удивительно, другим ее увлечением были сбор и засолка грибов. Эти две, казалось бы, противоположные страсти мирно уживались в кипучей душе Петуховой.

Грибам, или микологии, как научно изъяснялась Валентина Сергеевна, она посвящала многие часы и считала их лучшим отдыхом. Читала солидные многотомные исследования о грибах, не пропускала последних новинок по этой теме, а летом со всей страстью отдавалась «тихой охоте», как называют сбор грибов. Почти каждый свой отпуск проводила она в глухих лесных деревушках, прочесывая березовые рощи и сосновые боры в поисках грибных эльдо-радо, и, случалось, находила поистине россыпи рыжиков и груздей. Тут же солила, используя ведомые одной ей рецепты. Валентину Сергеевну отличала одна особенность. Она никогда не собирала грибов в уже известных ей местах, постоянно выискивала все новые неизвестные уголки.

И нынешний отпуск она решила провести в дотоле неизвестном месте. Как-то, возвращаясь на электричке из очередного грибного похода, она случайно подслушала разговор двух старушек, таких же собирательниц грибов, как она. Из тихого разговора, не все подробности которого она расслышала, удалось уяснить, что есть-де такая деревушка Лиходеевка, так вот у этой деревушки белый гриб попадает в таком изобилии, что хоть косой коси, однако нужно знать места. Да и с самой Лиходеевкой не все в порядке, что-то в этой деревушке неладно.

– Нечисто там, – выразилась одна старушка.

«Видать, дебри непролазные, – подумала Петухова, – небось ни пройти, ни проехать». И она продолжала прислушиваться к разговору.

– Грибов там страсть, – продолжала нашептывать бабка, – только я туда ни ногой. Да и местные в те места не ходят, опасаются.

Что уж там такого опасного, Валентина Сергеевна не расслышала, потому что в электричку вошли веселые парни с гитарами и заорали какую-то песню.

Разговор про сказочно богатую грибами Лиходеевку не давал ей покоя. Она выяснила, что деревня действительно находится далеко от города – километрах в пятидесяти, что добраться туда нелегко, возможно лишь на попутке, но все эти трудности только подзадорили энтузиастку грибного промысла.

И вот наступил долгожданный отпуск. Август только начинался. Стояла именно та погода, которую так любят грибники. Ночью сеял мелкий теплый дождик, а с утра день был свеж и ясен. Для понимающего человека лучше погоды не бывает. Валентина Сергеевна собра-

лась в дорогу без промедления. На удивление быстро нашла попутную машину и вскоре уже тряслась в кабине грузовика, везшего в кузове какие-то сельскохозяйственные запчасти. Шофер попался неразговорчивый. Он всю дорогу молчал и, как казалось Валентине Сергеевне, был чем-то рассержен. На нее он, казалось, не обращал внимания и на все ее попытки заговорить с ним упорно отмалчивался. И только в самом конце пути, услышав, что попутчица едет в Лиходеевку собирать грибы, внимательно посмотрел на нее, отвлекшись на минуту от дороги. При этом машину основательно потряхнуло.

– За грибами, значит? В Лиходеевку? – На лице его появилась гримаса насмешливого сострадания. – Зря вы это затеяли, дамочка. Грибов сейчас кругом много. Зачем же в эту Лиходеевку? Убежите вы оттуда без оглядки, попомните мои слова.

На вопрос, что же там такого страшного, шофер хмыкнул, покосился на нее и почему-то смущенно промолвил:

– Комаров больно много.

Комаров Валентина Сергеевна не боялась, но что-то в тоне водителя насторожило ее. Она попыталась узнать какие-то подробности о Лиходеевке, но шофер в разговор больше не вступал и внимательно смотрел на дорогу. Машина вскоре съехала с разбитого тракта и поехала лесом. Ветки берез то и дело ударяли по кабине, обдавая Валентину Сергеевну дождевой влагой, и она поспешно закрыла окно.

Вдруг лес расступился, и показалась деревня.

– Вот она, Лиходеевка, – сказал шофер и, притормозив, повернулся к Валентине Сергеевне: – А может, дальше поедете, до Кутушева, там тоже грибов тьма, а места не в пример спокойнее.

Но она отрицательно замотала головой и стала совать водителю деньги, от которых тот решительно отказался.

– Назад повезу – рассчитаемся, – засмеялся он и махнул рукой на прощание.

Машина уехала, а Валентина Сергеевна остановилась у края дороги и огляделась.

Сельцо, которое предстало перед изумленными глазами Валентины Сергеевны, словно сошло с идиллического пейзажа девятнадцатого века. Столетние липы и тополя обрамляли десятка три живописных изб, вернее, беленых хат, крытых чуть ли не соломой. Не видно было даже привычных телеграфных столбов. И хотя ярко светило солнце и все сверкало красками августовского дня, от этой идиллии становилось почему-то печально и даже тревожно. Может быть, причиной была абсолютная тишина, стоявшая вокруг. Не слышно было привычных звуков деревенской жизни: кудахтанья кур, мычания скотины, собачьего лая.

«Вымерли здесь все, что ли?» – с тревогой подумала Валентина Сергеевна и побрела по заросшей куриной слепотой тропинке к крайнему дому.

В огороде какая-то женщина полола картошку. Валентина Сергеевна поздоровалась и поинтересовалась, нельзя ли где поселиться на время?

– А что вам здесь? – спросила женщина, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении совсем старой, с морщинистым, как печеное яблоко, лицом.

– Да отдохнуть хочу, – молвила Валентина Сергеевна, осматриваясь вокруг. Ей понравилась аккуратная изба, чистота и порядок во дворе.

– Дачница, значит, – протянула старуха с сомнением. – Только дачникам у нас делать нечего. Кругом болота да леса дремучие. Их у нас отродясь не бывало. Пробовали некоторые, да долго не выдерживали. Муторно тут без привычки.

Старуха ни с того ни с сего перекрестилась.

– А грибы тут у вас есть? – полюбопытствовала Валентина Сергеевна.

– Грибов-то пропасть, – был ответ. – Да не больно-то их собирают, в лесах этих проклятых.

– Так, может, постойте на постой? – продолжала гнуть свое Петухова.

- Да живи, жалко, что ли! Только долго ли ты проживешь?
- Недели две точно.
- Я не об этом. Ну да ладно, пошли в дом.

Внутри избы было очень чисто, но как-то сумрачно. Передний угол занимал большой киот с иконами, теплился синенький огонек лампадки. Икон было очень много, куда больше, чем в обычном крестьянском доме, да и были они не простые, а хорошего старинного письма, как сразу определила Валентина Сергеевна.

– Ты, надо думать, в господа-то не веришь? – спросила старуха, заметив ее интерес к иконам.

Несмотря на то что Валентина Сергеевна была яркой атеисткой, от ответа она уклонилась, не желая портить отношения с хозяйкой.

- А спать я где буду? – попыталась переменить она тему разговора.
- Ну, не веришь, и господь с тобой! – подытожила старуха. – Спать-то? Да вот тут.

Они вошли в комнату поменьше, где у стены, завешенной ярким ковриком, на котором черкес целился из ружья в тигра, стояла большая никелированная городская кровать. На подоконнике краснели горшки с геранью, мерно тикали ходики на стене. Было чисто, светло и уютно.

Непонятно, в чем было дело, но в первые полчаса, проведенные в Лиходеевке, Петухова чувствовала себя как-то неуверенно. И главное, причина этого дискомфорта была ей неведома. Но комнатка, где предстояло жить, настолько понравилась, что она повеселела.

- Кровать-то у вас городская, – решила она польстить хозяйке.
- Это сын привез, – охотно откликнулась та. – Как из города приезжает (он у меня в городе живет) – завсегда на ней отдыхает. Вы не беспокойтесь, все на ней чистое.
- А почему ваша деревня Лиходеевкой называется? – поинтересовалась Петухова.
- А потому, – насупилась старуха, – что дела в ней лихие творились, да и сейчас случаются.

И она опять перекрестилась.

«Богомольная какая», – подумала Валентина Сергеевна. Но слова старухи заставили ее настроиться.

- Это какие же лихие дела? – делано засмеявшись, спросила она.
- Долго рассказывать, да и не к ночи, – буркнула старуха. – Давайте-ка лучше я самовар поставлю. Чай пить будем.

Пока закипал самовар да потом пили чай и Валентина Сергеевна угощала старуху (как оказалось, ее звали Агриппина Кузьминична) городскими лакомствами, быстро стемнело. И внезапно на Петухову навалилась такая усталость, что она едва добралась до никелированной кровати и погрузилась в пуховик. Сонное сознание успело зафиксировать яркий свет луны, пробивающийся сквозь заросли герани на окне, и тонкий комариный писк. Она уснула.

На новом месте приснилась жених невесте – гласит пословица. Какой жених? Какая невеста?! Валентина Сергеевна – дама, как говорится, не первой молодости. Между тридцатью и пятьюдесятью, где-то так. Были и женихи, и муж был. Но кипучая натура нашей библиотечарши отринула весь этот мещанский хлам. Розовый абажур, семь слоников на диванной полочке, кружевные салфеточки – словом, семейный уют. Далека она была от этого, ох далека! Единственная слабость – грибной промысел – тщательно скрывалась от знакомых. Атеизм из безобидного увлечения развился чуть ли не в манию. Ох и много испортила она крови местным батюшкам! Даже в Синоде про нее слыхивали. Да и было это, что называется, «в струю». Храмы закрывались, иконы сжигались, и пепел от этих костров кружил над землей.

Богомольные старушки хорошо знали Валентину Сергеевну, плевали ей вслед и звали не иначе, как дьяволицей. И надо сказать, она этим гордилась. Как-то Петухова прочитала про Гипатию, ученую, жившую в древности в Александрии. Несчастливая была растоптана тол-

пой фанатиков-христиан за то, что была убежденной язычницей. История эта потрясла Петухову. Она представила себя на месте Гипатии: за ней, размахивая клюшками, бежит толпа старух, повязанных черными платочками. Они догоняют ее. Валентина Сергеевна, замирая, почти ощущала удары палок. Как сладко страдать за правое дело!

Но вернемся к реальности.

Она проснулась. Было по-прежнему необыкновенно тихо. Солнечный свет заливал комнату. Наконец на улице пискнула какая-то птица. Звякнула колодезная цепь. Валентина Сергеевна сладко потянулась и встала с постели. Старухи не было видно... «Наверно, корову выгоняет», – подумала дачница. Быстро умылась из старинного медного умывальника, наскоро перекусила и отправилась на свою первую вылазку в лес. Но сначала решила осмотреть деревню. Та оказалась совсем крохотной. На единственной улице было пустынно. Ей повстречался лишь благообразный старичок, гнавший хворостиной козу. Он вежливо поздоровался и долго глядел вслед Валентине Сергеевне.

Лес был чист и светел. Красные колонны сосен исчезали высоко в небе. Встречались осины и березы, но в основном это был настоящий корабельный бор. Вековые деревья росли довольно далеко друг от друга, в траве были целые заросли брусники. Валентина Сергеевна сорвала несколько ягод и с удовольствием их съела. Наконец появились и грибы. Это были маслята – совсем мелкие, скользкие, пряно пахнувшие, до того аппетитные, что хотелось отправить их в рот прямо сырыми. Корзина быстро наполнялась, но Валентина Сергеевна этого не замечала. Она шла от дерева к дереву, внимательно вглядываясь в засыпанную хвоей землю. Азарт захватил ее полностью. Наконец корзина наполнилась. Пришлось поворачивать назад. И опять знакомой тропкой она вышла в деревню. Здесь было по-прежнему тихо и пустынно. Тишину нарушал лишь гусиный выводок, плескавшийся в луже. Хозяйка была дома. Она равнодушно глянула на корзину, буркнула что-то в ответ на приветствие. Валентина Сергеевна попыталась завести беседу, но старуха отмалчивалась, и Валентина Сергеевна занялась своими грибами.

Так прошло два дня. Время тянулось однообразно. Походы в лес, в разных направлениях, так сказать, на разведку. Кому-нибудь, наверное, надоела бы такая жизнь, но библиотекарьша отдыхала здесь душой и ни о чем другом не мечтала. Единственное, что беспокоило ее, – отсутствие белых грибов – самой желанной добычи заядлого грибника. Конечно, они попадались, но их было столь мало, что Петухова расстраивалась чуть ли не до слез. Разве об этом она мечтала, выбирая Лиходеевку местом отдыха? Раз она попыталась заговорить с хозяйкой на эту тему.

– А скажите, Агриппина Кузьминична, – начала она тем неестественным тоном, каким говорят с народом умные библиотекарьши. – Вы, наверное, здесь все заповедные места знаете?

– Какие такие заповедные? – насторожилась старуха.

– Ну где лучшие грибы растут, белые грибы.

– А, боровики, – старуха внимательно посмотрела на библиотекарьшу. – Есть, конечно, такие места. Я раньше, когда помоложе была, тоже за грибами ходила часто. Боровиков этих брала, веришь ли, мешками из леса таскала, отборные – один к одному.

– А откуда же? – насторожилась Валентина Сергеевна.

– Да хотя бы против сухого болота. – Бабка неопределенно махнула рукой на запад. – Там и сейчас этих боровиков полно. Только вот что я тебе скажу, милая! – Старуха подняла палец вверх, и лицо ее приняло строгое и печальное выражение. – Не ходила бы ты по лесам, не ровен час, приключится беда какая.

– Что может приключиться? – машинально переспросила Валентина Сергеевна, прикидывая, как добраться до этого сухого болота.

– Да мало ли что. Я тебе уже говорила. Леса тут гиблые, места топкие, где не туда наступишь, и поминай как звали. С виду зеленая лужайка, а под ней топь без дна. И пикнуть не успеешь, как утянет неведомо куда.

– А что, пропадали люди?

– Еще и как пропадали! Да вот года три назад тоже вроде тебя приезжал дачник. Ученый. Все травки разные собирал. Так исчез, и следа его не сыскали. Приезжала тут милиция, все обшарили, а травозная этого так и не сыскали. Так что ты, голубушка, езжай лучше домой, отправляйся в свою библиотеку, сиди там и не морочь себе и людям голову.

– Откуда вы знаете, что я в библиотеке работаю? – удивилась Валентина Сергеевна.

– Ну как же, давеча за чаем рассказывала, – отвела глаза бабка. – Или не помнишь?

Петухова промолчала, хотя точно помнила, что своих анкетных данных не сообщала.

– А может быть, случайно обмолвилась? – попыталась вспомнить она.

– И еще. – Старуха присела на березовый чурбан. – Здесь ведь не только болота эти. Здесь много чего другого случиться может. Места наши глухие, темные. Про них в народе разное рассказывают. И колдунами нас обзывают, и ведьмухами. Ты вот, знаю я, в бога не веруешь, а без веры здесь нельзя. Пропадешь. Иной раз и сама не чаю, как здесь живу. Всю жизнь прожила, а привыкнуть не могу.

Старуха неожиданно оборвала разговор и, тяжело вздохнув, проследовала в дом. Валентина Сергеевна была заинтригована. Что-то она уже слыхала про деревни, населенные одними колдунами, но когда и где – не припомнила. С одной стороны, она хотела подробнее расспросить бабку об истории Лиходеевки, с другой – понимала, что сейчас та ничего ей не скажет. А узнать поподробнее, конечно, стоило. Она представила, как на очередном антирелигиозном диспуте заинтересует слушателей рассказом о посещении таинственной деревни, где до сих пор глупые суеверия, идущие из тьмы веков, туманят людям головы.

«Какое интересное место, – подумала Валентина Сергеевна, – прямо какая-то допетровская Русь. А в лесу, видать, и избушка на курьих ножках имеется... Но главное – белые грибы, – вдруг вспомнила она. – Завтра же отправлюсь на поиски».

Дни стояли как на заказ. В небе ни облачка, только под вечер иногда затянет низкими тучами, и всю ночь идет мелкий теплый дождик. И все же приближение осени становилось все отчетливей. На кустах, на ветвях деревьев заблестели нити паутины, и в утренней прохладе чудился привкус будущих морозов.

Ранехонько двинулась Валентина Сергеевна в путь. Направление взяла в ту сторону, куда указала рукой старуха. В руке корзина, за плечами рюкзачок с нехитрой снедью. На этот раз решила она собирать только отборный гриб. Поэтому без сожаления смахивала березовым батожком многочисленные сыроежки и волнушки.

Поначалу лес был все такой же светлый и просторный, как обычно. Изредка попадались небольшие, заросшие луговыми цветами поляны. Шла она неторопливо, внимательно смотря под ноги. Стали попадаться и первые белые грибы. Пока что было их немного, но само их присутствие окрыляло библиотекарку. Прошла она минут сорок, наконец лес стал редеть, и показался край болотистой пустоши. Где-то здесь, по словам старухи, и находились россыпи боровиков.

Валентина Сергеевна подошла к краю болота. У берега оно было совсем неглубоким. Шелестели камыши и осока, из-под ног в зеленую ряску то и дело прыгали лягушки, с противным писком на лицо садились комары. Что дальше за болотом, из-за высоких зарослей видно не было.

День, еще несколько минут назад светлый и ясный, вдруг потускнел, сделался серым. Подул холодный ветерок. Затхлым сладковатым запахом потянуло с болот. Валентина Сергеевна поежилась и повернула назад в лес. Но и лес стал какой-то не такой. Чем дальше она шла, тем меньше становилось сосен, пошел березняк и осинник. Появились зеленые моховые плешины, в которых нога утопала, как в дорогом ковре. Валентина Сергеевна идти по мхам опасалась, помня рассказы хозяйки о бездонных трясинах. Она пугливо тыкала в мох своей хворостиной, но пока страхи ее были напрасны. Бессмысленное хождение стало надоедать, как

вдруг она наткнулась на изрядное семейство боровиков. Треть корзины сразу наполнилась. Охотничий азарт охватил Петухову. Она заметалась по лесу, сразу забыв про свои страхи. Грибов, настоящих грибов, становилось все больше. Корзина уже почти наполнилась, а их количество не уменьшалось. Никогда еще не видела Валентина Сергеевна такого изобилия боровиков. Она решила остановиться, передохнуть и рассортировать свою добычу. На ходу перекусив, переложила грибы из корзины в освободившийся рюкзак и повесила его на сучок огромной сосны, привязав к нему красный платок, чтобы издали заметить на обратном пути. Продолав эти манипуляции, двинулась дальше. Теперь она собирала не все белые грибы, что попадались на пути, а только отборные, маленькие, с крепкими плотными шляпками без единой червоточки.

Так шла она от дерева к дереву, забыв про время, охваченная всепоглощающей страстью. Внезапно грибное изобилие кончилось, как отрезало. И хотя корзина снова была полной, Валентина Сергеевна почувствовала горькое разочарование. Она глянула на свои часы – было далеко за полдень. Что ж. Пора возвращаться. И только тут поняла, что не знает, куда идти. Верный ориентир – болото – пропал. Она помнила, что шла на запад. Но на запад ли? Да и в какой стороне этот запад? Солнца не видно. Небо затянуто облаками. Неужто заблудилась?

Валентине Сергеевне стало не по себе. Вспомнились таинственные намеки старухи, а тут еще среди бела дня заухал филин. Вдруг лес расступился и перед ее глазами открылась обширная поляна, скорее даже небольшое поле.

В первую минуту Петухова решила, что это околица села. Виднелись какие-то изгороди, торчащие из земли колья. Приглядевшись, она поняла, что перед ней кладбище. Это ее обрадовало – раз кладбище рядом, то деревня недалеко. Она подошла поближе.

Кладбище было старинное, и не похоже, чтобы на нем хоронили крестьян. Попадались массивные гранитные мраморные надгробья, большей частью покосившиеся, а некоторые и вовсе валявшиеся на земле. Едва читались имена и даты, стертые временем. Чувствовалось, что человек приложил руку к этому. Некоторые памятники были разбиты, у мраморного ангела было отбито крыло, а у статуи женщины, державшей в одной руке опущенный факел, вторая вообще отсутствовала. Было здесь и два-три склепа – массивные приземистые строения из старинного кирпича с ржавыми чугунными дверьми. Двери одного из склепов были распахнуты, и Валентина Сергеевна почти пробежала мимо них, охваченная жутью. На стене другого была укреплена черная мраморная доска, из надписи на которой следовало, что здесь покоятся представители славного рода Кокуевых. Забыв о своих грибах и о времени, ходила храбрая библиотекарьша среди старинных могил. Чем-то стародавним, неведомым повеяло вдруг на нее.

«Видимо, это старинное дворянское кладбище», – решила она.

А тем временем начавшийся мелкий дождик усилился и перешел в ливень. Сверкнула молния, ударил гром, полилось, как из ведра. В поисках укрытия Петухова заметалась по кладбищу. Зайти в один из склепов было страшно. На самом краю виднелось какое-то строение, видно, бывшая часовня. Валентина Сергеевна устремилась туда. Здесь было относительно сухо. Струи дождя с силой били по ржавой железной крыше, и звук этот гулко отдавался в пустом помещении. И тут царило полное разорение. На щербатом каменном полу валялся разный мусор, обломки кирпичей, гнилые доски. Стены были изрисованы и исписаны мелом и углем. Что написано на стенах, Валентина Сергеевна из-за плохого освещения не разобрала. Она попыталась прочесть одну из надписей, приблизившись почти вплотную к стене и водя пальцем по буквам.

– Отче наш, иже еси на небеси... – читала она по складам и вспомнила, что это молитва. Дальше она читать не стала, а повернулась к окну, белеющему на темной стене. За окном шел ливень. Сквозь струи были видны ближние надгробья, дальше же все терялось в белесом тумане.

Быстро темнело. Дождь не прекращался, но стал слабее.

«Надо идти», – решила Валентина Сергеевна. Она храбро вышла из дверей часовни, но тут же чуть не упала. Ноги разъезжались на скользкой глинистой почве. Струйки воды стекали по ее расстроенному лицу. Она неуверенно двинулась вперед, но, пройдя несколько метров, остановилась.

Куда идти, в какую сторону? Одежда промокла, на легкие теннисные тапочки налипли комья глины. Растерянность сменилась страхом. Она обернулась назад, поглядела на распахнутые двери. Рассудок подсказывал, что надо вернуться в часовню. Там было хотя бы сухо. Страшно, конечно, но ведь Валентина Сергеевна не верила во всякую чертовщину. Переждет дождь и двинется в путь.

Внутри стало еще сумрачней. Впотьмах, натываясь на острые кирпичные обломки, Валентина Сергеевна подобрала несколько трухлявых досок и соорудила из них подобие табурета. Села, привалившись мокрой спиной к кирпичной стене, и задумалась.

Конечно, неприятно. Видимо, придется ночевать в этой часовне. Сейчас бы развести костер, но спичек не было. Может быть, перекусить? Она пошарила в корзине, нашла мокрый газетный сверток с бутербродами. Пожевала без аппетита.

Стало совсем темно. Мерный гул дождя усыплял, и она задремала. Нет, это был не настоящий крепкий сон, а полудрема. Она слышала стук капель по крыше, завывание ветра. Но одновременно видела сон, даже не сон, а какие-то странные, ни на что не похожие образы клубились, казалось, вокруг. Ее обступали бесплотные тени. Люди ли это, призраки? Она не знала.

Внезапно она проснулась. Дождь кончился. Стояла абсолютная тишина, только иногда одинокая капля срывалась с крыши, и звук ее падения казался громом. Было тепло, даже душно. Голова Валентины Сергеевны была свежей и ясной, как будто не дремала она, привалившись к холодной, шершавой стене, а долго и крепко спала в теплой и мягкой постели.

«Надо идти отсюда», – подумала она, но мысль эта показалась настолько нелепой, что была тут же отброшена.

«Куда идти? Не проще ли дождаться утра?»

Все бы хорошо, но было очень страшно. Вдруг где-то далеко заухал, захохотал филин. Мороз прошел по коже Валентины Сергеевны. Птица успокоилась, снова наступила тишина. Однако она была недолгой. Послышались новые звуки. Вначале ей показалось, что где-то бьют в рельс. Но звук был не резкий и гулкий, а напротив, глухой и унылый. Валентина Сергеевна поняла, что это колокол. Погребальный звон внезапно прекратился и сменился нестройным жалобным пением, вернее, воем. Пели несколько человек, и нельзя было разобрать, мужчины или женщины. Голоса приближались. Валентина Сергеевна сидела ни жива ни мертва. Ноги стали как ватные. Сквозь хаос мыслей огненной нитью билась одна: бежать! Бежать! Но сил не было.

И вдруг страх отступил, и на смену ему пришло жгучее любопытство. Хоть одним глазком взглянуть, что там происходит!

Стараясь не шуметь, она поднялась с пола и выглянула в окно.

Вначале она ничего не увидела. Тьма, казалось, была абсолютной. Однако во тьме происходило какое-то движение. Внезапно зажегся огонек, за ним – второй, третий...

«Свечи», – поняла Валентина Сергеевна.

Тусклый свет вырвал из мрака какие-то силуэты в белом. Силуэты приближались. По огонькам свечей стало ясно, что их трое. Было так интересно, что она перестала бояться. Внезапно силуэты остановились. Находились они всего в десяти метрах от часовни, в которой притаилась Валентина Сергеевна. Глаза ее привыкли к темноте и теперь и без света свечей различили три фигуры в белом. Они стояли у могилы с некогда вертикальным, а теперь сильно покосившимся надгробным камнем. Именно на этот камень и были поставлены свечи. Они разгорелись, и теперь стало видно, что это короткие толстые огарки зеленого цвета.

Тем временем таинственные силуэты стали что-то делать поодаль от могилы. Сначала Валентина Сергеевна не поняла, что, но потом догадалась – разводят костер. Видимо, дрова были принесены с собой, так как костерок запылал в считанные секунды. В его свете Валентина Сергеевна как следует рассмотрела тех, кто пришел в это странное место в столь странный час.

Это были женщины в длинных белых рубахах до пят, босые, с распущенными волосами и, как ей показалось, необычайно бледные. Сначала Валентина Сергеевна не могла определить их возраст. Ей казалось, что это старухи, и, хотя стояли они совсем недалеко, в неровном свете костра невозможно было разглядеть их лица. Внезапно они сбросили свои рубахи и стали в кружок вокруг костра. Действительно, две из них были наверняка не молоды. Их грузные тела с обвисшими грудями и животами рельефно вырисовывались на фоне огненных языков. Третья была молодая женщина со стройным белым телом. Они в молчании постояли несколько минут у костра, затем одна из них что-то бросила в огонь. Костер полыхнул зеленым цветом. Женщины вновь запели тихими голосами какую-то заунывную песню. Слов Валентина Сергеевна не разобрала, да если бы и разобрала, вряд ли бы их поняла. Время от времени то одна, то другая бросали что-то в костер.

Валентина Сергеевна замерла у своего окна. Смотрела во все глаза. Никогда она не стеснилась ни с чем подобным. В голове мелькали обрывки мыслей: что это за странный обряд? Шабаш ведьм? Какой-нибудь древний языческий культ?

Всю жизнь мечтала Петухова о чем-нибудь подобном. Ведь даже самый закоренелый скептик в глубине души надеется встретиться с неведомым.

Страх перед сверхъестественным отошел на задний план. Любопытство оказалось сильнее чувства самосохранения. Валентина Сергеевна забыла про осторожность.

Внезапно костер загорелся чистым зеленым светом. Столб его подымался высоко вверх и осветил не только кладбище, но и опушку леса. Обнаженные фигуры у огня медленно изгибались, как будто исполняли какой-то неведомый танец. Заунывное пение не прекращалось. И тут Валентина Сергеевна с ужасом заметила, что земля на могиле шевелится. Вот тут-то бедная библиотекарша и узнала, что такое настоящий страх. Она часто читала, что от ужаса на голове у людей шевелятся волосы. Теперь она отчетливо почувствовала, как волосы шевелятся у нее самой. От страха она вся оцепенела. Только сердце гулко стучало в груди, и стук этот отдавался в мозг.

Между тем пение усилилось и стало походить на истерические вопли. Столб зеленого света потемнел и как бы загустел. Петухову начало трясти, когда она увидела, что из земли сначала показались кончики пальцев, а потом вылезла и вся рука отвратительного черного цвета. Пальцы беспрестанно двигались, как будто хотели что-то схватить, раздавить, изорвать в клочья.

Женщины упали на колени. Пение их прекратилось, и в тишине был слышен только звук осыпающейся земли. Столб зеленого огня внезапно исчез, а на его месте нестерпимым малиновым светом полыхали уголья. В их свете было видно, как из могилы пытается выбраться нечто огромное, невероятно страшное.

Валентина Сергеевна держалась из последних сил. Она стояла у окна на самом виду, с ужасом взирая на происходящее.

Из могилы показалась голова. Вид ее был настолько чудовищен, что библиотекарша, забыв обо всем, взвизгнула от ужаса. В ту же минуту заухал, захохотал филин, женщины повернули головы в ее сторону – их лица были еще ужаснее личины мертвеца. Они вскочили с земли и, завизжав, бросились к часовне. Костер в ту же минуту погас, а Валентина Сергеевна, не чуя под собой ног, грохнулась без чувств.

Разбудил ее щебет птиц. Было ясное свежее утро. Солнечные лучи, проникая сквозь проемы окон, освещали мрачные внутренности часовни. Она поднялась с пола. Все тело болело, кости ныли, словно вчера пришлось делать непосильную работу.

Взглянув на часы, Валентина Сергеевна увидела, что почти восемь утра. Она вышла из часовни и огляделась. Сейчас, в солнечном свете, старое кладбище имело прямо-таки романтический вид. Омытые дождем памятники и надгробия сверкали полированными гранями. Все кругом покрывали заросли высокой травы, луговых цветов. Особенно много было ромашки. С памятника на памятник перелетали две сороки. Они о чем-то взволнованно стрекотали.

Валентина Сергеевна вздохнула полной грудью: как хорошо! И вдруг вспомнила о своем ночном приключении. Неужели все это было на самом деле? Ей вдруг стало не по себе. Хотелось бежать сломя голову из этого жуткого места. Но здравый смысл взял верх.

«Нужно во всем разобраться, – решила библиотечка. – Наверняка это был сон. Всякое может присниться. А такой яркий и подробный потому, что устала, нервы были напряжены, да и место необычное. Вот и померещилась всякая чепуха».

Она посмотрела в сторону надгробия, которое так ярко запечатлелось в предполагаемом сне.

«Подойти, что ли?» Она нерешительно шагнула в сторону могилы. Ночные страхи все еще давали себя знать.

«А чего я, собственно, боюсь?» Она медленно подошла к могиле. На нее она старалась не смотреть. Где-то здесь горел костер, если ночные видения – действительность, то должен остаться след. Но никаких следов кострища не было.

– Конечно, это был сон, – успокоилась библиотечка. Она подошла вплотную к могиле. Никакой свежей земли, конечно, не было. Вся она заросла какой-то остролистной травой, и только посередине пламенел кровавыми цветами куст чертополоха.

Памятник – продолговатая конусовидная плита черного мрамора – сильно наклонился и как будто вот-вот должен был рухнуть в заросли бурьяна. Надписи на камне было не разобрать. Проступали какие-то буквы, но они были, казалось, замазаны грязью. Библиотечке стало нестерпимо любопытно: кто же здесь похоронен? Она смочила в лужице ладошку.

«Не делай этого! – говорил ей внутренний голос. – Беги отсюда!» Но мужественная дама не послушалась рассудка. Она провела мокрой рукой по надписи. Та стала четче, рельефнее. Теперь вполне можно было прочесть.

Старинными витиеватыми буквами на камне было написано:

«ПЕТУХОВА ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА»

Ниже стояла дата рождения.

Это была ее дата рождения!

Вначале Петухова ничего не поняла.

«Что за странность, – подумала она, – однофамилица моя? Тоже Валентина и тоже Сергеевна! И год рождения мой». Это не укладывалось в голове. День внезапно померк. Казалось, ночные видения обступили ее вновь.

А когда же она умерла?

Надпись, свидетельствующая об этом, была все еще скрыта грязью. Снова дотрагиваться до камня было неприятно и даже страшно. Валентина Сергеевна достала из кармана кофты носовой платок и намочила его в луже. С мокрым платком в руке она в нерешительности стояла подле памятника. Любопытство подталкивало ее, страх не давал поднять руки. Наконец любопытство пересилило. Она осторожно провела мокрой тканью по едва проступавшим из грязи цифрам. Потом с внезапно появившейся смелостью лихорадочно заработала платком. На камне четко и рельефно проявились цифры. Это был нынешний год. Судя по дате, ей оста-

лось жить тринадцать дней. Валентина Сергеевна несколько не сомневалась, что надпись эта напрямую связана с ней.

Не помня себя, схватила она корзину с уже ненужными вчерашними грибами и побежала куда глаза глядят.

Буквально через полчаса она машинально отметила, что стоит на околице Лиходеевки. Здесь Валентина Сергеевна постаралась взять себя в руки. Вот наконец и дом, где она остановилась. Едва кивнув удивленной хозяйке, которая копалась во дворе, Валентина Сергеевна проскользнула в свою комнату и, не раздеваясь, бросилась на кровать. Сердце бешено стучало. Мысли лихорадочно скакали. Страшно разболелась голова. Ужас переполнял все ее существо.

Заглянула хозяйка. Поинтересовалась, где была постоялица. Та ответила, что заблудилась.

– А где ты, милая, ночевала? – продолжала расспрашивать бабка.

– Да в лесу, под деревом, – односложно ответила библиотекарша.

– Вымокла небось? – не отставала старуха.

– Устала я очень, отдохнуть хочу.

– Ну ладно, отдыхай. – Старуха вышла.

Валентина Сергеевна забылась в тяжелом сне.

Вечером за столом библиотекарша пила чай, без аппетита жевала кусок пирога с капустой и молчала. Старуха с любопытством поглядывала на нее, вздыхала, кашляла, но тоже не произносила ни слова. Наконец старуха не выдержала.

– А все же где тебя носило?

– Я же сказала, заблудилась! – Валентина Сергеевна была не намерена вступать в разговор.

– Заблудилась, – протянула бабка, – вон что... А может, ты на кладбище завернула? – Она испытующе глянула на библиотекаршу.

– На какое кладбище? – встрепнулась та.

– Да есть тут одно... – неопределенно промолвила старуха и снова в упор глянула на постоялицу. – Значит, на кладбище нечистый тебя занес! – утвердительно заключила она. – И что же ты там видела?

Валентина Сергеевна молчала, глядя в окошко.

– Не хочешь, значит, рассказывать! – рассердилась старуха. – Ну что ж, твое право. Только смотри, как бы хуже не было. Накликала беду на свою голову!

«А может быть, и правда рассказать ей все? – подумала библиотекарша. – А что рассказывать, кто в это поверит? Нет, уж лучше все забыть и не вспоминать никогда. Завтра же уеду. Прямо с утра».

Утром она расплатилась с хозяйкой, сухо распрощалась с ней и двинулась к проселку.

– А грибы как же? – спросила бабка, кивнув на сушащиеся на солнце низки боровиков и подберезовиков.

– Я их вам оставляю: на память, – усмехнулась Валентина Сергеевна.

– Какая память... – молвила старуха. – Через день-другой снова увидимся.

Валентина Сергеевна приостановилась и удивленно глянула на старуху.

– Да-да, милая, вернешься ты вскоре, да не одна вернешься. Да вот не знаю, к добру, к худу ли? Не сказала ты мне правды, покаешься вскоре, – сказав так, старуха ушла в дом. Через пятнадцать минут Валентина Сергеевна тряслась в кабине молоковоза. Шофер попался неразговорчивый, да и у нее не было желания вступать в беседу.

Она мучительно размышляла, что же все-таки произошло. За окнами машины мелькали леса, какие-то деревушки, а перед глазами библиотекарши стояло кладбище. Никогда, ни на минуту не допускала она и мысли о существовании сверхъестественных сил. Более того, всеми силами боролась с различными суевериями. И вот теперь. Неужели труды всей ее жизни были

напрасны? Неужели темные силы существуют? Или все же то, что случилось, плод ее воображения? Ночные мистерии среди могил могли и привидеться. Но надпись на памятнике? Как это понять? Мистификация? Но кем осуществленная? А главное, для чего? Может быть, пойти в милицию? Но там ее поднимут на смех. Та самая Петухова, известная атеистка – и на тебе, такие странные заявления. Да и что она может рассказать? Какие-то голые бабы, завывающие в ночи, мертвец, поднимающийся из могилы. Тут и до психушки недалеко.

Вот надпись, надпись... А была ли она на самом деле? Может быть, это гипноз? Или грибами отравилась? От грибов бывают галлюцинации, она где-то читала, что колдуны варили из мухоморов опьяняющий напиток, заставляющий грезить наяву. Выпьет его человек – и запросто общается с духами.

Валентина Сергеевна вспомнила огромные мухоморы, которые она видела в лесу. Вот и объяснение. Дотронулась случайно до ядовитого гриба, а потом яд попал в организм: с едой или рукой провела по губам... Мало ли...

И все-таки это разумное, логическое объяснение случившемуся, как она прекрасно понимала, было построено на песке. Доля правды в нем, наверное, была. Но все упиралось в надпись.

Вернуться бы, посмотреть на нее еще раз. Нет! Одна она туда не пойдет ни за что. А с кем? Библиотекарша стала перебирать в памяти знакомых, способных на такой подвиг. Внезапно вспомнились прощальные слова старухи. Тогда впопыхах Валентина Сергеевна не обратила на них внимания. Что-то она там бормотала о скорой встрече. Загадками какими-то говорила. Старуха определенно что-то знала. Наверное, можно было ей рассказать все. Сама ведь с расспросами набивалась. Теперь поздно.

А не попробовать ли покопаться в городских архивах? Что за Лиходеевка такая? Откуда рядом с ней столь необычное кладбище? Да, видимо, нужно начинать с этого.

За окном показались городские окраины, и скоро Петухова была уже дома. Здесь, в городских стенах, вся эта мистика, случившаяся с ней, казалась далеким дурным сном. От знакомых до мелочей вещей – абажура, добротного кожаного дивана, шкафа с книгами – веяло покоем, устоявшимся бытом. Здесь она была в полной безопасности.

А может быть, плюнуть на эту историю, да и забыть ее? Мало ли что в жизни случается... Но нет! Не таким человеком была Валентина Сергеевна Петухова. На следующий день спозаранку она уже была в городском архиве.

В этом небольшом, построенном в прошлом веке особнячке библиотекарша была не раз. В своих антирелигиозных изысканиях копалась в старых подшивках газет, рылась в толстых папках, набитых пожелтевшими документами. Немногочисленные сотрудницы этого учреждения ее не то что не любили, а скорее побаивались. Кипучий темперамент Петуховой был хорошо известен. Единственный, кто позволял себе посмеиваться, а иногда и ругаться с ней, был заведующий архивом Петр Петрович Забалуев, довольно ветхий, но энергичный и въедливый старичок, настоящий дока по части истории города, да и всего края. Он давно был на пенсии, но продолжал работать, так как его феноменальная память и знание архива ценились начальством. К атеистическим увлечениям Петуховой он относился скептически, но уважал ее дотошность и потому не препятствовал работе в архиве.

Увидев Петухову, Петр Петрович ехидно заулыбался и, картинно разведя руки, спросил насмешливым тоном, что привело ее сюда в столь ранний час. Валентина Сергеевна ждала этого вопроса и заявила, что готовит материалы по истории родного города для публикации в местной газете.

– История вроде бы не ваша область? – удивился Забалуев. – А что конкретно вас интересует?

Услыхав, что интересуется дама старинными дворянскими родами, проживавшими на территории их уезда, еще более удивился. Задумчиво закивал головой и спросил:

– Это что, новая мода такая пошла? Давненько о них не вспоминали. Решили из гробов, из тлена на всеобщее обозрение вытащить?

Упоминание о гробах не понравилось Валентине Сергеевне, но она смолчала. Наоборот, льстивым тоном она начала превозносить заслуги Петра Петровича как известного историка и краеведа.

– Вы это оставьте, – строго произнес он. – Говорите, зачем пришли.

– Тут неподалеку от города есть совсем крохотная деревушка – Лиходеевка. Была я в ней недавно, отдыхала, места там замечательные. И вот, гуляя по лесу, наткнулась на довольно необычное кладбище. Судя по надгробиям, хоронили там местных дворян, но почему не на городском кладбище, а в глуши, да еще посреди леса? Это-то меня и заинтересовало. Словом, хочу произвести исторические изыскания, – высокопарно закончила она.

– Лиходеевка, Лиходеевка... – Старик наморщил и без того морщинистый лоб. – Что-то такой не припоминается... Не могу вспомнить. Вы присаживайтесь, Валентина Сергеевна, сейчас чайком угощу.

Петухова пила чай со свежими баранками, а Забалуев, судя по отсутствующему взгляду, напряженно думал. Затем он убежал и через несколько минут притащил огромную пыльную папку. Торопливо развязал ее, начал перебирать документы. Чай давно был выпит, и Петухова сидела, не зная, чем себя занять. Она смотрела, как пальцы архивариуса перебирают ломкие пожелтевшие листы, и в который уже раз думала, не зря ли затеяла все это? Прошло с полчаса. Забалуев, казалось, совсем забыл про нее, он, видимо, не нашел того, что искал, потому что захлопнул папку, подняв столб пыли, и снова куда-то убежал.

От скуки Валентина Сергеевна принялась рассматривать многочисленные схемы и диаграммы, висевшие по стенам. Здесь были и карты дореволюционного уезда и всей губернии, и графики, свидетельствующие о количестве пахотной земли в районе, и разные статистические таблицы. Один из планов привлек внимание Петуховой. Он рассказывал, каким помещикам и где принадлежала земля в уезде до отмены крепостного права в 1861 году. План был большой и красочно выполненный. Земельные владения помещиков были заштрихованы разноцветными линиями и представляли пеструю мозаику.

Валентина Сергеевна быстро нашла Лиходеевку. Та находилась в центре почти правильного незаштрихованного кружка величиной с пятак, а вокруг располагались помещичьи земли, сходящиеся к кружку острыми углами. Все это напоминало странной формы цветок с разноцветными лепестками. Всего Петухова насчитала шесть лепестков – значит, у Лиходеевки сходилась шесть дворянских владений. Библиотекарша читала на плане фамилии владельцев земли. Некоторые показались ей смутно знакомыми. Вот, например, Кокуевы... Она вспомнила старое кладбище. Да ведь на мраморной плите, украшавшей один из склепов, была именно эта фамилия!

Размышления Петуховой прервал вернувшийся архивариус. По его удрученному виду она поняла, что поиски были напрасны. Видимо, его самого это огорчило, так как он досадливо морщился и кряхтел.

– К сожалению, – сказал архивариус, не глядя на Петухову, – ничем помочь не могу. Во всяком случае, прямо сейчас.

Хотя, – он вскинул голову, – хотя я точно помню, что с этой Лиходеевкой связана какая-то интересная, загадочная история. Да не одна...

– Посмотрите, Петр Петрович, – библиотекарша взяла Забалуева за руку и подвела к карте, – почему такая странность? Все земли нашего дореволюционного уезда кому-нибудь принадлежали: помещикам, церкви, наконец, непосредственно крестьянам; а Лиходеевка находится в центре незаштрихованного пятна, и никаких указаний на этот счет на плане не имеется.

Забалуев впился глазами в карту.

– Действительно, действительно... – забормотал он. – Вот что, Валентина Сергеевна, приходите-ка вы в архив вечером, никто отвлекать не будет, – он глянул на вошедшую сотрудницу, – а я тем временем еще раз внимательно покопаюсь в архиве да переговорю кое с кем. Так что до вечера. – Он утвердительно кивнул головой, провожая Валентину Сергеевну к дверям.

По дороге домой зашла Валентина Сергеевна в городской парк, села на скамейку и задумалась. Над головой колыхали листвой столетние липы, яркие цветы на клумбах радовали глаз, а на душе между тем было беспокойно. Муторно было на душе.

Чем больше Петухова пыталась осмыслить произошедшее, тем труднее поддавалось оно какому-либо объяснению. Жизнь всегда казалась ей простой и ясной, как таблица умножения. Солнце вставало на востоке, а садилось на западе, Волга впадала в Каспийское море...

Кстати, воинствующей атеисткой Петухова стала именно потому, что не могла и мысли допустить о существовании каких-то сверхъестественных сил. Она искренне считала изречение «религия – опиум для народа» своим девизом и делала все, чтобы и других убедить в этом. С детских лет все было «разложено по полкам», и вот теперь в один миг рухнуло.

«А вдруг это начало психического заболевания? – кольнула прямо в сердце неожиданная мысль. – Видимо, именно так и приходит безумие. Нет. Не может быть! Это было хуже всякой сверхъестественной нечисти». «Не дай мне, бог, сойти с ума... Нет, легче посох и сума...» – вспомнила она пушкинские строки. Воспоминания о встреченных когда-то сумасшедших ясно всплывали в ее памяти. Это ужасно! Так сидела она, размышляя о случившемся, не замечая, что происходит вокруг. А происходило следующее.

По аллею парка двигалась какая-то странная фигура. Это была высокая, необычайно худая женщина неопределенных лет. Одета она была в прямо-таки детское полупрозрачное розовое платьице с воланами и лентами. Голова дамы была украшена несколькими бантами, в руках была причудливая, расшитая стеклярусом сумка. Но странность заключалась не столько в ее одеянии, сколько в лице и всем облике.

Бывают люди безобразно толстые, и вид их вызывает улыбку, эта же была безобразно худая. Она, казалось, состояла из одних костей, выпиравших из-под игривого платьица. Лицо было покрыто таким толстым слоем пудры, что казалось оштукатуренным. В сочетании с кроваво-красными губами оно походило на жуткую маску.

Это существо медленно прошло мимо скамейки, на которой сидела Валентина Сергеевна, и скрылось в глубине парка. Занятая своими мыслями, та не обратила на странную гражданку никакого внимания. Через несколько минут нелепая фигура показалась снова. Она поравнялась со скамьей, в нерешительности затопталась возле нее, а потом села на самый краешек.

Валентина Сергеевна подняла голову и увидела почти рядом с собой странное лицо. От неожиданности она чуть не вскрикнула. Неизвестная женщина смотрела на нее тусклым, мертвым взглядом и беззвучно шевелила ярко накрашенными губами, затем отвернулась и тупо уставилась в пространство.

Валентина Сергеевна хотела встать и уйти, но что-то не пускало ее. Только думала о сумасшедших, и вот на тебе! Одна тут как тут. И еще одно обстоятельство неприятно поразило библиотекаршу. От непрошеной соседки шел тяжелый сладковатый запах, смесь ароматов дешевого одеколона, пудры, какой-то парфюмерии и еще чего-то, напоминающего запах свежеспаханного жирного чернозема. «Благоуханье» было настолько сильно, что хотелось зажать нос и пуститься бегом.

Валентина Сергеевна решила так и сделать. Она встала и хотела было уйти, но незнакомка снова вперила в нее свой жуткий взгляд и сказала четко и раздельно:

– Двенадцать дней тебе осталось.

Библиотекарша сначала ничего не поняла. Какие двенадцать дней, растерянно подумала она.

– Вы о чем, гражданка? – Она вопросительно поглядела на странную соседку. Та, казалось, не заметила ее и снова уставилась в пустоту.

– Ой! – Валентина Сергеевна вспомнила вчерашнюю надпись на памятнике. Ведь из нее следовало, что ей осталось жить тринадцать дней. Эта ненормальная что-то знает. Библиотекарша приблизилась вплотную к странному созданию.

– Скажите, – начала она как можно вежливей, хотя едва владела собой. – Скажите, какие двенадцать дней?

Незнакомка упорно молчала.

Валентина Сергеевна наклонилась и глянула ей в глаза... Они были совершенно мертвые, белесые и тусклые.

– Да скажешь ты или нет! – закричала наша мужественная дама.

– Ты сама знаешь, – без всякого выражения сказала женщина.

Валентина Сергеевна, совершенно не владея собой, схватила незнакомку за плечи и начала трясти, приговаривая:

– Что я знаю? Что я знаю? Отвечай, зараза!

Тут надо оговориться, что, несмотря на всю свою интеллигентность и воспитание, Валентина Сергеевна знала довольно много крепких выражений и, случалось, в минуты гнева употребляла некоторые из них. Она была вполне современной дамой.

От тряски голова нелепого существа болталась, как у тряпичной куклы. Во все стороны полетела пудра. Раздавался звук, напоминающий бряканье костей друг о друга. Внезапно Валентине Сергеевне показалось, что на лице пренеприятнейшего существа как бы лопнула кожа. Она присмотрелась: действительно, прямо на левой скуле болтался лоскут кожи, а из-под него виднелась желтоватая кость черепа. В ужасе Валентина Сергеевна выпустила свою жертву и бросилась бежать.

Последнее, что она услышала, были слова, произнесенные размеренно и четко: «Осталось двенадцать дней».

Она мчалась, не разбирая дороги, не видя перед собой ничего. Очнувшись только дома. Все плыло и вертелось перед глазами: деревья в парке, жуткое существо, какие-то цветные полосы... Калейдоскоп кошмаров крутился в ее воспаленном воображении.

Внезапно навалился сон. Тяжелый, без сновидений, как будто провалилась она в черный бездонный колодец.

Она проснулась. Вечерело. За окном чирикала какая-то птичья мелочь. Слышны были звуки духового оркестра, где-то плакал ребенок. На душе было легко и спокойно. Она вспомнила о случившемся и засмеялась. Какая же все это ерунда! Духи, призраки... Да быть этого не может. Кругом обычная, нормальная жизнь. Все так же действуют законы диалектики. Материализм прет со всех сторон... Вот как младенец заливается...

Петухова вспомнила, что нужно идти в архив к Забалуеву. А стоит ли? Не проще ли поужинать, напиться чаю, пойти погулять. А завтра на работу. Хватит отдыхать. Работа, она – лучшее лекарство.

Нет. Сходить в архив все же надо. Ведь всю эту кутерьму сама затеяла. И она стала поспешно одеваться.

В старом особняке ее уже ждали. Большой стол в кабинете Забалуева был завален многочисленными газетными подшивками, старинного вида изданиями, какими-то рукописями. Тут же на краю стоял расписанный яркими цветами поднос, на котором громоздился причудливый самовар, тарелка со свежими баранками, масленка, сахарница.

– Чайку не желаете ли? – предложил любезный Петр Петрович.

Петухова огляделась.

В углу сидел человек, которого она в первый момент не узнала, а узнав, нисколько не обрадовалась.

Это был известный всему городу Дмитрий Воробьев, или попросту Митька Воробей – как непочтительно называла его некоторая часть населения. А известен он был своими неутолимыми краеведческими изысканиями, а еще больше бесцеремонностью, нахрапистостью и даже наглостью, с какой производил эти изыскания. Однажды Воробьев ворвался на заседание городского исполкома, находившегося в старинном доме постройки восемнадцатого века, и, ничуть не смущаясь ответственных товарищей, стал разглядывать украшения камина, находившегося в зале заседаний.

Мало того, он вытащил откуда-то древний фотоаппарат и начал фотографировать эти самые украшения. Разразился скандал. Потрясенный такой наглостью председатель исполкома топал на Митю ногами, кричал, брызгая слюной во все стороны: «Вон! Вон!»

Нимало не смущаясь, тот собрал свои фотопринадлежности и удалился.

Выходка эта имела для Воробьева печальные последствия. Его с треском выгнали из городского музея, где Митя некоторое время работал.

Валентина Сергеевна тоже несколько раз имела с Воробьевым столкновения. Так, на одном из религиозных диспутов Митя стал публично обвинять ее в незнании форм старообрядничества, о котором она делала доклад. Другой раз он пытался выкрасть из библиотеки редкие церковные издания, принадлежащие некогда купцам Бахрушиным.

– Не выкрасть, а только почитать, – оправдывался краевед. Но Валентина Сергеевна была неумолима и сдала Воробьева в милицию, откуда тот был выпущен через пару дней «за отсутствием состава преступления».

После этого случая Петухова, чувствуя себя отчасти виновной, увидев на горизонте маленькую фигурку Воробьева, старалась от встречи уклониться.

И вот теперь встреча здесь, да еще не в самый подходящий момент.

– Вы, Валентина Сергеевна, не стесняйтесь. – Забалуев подвинул ей стул. – А если Митя вас смущает, – он кивнул на Воробьева, – так это вы зря. Он для нас самый полезный человек, он-то как раз и пролил свет на интересующий вас вопрос. Садитесь, прошу вас. И все же, – Забалуев помедлил, рассеянно перебирая бумаги на столе, – вы бы рассказали, что с вами на самом деле произошло.

Валентина Сергеевна задумалась. Рассказать им все? А стоит ли? Ведь не поверят. Решат, что чокнулась баба. Поднимут на смех. Разнесут по городу. У того же Воробьева есть для этого основания.

– Видите ли, – начала она осторожно, – то, что со мной случилось, не совсем обычно.

– Ну, ну, – подбодрил архивариус.

– И если я расскажу подробно, то боюсь, вы мне не поверите.

– Понимаю, вы боитесь огласки, – сказал Воробьев. – Боитесь, что мы разболтаем всем...

И мне вы не доверяете. Так вот, мы...

Но его перебил Забалуев:

– Валентина Сергеевна, мы торжественно клянемся молчать до гроба. – Он шутливо приложил руки к груди.

«...До гроба, – отметила Петухова. – Двенадцать дней осталось... А, была не была...»

И она начала повествование. Стараясь не пропускать мельчайшей подробности, поведала о своих приключениях, не забыла и о сегодняшнем случае. Рассказ продолжался довольно долго. В комнате совсем стемнело, но света не зажигали. Собеседники напряженно слушали.

– Ну, вот и все, – подытожила Петухова, – поверить мне, конечно, трудно. Будь я на вашем месте, конечно бы, не поверила.

– Любопытные вещи мы тут услышали. – Забалуев потер руки от удовольствия, затем включил настольную лампу. Комната наполнилась мягким зеленоватым светом. Стало домашнему уютно. – Ну что ж, – архивариус внимательно посмотрел на Петухову, – мы тут

тоже кое-что раскопали. Митя, собственно, помог. Вот пускай он и рассказывает. Давай, Митя, начинай.

– Я уж и не знаю. – Воробьев нерешительно посмотрел на Забалуева. – Валентина Сергеевна славится своим неверием. Хотя теперь, после случившегося, оно, возможно, пошатнулось.

– Ладно, Митя, кто старое помянет... Не тяни.

– Хорошо, Петр Петрович. Итак, что за Лиходеевка? О деревне этой слышал я еще в детстве. Помню, жил по соседству с нами старик один. Совсем дряхлый. Еще крепостное право помнил. Так вот, как-то на празднике сидели взрослые за столом, и старик этот тут же был. А мы, ребяташки, возле крутились. Ну, выпивали, само собой. Деду тоже рюмочку налили. Зашел между взрослыми разговор о разных таинственных случаях. У каждого, конечно, своя история, одна интересней другой. Дошла очередь и до старика. Он и говорит: «Все, что тут рассказали, – это сказки, вранье. А вот есть тут неподалеку деревня, так там действительно случаются чудеса, но рассказывать про них нельзя».

Все, конечно, заинтригованы, подзадоривают: давай, давай, говори, мол, дальше. А тот уперся и ни в какую. Тут кто-то догадался налить ему не рюмку, а граненый стаканчик. Старик выпил, крикнул и говорит: «В этой самой Лиходеевке живут одни колдуны да ведьмы. Могут оборачиваться любой тварью, хоть змеей, хоть кошкой, хоть быком. Но не это главное. А главное то, что могут они мертвых оживлять. Поднимать из земли то есть».

Был раз случай. Умерла одна баба. Прошло с полгода. Глядь, появляется она в деревне. Дело было рано утром. Перед тем ночью была сильная буря. А спозаранку вышли люди, глядят: стоит у своей избы. Видом мертвец мертвецом. Одежда поистлела. Лицо неподвижное. Ну народ, конечно, в крик. Сбежалась вся деревня. Стоят, смотрят, а подойти боятся. Вышел ее мужик, крестится, руками отмахивается: чур меня... чур меня...

Она на него – ноль внимания. Стоит себе во дворе. Он ее по имени: «Глафира, ты ли это?» Она молчит. Потом пошла к дверям в дом. А в доме дети малые да ее свекровь. Дверь закрыли изнутри. Она, мертвая-то, толкает дверь, та никак...

Тут люди опомнились. Один дед вытащил из изгороди кол, тут же топором наскоро его заточил, подскочил сзади к мертвой да и засадил ей кол под левую лопатку. Она давай на колу трепыхаться, ровно и не больно ей. Тут еще двое подоспели, повалили ее наземь лицом вниз и давай кол этот в землю забивать. А мертвечиха дергается, словно жук на булавке, и все руками кол-то достать хочет. Тут еще один заколотили для верности. Народ не расходится, смотрит, что дальше будет.

«Сжечь, сжечь ее!» – кричат одни, другие говорят, мол, за священником бы послать надо.

Вдруг откуда-то из-за толпы вышла старуха, так как-то боком, ни на кого не глядя, подошла к мертвой, вырвала колья, да легко так. А забиты они были крепко. Подняла ее с земли, взяла за руку и повела из деревни к лесу. Никто и пальцем не шелохнул. Так страшно было, у многих волосы на головах поднялись. А мертвая идет со старухой, а в спине у нее две дырищи.

Потом, конечно, становой приезжал, поп молебен делал во дворе у того мужика, святой водой все кропил. Так и не дознались: что? Почему?

Мужик, покойной-то муж, с ума свихнулся, а потом и вовсе куда-то сгинул.

А Лиходеевка от нашей деревни верстах в пяти была. Знающие люди на нее и указывали, мол, все оттуда идет. Не первый-де случай».

Ну, кончил дед свой рассказ, а все кругом смеются, мол, сказки, давай еще, ври дальше. Он обиделся и ушел. Я помню, потом несколько раз к нему приставал, расскажи еще про Лиходеевку, он только отмахивался.

Воробьев остановился, налил себе стакан остывшего чая и стал потихоньку прихлебывать его.

Петухова, напряженно слушавшая Митю, была разочарована.

– Ну и что, – промолвила она, – обычная легенда, каких много по деревням рассказывают.

– Не торопитесь, Валентина Сергеевна, – остановил ее Забалуев. – Митя еще не кончил, самое интересное впереди.

– Интересная женщина товарищ Петухова, – усмехнулся Митя, отставив в сторону недопитый стакан. – Такие с ней события случаются, такие приключения происходят, а она все свое: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Мы тут с Петром Петровичем помочь вам хотели...

– Оставь, Митя, – нахмурился архивариус. – Валентина Сергеевна, как мне представляется, попала в беду, и, видать, немалую. Хотелось бы пролить свет на все эти загадки, а некоторые тут счеты сводить собираются. А вы, – он обратился к библиотекарше, – уж сделайте милость, оставьте ваши атеистические пассажи, мы не на диспуте. Так что ты, Митя, продолжай.

– Ну ладно, извини, Петр Петрович, – Митя покорно вздохнул, – позвольте, я закурю.

Он достал из мятой пачки папиросу, затянулся и продолжил свой рассказ:

– Историю эту, рассказанную стариком, я, конечно, забыл. Вспомнил только через много лет. И вот при каких обстоятельствах. Как-то попалась мне подшивка «Русской старины». По-моему, за 1881 год. Именно там натолкнулся я на статью некоего Остродумова – приват-доцента Московского университета. Статья, если я не ошибаюсь, называлась «Тайные культы на Руси и их происхождение».

По сути, это была полемика с каким-то французским этнографом, фамилию я позабыл. Француз утверждал, что языческие обряды в Европе давным-давно умерли, а если где и существуют, то являются скорее новообразованиями, литературными реминисценциями, а не идущими из глубины веков верованиями. По его мнению, настоящая черная магия до сих пор существует у африканских народов или выходцев из Африки, например на Гаити. Видимо, француз бывал на этом острове, потому что в статье есть ссылка на виденную им церемонию культа Вуду. Как известно, вудуистские верования включают в себя и рассказы о зомби – оживших мертвецах.

Жрецы Ведугуны якобы способны с помощью заклинаний оживлять мертвых и использовать их в своих колдовских целях.

Остродумов, полемизируя с французом, доказывал, что колдовские культы и обряды до сих пор сохраняются в России, хотя и тщательно скрываются их приверженцами. Что касается гаитянских зомби, то их аналоги имеются и в славянских поверьях. Скажем, упыри, вурдалаки и т. д. Мало того, обряды, напоминающие гаитянские, встречаются до сих пор в России. Тут он ссылаясь на записки отставного майора Кокуева – помещика нашего уезда. Записки были опубликованы весьма малым тиражом на средства автора и назывались довольно странно: «Сонмище демонов черных и белых». По словам Остродумова, он не только читал эти записки, но и был знаком с их автором.

Так вот, этот самый Кокуев утверждал, что неподалеку от его поместья существует деревня Лиходеевка, населенная с незапамятных времен колдунами. И будто бы эти колдуны способны оживлять мертвецов, чему столбовой дворянин Кокуев был свидетелем.

В статье, правда, довольно туманно говорится, что Кокуев сам присутствовал на процедуре воскрешения, что подтверждает своим дворянским словом. Можно понять, что за всем этим скрывалась какая-то личная драма. Кокуев также заявил, что лично знаком с колдунами и чернокнижниками, но на просьбу Остродумова познакомить с ними и его вежливо, но решительно отказал. При чем сказал, что так будет лучше для самого же Остродумова.

Остродумов дальше рассказывает о Кокуеве, нелюдом холостяке, некогда участвовавшем в Крымской кампании. Отставной майор, видимо, сам баловался черной магией, во всяком случае, с ее помощью пытался искать клады. Но, как иронически замечает Остродумов: «Сатана так и не дал ему богатства». Подробнее о личности и деяниях Кокуева можно прочитать в его труде «Сонмище демонов черных и белых».

Статья Остроумова крайне возбудила мое любопытство. Захотелось самому познакомиться с записками отставного майора. Я перерыл все местные библиотеки, делал запросы в крупнейшие книгохранилища страны, но все безрезультатно.

Тогда я решил съездить в Лиходеевку, но сначала побольше разузнать о самой деревне. Опять архивы... Сведений довольно мало, но каждый попадавшийся документ был весьма любопытен.

Вот, например. – Митя кивнул на давешнюю дореволюционную карту уезда. – Почему Лиходеевка стоит как бы в центре нескольких помещичьих владений, а сама никому не принадлежит? Оказывается, дело в том, что населяли ее однодворцы, довольно своеобразная группа русского свободного крестьянства. Некогда их относили к низшему дворянству, но матушка Екатерина Вторая особым указом перевела их в крестьяне. Однако однодворцы бывших вольностей не забыли и с простыми крепостными не больно-то якшались.

Было их в Лиходеевке согласно ревизской сказке 1858 года 48 душ мужского пола. Еще более интересный документ – рукописный сборник легенд и преданий нашей губернии, собранный и записанный семинаристом Лаврентием Воздвиженским. Эта толстая амбарная книга в коленкоровом переплете, исписанная каллиграфическим почерком, попала мне среди книг и документов бывшей Архангельской церкви. Архив этой церкви находится, кстати, в вашей библиотеке, Валентина Сергеевна.

Так вот, там говорится, что при царе Федоре Иоанновиче, сыне Ивана Грозного, в наш уезд было сослано несколько представителей знатных дворянских семей, обвиненных в ереси и колдовстве. Лишены они были всех своих земель и добра, но не сожжены, как полагалось, нравы при Федоре Иоанновиче стали помягче. Именно они и основали Лиходеевку. Видимо, кое-какие средства у них остались, потому что поставили они себе крепкие усадьбы и зажили на свой манер, тихо, но независимо.

Из той же книги следует, что Лиходеевка издавна пользовалась недоброй славой среди окрестного населения.

«В божьем храме редко кто из них бывает, – пишет семинарист, – а в самой деревне церкви нет». Хотя он оговаривается, что все жители Лиходеевки крещены по православному обряду. Семинарист Лаврентий, видимо, знал больше, чем написал в своем труде, но по каким-то причинам об этом не распространялся.

Валентина Сергеевна слушала этот рассказ сначала с напряженным интересом, но постепенно вся эта старина стала ей надоедать. За окном давно стояла теплая августовская ночь. С улицы налетели ночные бабочки и кружились возле настольной лампы. Было тихо и уютно, а все эти ужасы, казалось, существовали только в воображении.

Она потянулась, нечаянно задела стакан на столе. Звякнула ложечка. Митя приостановил свой рассказ и насмешливо заметил, что Валентине Сергеевне, видимо, уже не страшно и пора расходиться по домам.

– Нет, нет! – воскликнул Забалуев. – Дело вовсе не в гражданке Петуховой, вся эта история представляет несомненный исторический интерес.

– Как это не во мне, – рассердилась библиотекарьша, обиженная на слово «гражданка». – Именно во мне.

В комнате повисла напряженная тишина. Валентина Сергеевна поднялась и, взглянув на часы, сказала:

– Ну что ж, товарищи, мне пора. Поздно уже. Спасибо за интересный рассказ, но никакой яности он не внес: колдуны, зомби – все это...

Но Воробьев не дал ей договорить.

– Сядьте! – сказал он властно. И Валентина Сергеевна невольно подчинилась. – Вы, Валентина Сергеевна, и не подозреваете, в какой переплет попали. Насколько все это серьезно. Верите вы или не верите, это, конечно, ваше дело, хотя после того, что с вами произошло,

нужно быть полным кретином, чтобы отрицать очевидное. Я еще не дорассказал всей этой истории.

Слова Воробьева сильно смутили библиотечаршу. Напоминание об опасности действовало, как ушат холодной воды.

«Ладно, – решила она, – дослушаю эти глупости до конца, раз уж сама напросилась».

– Итак, я продолжаю. – Митя потушил окуроч в пепельнице и отхлебнул стакан холодного чаю. – После всех изысканий надо было ехать в Лиходеевку. Мне очень хотелось это сделать, но что-то постоянно мешало. То разные житейские заботы, то еще какие-то мелочи. Иногда мне казалось, что некий внутренний голос шепчет: не ездй, Митя, не ездй... Я человек не суеверный, однако, по правде сказать, было как-то не по себе.

И тут случилось довольно странное происшествие, давшее толчок целой цепочке еще более странных событий.

Как-то в музей зашел пожилой гражданин довольно странной наружности, напоминавший Паганеля из известного фильма «Дети капитана Гранта». Только в отличие от актера Черкасова он был маленький и толстый. А сходство же заключалось во множестве приспособлений для ловли насекомых, имевшихся при нем. В руках диковинного старика был сачок для ловли бабочек, еще один сачок болтался за спиной. На боку висели жестяные коробки, какие-то морилки. Одет он был в просторный парусиновый костюм. Дополняла наряд широкая соломенная панама. Когда потом мы с ним шли по улице, то вид его вызывал живейший интерес прохожих. А ребятишки так вообще бежали за ним следом.

Этот диковинный человек представился профессором-энтомологом Викентием Аркадьевичем Струмсом.

Время было непростое, и наш бдительный директор перво-наперво потребовал у него документы. Документы оказались в полном порядке: командировочное удостоверение, паспорт, еще какие-то бумаги. Были и рекомендательные письма из очень солидных учреждений с просьбой оказывать В. А. Струмсу всяческую помощь в его исканиях. Пока директор рассматривал бумаги, раздался звонок. И по почтительному тону директора можно было понять, что на том конце провода кто-то из начальства. Разговор, видимо, шел все о том же Струмсе, потому что, положив трубку, директор рассыпался перед профессором мелким бесом.

Из разговора выяснилось, что наш новый знакомый – специалист по ночным бабочкам. И что, как ему стало известно, в наших местах встречается редчайший подвид – бабочка «мертвая голова».

– А где же водится этот подвид? – встрял в разговор я.

Директор музея недовольно на меня покосился.

– Здесь, не очень далеко от города, есть деревня Лиходеевка, так, по моим сведениям, где-то возле нее, – ответил Струмс.

Упоминание о Лиходеевке разожгло мой интерес невероятно. И, не обращая внимания на нахмуренного директора, я полностью завладел разговором.

– А откуда у вас эти сведения? – спросил я профессора.

– Да вот из этой книги. – И он достал из полевой сумки – что бы вы думали – «Сонмище демонов черных и белых» отставного майора Кокуева.

Прочитав заглавие книги, оттиснутое золотом на черном переплете, я чуть со стула не свалился.

– Вот видите, – профессор раскрыл книгу и показал рисунок гигантской бабочки, – автор утверждает, что изображение это в натуральную величину. И я ему верю, да, верю! – Он запальчиво повысил голос: – Особенности рисунка доказывают, что рисовал он с натуры. Подвид этот нигде пока не описан, и я надеюсь...

Тут он остановился и перевел дух.

– Ну, ладно, об этом потом. Одним словом, я прошу вашей помощи. – Он посмотрел на директора. – Помогите мне добраться до этой Лиходеевки.

– Нет ничего проще, – сказал директор. – Даю в ваше распоряжение Митю Воробьева. – Он кивнул в мою сторону. – Завтра же и отправляйтесь.

Я проводил профессора до гостиницы. Мы обо всем договорились. В конце же я набрался смелости и попросил у него на одну ночь книгу, за которой я так долго и безуспешно охотился. Струмс внимательно посмотрел на меня, но книгу дал, только попросив как можно бережнее с ней обращаться. Вообще он производил впечатление чудака не от мира сего. Однако на прощание еще раз внимательно посмотрел на меня, и мне показалось, что он совсем не тот, за кого себя выдает. Лицо его приняло серьезное и даже строгое выражение.

– Конечно, все, что изложено в этой книге, невероятно, – промолвил Струмс. – Однако нет оснований не верить автору. Конечно, много туману. Но личное, личное не может быть придумано! Вы, молодой человек, надеюсь, сами сделаете вывод.

Схватив драгоценную книгу, я побежал к себе. И надо сказать, она действительно была необычной. Долго рассказывать обо всем, что там написано. Сделана она была в виде дневника. Автор передавал читателю все свои переживания, настроения и т. д. Кроме того, он увлекался магией, и страницы переполняли различные мистические пассажи. Больше всего на меня произвел впечатление один из фрагментов этой необычной книги. По смыслу он был кульминационным. У главного героя (или у автора) была возлюбленная, как он пишет, «девица небесной чистоты». Называл он ее по-разному: то Суламифь, то Изольда, то Женевьева. Однако в одном месте текста стоит совершенно конкретное имя – Дарья Михайловна Сурина, дочь соседского помещика. Так вот, можно понять, что Суламифь-Даша совсем отставным майором не интересовалась. Он же сгорал от любви. Просил ее руки у отца и получил отказ: видимо, был незавидным женихом. Впрочем, обожание на расстоянии, очевидно, нравилось Кокуеву, совпадало с его рыцарским идеалом.

Однако драма переросла в трагедию. Дарья Сурина внезапно заболела и вскоре скончалась.

Потрясенный Кокуев чуть не лишился рассудка. Однако задумал оригинальный ход. У него были знакомства среди колдунов деревни Лиходеевки. Кстати, о своих связях с нечистой силой майор пишет весьма осторожно, не называя имен и не вдаваясь в подробности. Можно, однако, понять, что вопросы волшебства, чародейства и магии интересовали его чрезвычайно и что он не жалел на овладение ими ни времени, ни средств.

Одним словом, нечистая сила пошла навстречу несчастному.

Тут-то и начинается самое интересное. Церемония воскрешения Дарьи Михайловны Суриной описана очень подробно.

Прошло четыре дня с момента погребения. Дело было летом, по-моему, в августе. Кладбище находилось вдалеке от деревень и усадеб, на ничейной земле. Издавна хоронили там окрестных помещиков и членов их семей.

Кокуев был извещен заранее и пришел на кладбище еще засветло. Он долго стоял у свежей могилы, где была похоронена его возлюбленная. Потом присел поодаль и стал ждать.

До темноты никто не появлялся. Но как только стемнело, майор почувствовал на кладбище какое-то движение. Постепенно он стал различать невдалеке от свежей могилы темные силуэты. Вспыхнул костерок. В его свете Кокуев увидел, что присутствуют три женщины и один мужчина, глубокий старик с длинными седыми волосами и с такой же бородой. Женщины скинули с себя одежду.

Дальше следует описание ритуала, почти полностью совпадающее с рассказом Валентины Сергеевны. И заклинания, и зеленый столб света... Все это есть и в рассказе майора. Однако самое интересное случилось дальше. Земля, как пишет Кокуев, расступилась, и появилась усопшая. Женщины упали на колени и запели какую-то странную жалобную песню. Ста-

рик же подошел к майору, взял за руку и подвел к ней. Кокуев на протяжении всей процедуры хотя и испытал сильнейшее потрясение, но сохранил присутствие духа. Теперь же силы оставили его, он едва держался на ногах. Мертвая стояла, закрыв глаза, и выглядела совершенно как при жизни, только была очень бледна. От нее шел тяжелый запах свежей земли. Наконец она открыла глаза и впиалась безжизненным взглядом в майора. Тот окаменел. Он не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Внезапно мертвец поднял руки, точно хотел обнять Кокуева. Этого отставной майор уже не вынес. Он потерял сознание. – Воробьев приостановил свой рассказ и вновь закурил.

– А что было дальше? – с живейшим интересом воскликнула Валентина Сергеевна.

– Вот видите, вы уже и увлеклись, – засмеялся Забалуев.

– А дальше... он пришел в себя в какой-то крестьянской избе. Был день. Тут же находился и давешний седобородый старик. Он кратко объяснил Кокуеву, что своим обмороком тот все испортил. И что возлюбленной больше никогда не увидит. «А если бы ты не сомлел, – как выразился старец, – то мог бы обрести неслыханную радость». Все это я вычитал в этой странной книге, – закончил свой рассказ Воробьев и глубоко затянулся. – Было там еще много чрезвычайно интересных мест, например, рассказ о том, как с помощью волшебства майор пытался искать клады и как почти нашел один. Словом, всего не перескажешь.

– Однако какое поразительное сходство с рассказом Валентины Сергеевны, – заметил Забалуев.

– Да, сходство несомненное. – Митя потушил папиросу и посмотрел на Петухову.

– Есть в этой книге, почти в самом конце, рассказ о каком-то таинственном ордене колдунов, будто бы существующем на Руси с незапамятных времен. Кокуев утверждает, что некогда все оккультные науки были разработаны и доведены до совершенства где-то на Востоке, по-видимому, в Вавилоне. А уж оттуда, при помощи халдейских магов, разнесены по всему свету. В истории России все эти тайные силы играли большую, хотя и невидимую непосвященным, роль. Автор приводит несколько исторических примеров, когда, по его мнению, не обошлось без колдовства. Читал я книгу всю ночь. А некоторые места перечитывал по несколько раз и никак не мог понять: что это – мистификация, исповедь сумасшедшего или реальные события, причудливо переплетенные с мистикой?

Может быть, ответ даст предстоящая поездка в Лиходеевку?

И вот на следующее утро я уже возле гостиницы поджидаю Струмса. Мы условились встретиться в восемь... И ровно в восемь выходит Викентий Аркадьевич, а рядом с ним здоровенный малый, обвешанный сумками и рюкзаками. Увидел Струмс меня, махнул этак небрежно рукой, подзывая, а сам – к «Победе», что стояла у гостиницы. И детина с сумками за ним.

– Знакомьтесь, Митя, – говорит Струмс, – это мой ассистент Николай Егорович Белов, можно просто Коля.

Этот Коля молча сует мне руку, грузит вещи в «Победу», садится за руль, и мы трогаемся. Вернул я ему книгу, и вышел у нас прелюбопытный разговор.

Струмс меня спрашивает, мол, каково впечатление.

Ну стал я ему излагать свои мысли. Он сидит, хмыкает так, не поймешь, не то смеется, не то сомневается. Потом спрашивает:

– А вы обратили внимание на то место, где Кокуев рассказывает об ордене колдунов?

– Как же, – говорю, – обратил. Трижды перечитал.

– Ну и что же вы по этому поводу думаете?

– Извините, – говорю, – думаю, что все это бред.

– Бред, значит? – переспрашивает он. – А воскрешение девицы Суриной тоже бред?

Тут я растерялся. Не могу толком выразить своих чувств.

– Ага, молчите, – констатирует профессор. – А скажите, Митя, сами-то вы об этой Лиходеевке что-нибудь знаете?

Я давай рассказывать об истории, что я в детстве слышал, о своих изысканиях... Упомянул о статье Остродумова в «Русской старине». Он кивает: читал, мол, знаю.

Я рассказал о рукописной книге семинариста Воздвиженского. Профессор заинтересовался чрезвычайно. Достал блокнот, записал вкратце основные факты. Расспросил, как можно увидеть этот труд.

Так мы и едем. Он то расспрашивает, то помалкивает, что-то обдумывает.

Тут и я ему вопрос задаю:

– А сами-то вы, Викентий Аркадьевич, что думаете обо всей этой истории?

– Что думаю? А ничего не думаю. Приедем на место, там и думать будем.

И вот мы в Лиходеевке. К моему удивлению, остановились не в деревне, а отъехав от нее с полкилометра. Заехали в лес и расположились на небольшой уютной поляне. Молчавший Коля достал из багажника палатку, да какую-то хитрую, какой я никогда не видел. Яркую, просторную, с тентом, матрацы надувные. Словом, все иностранное. Быстренько, сноровисто все установил. Загляденье.

– Поживем денек-другой на природе, – говорит Струмс. – Чем в душной избе с тараканами да клопами, лучше на свежем воздухе, вон кругом какая благодать.

Перекусили мы наскоро. А потом профессор с ассистентом в лес собрались. Взяли свои сачки для ловли бабочек, снасть всякую. Потом гляжу, у Коли какая-то штука вроде миноискателя, с наушниками, только компактнее.

– А это что, – спрашиваю, – у вас такое?

– Это, – говорит Струмс, – прибор для определения геомагнитных полей.

– Так вы же не физики.

– Не физики, – подтверждает профессор, – но чтобы вы знали, молодой человек, именно в местах геомагнитных аномалий и водится бабочка, которую мы ищем. Такова особенность вида «мертвая голова».

Ну что ж, объяснили мне популярно, я и доволен. Перед уходом профессор мне говорит:

– Вы, Митя, далеко от машины не уходите, мало ли что...

– А я, Викентий Аркадьевич, в деревню хотел сходить.

– Зачем это?

– Ну так, поговорить с местными жителями, поглядеть, что за Лиходеевка такая.

– Вот что, Митя, – говорит профессор, – мы с вашим директором договорились, что вы полностью поступаете в мое распоряжение. Так вот я очень прошу, даже настаиваю, выполняйте то, что я вам сказал, без меня никаких самостоятельных вылазок не предпринимайте.

– Да что за таинственность такая! – возмутился я.

– Я настаиваю, – тихо повторил профессор, и было что-то такое в его тоне, что я замолчал.

Тут подошел ассистент Коля, молча, как-то сбоку посмотрел на меня, точно примеривался, как бы половчее ударить.

– Вы не обижайтесь. – Профессор потрепал меня по плечу. – Вы нам скоро понадобится и не пожалеете, что поехали.

Ушли они. «Эге, – думаю, – да они меня вместо сторожа взяли». Но делать нечего. Походил по полянке, залез в палатку, повалялся на надувных матрацах. Взял книжку, почитал... Стемнело, тут и они появились. Профессор идет веселый. Напевает что-то.

Я с расспросами не лезу, тоже молчу. Запалили костерок. Достал Коля провизию, гляжу, коньячок появился. А вечер тихий, одним словом, удовольствие полное.

– Ты бы, Митя, без лирики, – перебил рассказчика Забалуев, – время позднее, Валентина Сергеевна устала.

– Нет, нет, Митя, – рассказывайте все, что считаете нужным! – воскликнула Валентина Сергеевна. Она настолько заинтересовалась этой историей, что забыла обо всем на свете.

– Значит, я продолжаю. Так прошло два дня. Струмс и Коля с утра уходили в лес, возвращались уже затемно, ничего определенного не рассказывали. Мне чертовски надоело такое времяпрепровождение. Тем более что ни одной живой души за это время в лесу не встретил. Но я молчал.

На третье утро профессор приказал мне идти с ними. То есть, конечно, не приказал, а попросил, но все равно сказано это было человеком, привыкшим повелевать. Я давно понял, что и Струмс, и Коля, конечно, не энтомологи, но кто они на самом деле, определить не мог.

Я был не настолько глуп, чтобы принимать их за иностранных шпионов, хотя на первый взгляд их снаряжение вызывало подозрение. Возможно, они из «органов», но Викентий Аркадьевич был слишком интеллигентен, да и Коля, несмотря на его габариты и молчаливость, видимо, отнюдь не костолом. Я терялся в догадках. Однако с вопросами больше не лез.

Исключая легкую ссору в первый день, конфликтов у нас не было. Относились они ко мне подчеркнуто дружелюбно, ничуть не ставя себя выше. С молчаливым Колей мы в первый же вечер сразились в шахматы при свете фонарика. Причем играл он значительно лучше меня.

Итак, утром мы отправились в путь. На этот раз никаких сачков не взяли, а, кроме давешнего прибора, похожего на миноискатель, прихватили еще два небольших ящика, наподобие тех, в которых носят геодезические инструменты. Кроме того, из багажника «Победы» Коля достал две саперные лопатки и тоже взял их с собой.

Идти пришлось довольно долго, примерно часа полтора. Мои попутчики дорогу знали хорошо и уверенно шли через лес. Сосновый бор, через который мы шагали, был полон птичьего щебета. Лето было в самом разгаре, и то тут, то там среди травы и опавшей хвои мелькали кустики земляники со спелыми сочными ягодами. Наконец лес поредел, и мы вышли на огромную поляну, даже скорее небольшое поле. Я сразу понял, что перед нами кладбище, то самое кладбище, описанное в «Сонмище демонов черных и белых». Да, да, Валентина Сергеевна, именно на нем вы и были. Но только вы подошли к нему с другого края, со стороны болота.

Итак, вот оно, таинственное кладбище, место жутких происшествий. Признаюсь, я испытывал не совсем приятное чувство, ступая на его территорию. Однако мои спутники никаких эмоций не выражали. Они молча шагали среди могил и надгробий.

Я поотстал. Кругом было столько интересного. Кладбище старинное. Довольно много памятников, судя по датам, высеченным на них, относилось к восемнадцатому веку. Видимо, здесь были и более ранние надгробия. Кое-где виднелись огромные черные кресты с еле заметным, вырезанным на дереве древним полууставом.

Вообще надписи на большинстве памятников читались с трудом, так сгладили их время и непогода.

Так я ходил среди запустения, пока не услышал окрик:

– Эй, Митя, давай сюда!

Мои товарищи стояли возле приземистого кирпичного строения, оказавшегося склепом дворянского рода Кокуевых. Среди имен, высеченных на черной мраморной доске, было и имя моего знакомого: «Иван Аполлонович Кокуев – майор от инфантерии, герой Крымской кампании».

– Вот он где похоронен, отставной майор Кокуев, – сказал Струмс. – В месте так любезном его меланхолической душе. А возлюбленная его, девица Дарья Сурина, совсем недалеко лежит.

– Может, с нее и начнем, Викентий Аркадьевич? – спросил Коля.

– Пожалуй... – Профессор задумчиво посмотрел по сторонам. – Пожалуй, с нее и начнем. Итак, нами было выявлено семь аномалий. Одна из них – могила возлюбленной майора. Этого и следовало ожидать. Конечно, таких аномалий должно быть значительно больше, но кладбище очень большое, да и чувствительность нашего «локатора» оставляет желать лучшего.

– Что все-таки происходит? – не выдержал я. – Мы что, пришли ловить сюда бабочек? Неужели именно здесь водится «мертвая голова»?

– Может, мертвая, а может, и не мертвая, – рассеянно сказал профессор, – это мы сейчас проверим.

– Викентий Аркадьевич, надо бы ему объяснить, – неожиданно сказал молчун Коля.

– Конечно, конечно, – спохватился Струмс. – Так вот, товарищ Воробьев, вы, конечно, догадывались, что мы никакие не энтомологи, хотя, надо признаться, бабочки – моя страсть. Но тем не менее мы честные советские люди, отнюдь не шпионы, как может показаться на первый взгляд. Но вам-то не показалось?

Я молчал.

– Ну вот и отлично, – продолжал профессор. – Работаем мы с Николаем Егоровичем, – он кивнул на ассистента, – как бы вам сказать... в одном научно-исследовательском учреждении, занимающемся некоторыми... ну, скажем, парapsихологическими проблемами. Дичь, подумаете вы, однако ошибетесь. Учреждение наше не рекламируется, вы это, конечно, понимаете и, надеюсь, не будете афишировать наше знакомство. – Тут лицо его как бы затвердело и приняло жестокое выражение. – Знаю, не будете. Так вот. Все эти легенды, поверья, как мы считаем, имеют под собой вполне реальную почву. Кстати, институты, подобные нашему, имеются и на Западе. Скажем, недавно в печать просочились слухи об исследованиях американцев, касающихся знаменитых зомби, вы, наверное, слышали о них.

Я кивнул головой. Становилось все интереснее.

– Нечто подобное встречается и у нас. Мы с товарищем Беловым с помощью приборов обнаружили на этом кладбище семь мест, где, по нашим предположениям, могут находиться так называемые биороботы. Конечно, слово «биоробот» в данном случае не совсем точно передает суть явления, но, на мой взгляд, оно все же лучше звучит, чем чуждое нашему слуху слово «зомби».

Итак, здесь под землей лежат объекты, чья жизнедеятельность замедлена почти до нуля, но с помощью особых условий их можно реанимировать. Условия эти нам неизвестны. Кто этим занимается, мы догадываемся. Между прочим, по этой самой Лиходеевке еще в конце девятнадцатого века составлен подробнейший секретный доклад, хранившийся в архивах Третьего отделения и читанный, судя по собственноручным пометкам, самим царем Александром II.

Между прочим, составил этот доклад приват-доцент Остродумов, известный вам по публикации в «Русской старине». Кстати сказать: таких зловещих мест, как Лиходеевка, в России было еще несколько. Ну да ладно, об этом потом. А сейчас к делу. Нужно вскрыть могилу девицы Суриной, за этим мы и пришли.

Потрясенный услышанным, я не знал, что и сказать. Поэтому я промолчал в очередной раз, взял саперную лопатку и поплелся за моими товарищами. Жизнь у меня была довольно пестрая. Приходилось заниматься разными, иногда несколько необычными занятиями, но могилы я до этого не вскрывал. Но коли это надо советской науке, отчего бы не вскрыть. Однако на душе скребли кошки. И вот мы стоим перед памятником девицы Суриной. Это покосившаяся дорическая колонка из белого мрамора. Ее, видимо, кто-то пытался раскрыть, потому что часть колонки была отбита и валялась тут же. Мы с Николаем взялись за лопатки. Почва в этом месте была песчаной, работа двигалась быстро, однако прошло не меньше двух часов, пока мы докопались до гроба. Наконец вылезли из ямы, закурили. Струмс, не принимавший участия в раскопках, сидел тут же на каком-то чурбане.

– Ну что, будем вскрывать, Викентий Аркадьевич? – спросил Коля.

– А нельзя ли выволочь гроб наверх? – спросил Струмс.

– Нет, вряд ли, совсем трухлявый, да и не подцепишь.

– Ну тогда ломай крышку, Коля.

Коля взял небольшой ломик и снова спустился в могилу. Раздался хруст, какой бывает, когда разламывают насквозь трухлявое бревно. Мы сгрудились у края могилы и заглянули внутрь. Я, естественно, ожидал увидеть скелет, но в первый момент увидел как бы густую кисею, закрывавшую верхнюю половину тела умершей. «Плесень», – наконец понял я.

– Коля, надень перчатки и респиратор! – крикнул профессор.

Это было исполнено. Ассистент осторожно снял шапку плесени, и мы увидели то, что некогда было лицом молодой красивой девушки.

Может быть, вы видели в археологических музеях мумии? Так вот лицо трупа было лицом мумии. Видом и цветом оно напоминало большое печеное яблоко. Но была в нем одна странность. Первой ее заметил Коля. С воплем: «Она смотрит, она смотрит!» – он в ужасе выскочил из ямы.

И действительно, у мумии были широко раскрыты живые глаза.

– Спокойно, Коля! – закричал Струмс. Он тоже заметно побледнел, но держался относительно спокойно.

Как выглядел я, со стороны сказать не могу, но, думаю, не лучше ассистента, который был совершенно серый.

Струмс достал мощный фонарь и посветил в яму. Электрический свет блеснул в широко раскрытых глазах. Мертвец смотрел на нас. Взгляд был пустой и безнадежный, можно было подумывать, что глаза эти сделаны из стекла.

В первую минуту такая мысль мелькнула и у меня.

– Итак, – сказал Струмс, – предположения подтвердились. Перед нами биоробот, или зомби, выбирайте, что вам больше нравится. Хотя, конечно, нужно проверить, может быть, это всего-навсего мумифицированный труп. Давай-ка, Николай Егорович, измерим нашей красавице температуру.

Коля достал из ящика один из приборов и нерешительно встал у могилы.

– Что, боишься? – спросил Струмс.

– Да не то чтобы боюсь, Викентий Аркадьевич, а как-то не по себе.

– Ну, давай я. – Профессор неожиданно легко для своего возраста спустился в яму.

Коля подал ему прибор. Шли минуты. Наконец профессор разочарованно произнес:

– Температура тела соответствует температуре окружающей среды.

– А глаза, глаза?! – закричал Коля.

– Глаза на свет не реагируют, дай-ка мне зонд. Попробуем определить температуру внутри тела. Так, похоже, небольшая разница есть. Незначительная, но все же. Однако возможно, это результат тления тканей.

– Какое тление. – Коля скептически хмыкнул. – Труп почти сто лет. Все давным-давно должно рассыпаться в прах.

– Не торопись... – Профессор задумчиво склонился над трупом. – Дай-ка мне биолокатор.

И в эту минуту рядом с нами раздался незнакомый голос:

– А чем это вы, граждане, тут занимаетесь?

Признаюсь, от неожиданности я чуть не свалился в яму. Коля тоже был потрясен, потому что с испугу выронил из рук биолокатор.

Мы обернулись. Перед нами стоял обычный милиционер в синей фуражке с красным околышем, с полевой сумкой и кобурой на боку. На плечах его были погоны старшины.

– Итак, я повторяю, граждане: что тут происходит? – сказал милиционер официальным тоном. Вроде ничего особенного, обычный милиционер, однако увидеть его здесь, посреди леса, вдали от населенных пунктов мы никак не ожидали. Поэтому мы с Колей стояли и смотрели, вытаращив глаза на представителя власти.

Только профессор не растерялся. Он неторопливо вылез из ямы и подошел к милиционеру.

– Мы работники Академии наук, – сказал ему Струмс спокойно. – Ведем здесь раскопки. Коля, достань наши документы. Вот разрешение от соответствующих ведомств, кстати, и от областного управления внутренних дел на проведение раскопок.

И он протянул документы милиционеру. Однако милиционер документы почему-то не взял. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и старательно отводил взгляд в сторону.

Я обратил внимание на его лицо. Это был молодой парень лет двадцати—двадцати двух, с веснушчатым загорелым лицом, из-под фуражки торчал рыжеватый чуб, но вот глаза... Глаза были какие-то нехорошие. Старческие были глаза, белесые и выцветшие, точно владелец глядел ими на белый свет много-много лет.

Не обращая на нас внимания, он подошел к могиле, глянул вниз. Задумчиво покачал головой.

– Ученые, значит. Дарью выкопали. Нехорошо.

Услыхав, что милиционер знает имя покойницы, мы переглянулись.

– А вы сами кто? – осторожно спросил Струмс.

– Я-то? Я здешний участковый.

– А на документы ваши позвольте взглянуть.

– Документы мои... – Милиционер почему-то положил руку на кобуру.

Краем глаза я заметил, как Коля весь напряжился и сунул руку за пазуху.

– Документы мои, значит... – повторил милиционер. Он круто повернулся и быстро пошел прочь. Потом вдруг остановился, оглянулся и, глядя в сторону, сказал: – А Дарья-то к вам сегодня в гости сама придет.

Сказав это, он быстро зашагал с кладбища.

– Задержи его, Коля! – крикнул профессор.

Коля рванулся к милиционеру, выхватив из-за пазухи пистолет. Он почти нагнал его, но вдруг милиционер неизвестно как оказался намного впереди. Он не бежал, а шел быстрым шагом. Как это получилось, я и теперь не понимаю. Коля снова рванулся за ним, при этом он несколько раз выстрелил в воздух. Но преследуемый не обратил на выстрелы никакого внимания.

Вскоре он был почти у опушки леса. Тогда Коля, бежавший за ним во весь дух, остановился, вскинул пистолет и сделал несколько выстрелов по удаляющейся фигуре. Но все было напрасно. Милиционер исчез.

– Что же это, Викентий Аркадьевич? – прерывающимся голосом спросил запыхавшийся Коля.

– А это, видимо, хозяева кладбища дают о себе знать, – совершенно спокойно промолвил профессор. – Вот ты стрелял по нему, а зря. Были бы серебряные пули, тогда бы какой-нибудь толк получился.

«Ой, ой! – подумал я. – Серебряные пули! Вот так в историю попал. Нечистая сила окружает, а на мне и креста нет».

Струмс тем временем начал укладывать инструменты, Коля кинулся помогать ему. В минуту все было собрано.

– А с этим что делать? – Коля кивнул на раскопанную могилу.

Профессор задумчиво посмотрел на него.

– Этот милиционер, помнится, сказал, что красавица сегодня нас навестит. Можно, конечно, осиновый кол забить в нее, однако хочется самому увидеть, на что они способны. Оставим все как есть, а завтра видно будет.

Мы отправились на место стоянки. День клонился к вечеру. Поели, хотя аппетита не было.

– То, что сегодня ночью нас посетят, не вызывает сомнения. – Струмс ходил по поляне и, казалось, разговаривал с самим собой.

– Может быть, уедем? – предложил я, но он не обратил на мои слова никакого внимания.

– Что предпринять? Ну конечно! Магический круг. Средство стародавнее, но испытанное.

Я вспомнил гоголевского Вия. Как же он очертит круг – по траве?

– Так, ребята, – Струмс схватил саперную лопатку, – срочно окапываем наш бивак. Машина и палатка – центр круга. Канавка должна быть неглубокой, но обязательно сплошной, не дай бог, где прервется.

Скоро был выкопан аккуратный круг, диаметром примерно десять-пятнадцать метров.

– Так, – продолжал руководить Струмс, – где веревка? Укладывайте ее в выкопанную канавку да плотнее к земле прижимайте. Неплохо получилось. Теперь нужно выкопать четыре пятиконечных звезды. На каждую сторону света по звезде. Компас сюда... Здесь, значит, север. – Струмс воткнул в землю на границах круга четыре колышка.

– Вот тут копайте. Вершина звезды должна быть направлена в круг. Да делайте звезды побольше, поглубже. В них мы уложим дрова, обольем чем-нибудь горючим, а в нужный момент подожжем.

Работа закипела. Струмс залез в одну из своих сумок и достал оттуда здоровенную бутылку литра, наверное, на три. Внутри колыхалась какая-то прозрачная жидкость.

– Как ты думаешь, Митя, что это такое?

– Водка, наверное, Викентий Аркадьевич.

– Скажешь тоже, водка! Это святая вода. Знакомый мой священник, отец Филарет, специально освятил для такого случая. Это, так сказать, оружие массового уничтожения демонов. Правда, я никогда его не применял, знаю лишь понаслышке. Но говорят, мощнейшая вещь.

Все происходящее казалось мне сном. Какой век на дворе? Колдуны. Оборотни...

– Ну вот, вроде все возможные меры приняты, – удовлетворенно промолвил профессор. – Да, кстати, Митя, вас в детстве крестили?

Я утвердительно кивнул головой.

– Тогда все в порядке.

– Послушайте, Викентий Аркадьевич, неужели все, что мы тут делали, это серьезно? – осторожно спросил я.

Профессор внимательно посмотрел на меня.

– А вы еще сомневаетесь? Совершенно зря. Вы, видимо, думаете, что в двадцатом веке подобное случиться не может. Однако глубоко заблуждаетесь. Разве утром вы сами не были свидетелем. Милиционер этот... Типичный колдун-оборотень. Да что милиционер. Я, например, обратил внимание, что все время, пока мы находились на кладбище, на старой липе сидел здоровенный ворон, а вот когда появился этот старшина, ворон куда-то исчез. Какая, спросите, связь? Я думаю, самая прямая. Жаль, что вы не читали секретный доклад Остроумова. В нем много интересного. Трудно, конечно, в это поверить, тем более в нашей стране, где атеизм возведен в догму. Хотя и официальная церковь отрицает возможность существования всякой нечистой силы, суеверий. А ведь мне приходилось сталкиваться с такими явлениями, которые ничем другим объяснить нельзя. Наш институт изучает... – Тут он осекся. Замолчал, о чем-то задумался.

Было уже почти темно. Коля возился с костром, на котором закипал чайник. Где-то недалеко посвистывали перепела, стрекотали последние кузнечики, наступала ночь. Что она несет на своих крыльях? Об этом можно было только догадываться.

Мы тихо сидели у костра. Курили, молчали. Говорить не хотелось. Я с огромным любопытством и одновременно со страхом ждал начала событий. Ждал, но в глубине души не верил в то, что они случатся, – настолько нереальным казалось происходящее.

В ямы, вырезанные в мягком дерне в форме звезд, были заложены куски старой автомобильной покрышки. Вперемешку с дровами их мы облили бензином и каким-то техническим маслом. Заготовили факелы. Мы ждали.

Профессор взглянул на светящийся циферблат часов:

– Скоро двенадцать. Осталось десять минут.

Не успел он произнести эти слова, как над нами пролетела какая-то огромная ночная птица. Бесшумно махая крыльями, она сделала один круг, другой... Внезапно послышалось какое-то заунывное пение. Сначала я подумал, что мне показалось, но пение становилось все явственнее.

Странная мелодия, напоминавшая отпевание покойника, переворачивала все внутри. Слов было не разобрать, но пели на каком-то незнакомом языке.

– Вроде началось, – проговорил Струмс, и в его голосе звучало удовлетворение.

Ночь, еще несколько минут назад полная звуков, вдруг замерла, исчезли кузнечики, не шелухнулась ни одна ветка. Стояла полная тишина. Лишь потрескивали дрова в костре да слышалось непонятное пение.

Но вот в темноте, окружавшей наш лагерь, обозначилось некое движение: шуршала трава, звук неуверенных шагов.

Мороз пошел у меня по коже. То же чувство, по-моему, испытывал и Коля. Только профессор был внешне спокоен. Он внимательно смотрел во тьму. В его руках я заметил фотоаппарат со вспышкой.

Из темноты вышла какая-то фигура и встала на границе круга. Трудно было разобрать, кто это, – она казалась совсем черной. Однако когда я внимательно присмотрелся, то увидел, что от фигуры исходит слабое зеленоватое свечение, каким светятся иногда гнилые пни на болотах.

– По-моему, наша знакомая пожаловала. – Профессор вскинул фотоаппарат. В свете вспышки мы явственно различили девицу Дарью Сурину.

Она отшатнулась и чуть не упала. Движения ее напоминали движения марионетки, будто все тело состояло из шарниров.

Струмс направил на мертвую мощный фонарь. В его лучах мелькнуло черное оскаленное лицо, стеклянные, остановившиеся глаза, какие-то истлевшие лохмотья, покрывавшие ее остоу. Она снова подошла к границам круга и уставилась на нас. Из темноты показались еще какие-то фигуры.

– Ого! Да она с компанией, – усмехнулся профессор. – Готовьте факелы.

В эту минуту меня кто-то крепко схватил сзади за руку. Я с удивлением обернулся и почувствовал тяжелый запах гнили.

– Помогите! – закричал я. Струмс рванулся на мой голос. Как сейчас помню, в свете его фонарика я увидел отвратительную, покрытую зеленой плесенью руку мертвеца с длинными желтыми ногтями.

Струмс схватил саперную лопатку и одним махом перерубил эту руку у предплечья. Раздался какой-то чавкающий звук, точно разрубили огромный гнилой помидор. Однако отрубленная кисть продолжала крепко сжимать мою руку. Я завизжал от ужаса.

– Это он с тыла прорвался! – закричал профессор, мы туда не смотрели. В его руках появилась бутылка со святой водой.

Профессор плеснул ею на мертвеца, который все еще пытался схватить меня уцелевшей рукой.

Послышалось шипение, точно это была серная кислота. Зомби забился в конвульсиях и явственно задымился.

– Коля, зажигай костры, – отдал команду Струмс.

В один миг запылали четыре пятиконечных звезды по краям магического круга. Упыри шарахнулись в сторону. В ярком свете костров стало видно, что их около десятка. Но свет вырвал из тьмы и еще одну группу фигур, стоявших поодаль. И это были явно живые люди.

Тот мертвец, который проник в круг, продолжал дергаться на земле и вдруг стал как бы всасываться в нее (другого определения я не подберу). Внезапно он исчез. Так же внезапно исчезли и все остальные. Мы остались одни, и только четыре костра чадили черным, жирным дымом.

Митя остановился, перевел дыхание и в который раз уже закурил.

– А дальше что? – Валентина Сергеевна от нетерпения вся подалась вперед. – Дальше, Митя, дальше.

Митя молчал, попыхивая папиросой.

– Это все, – наконец сказал он.

– Как все? – Валентина Сергеевна недоверчиво улыбнулась.

– Представьте себе. На другой день, когда профессор с ассистентом снова собрались на раскопки, я сказал, что больше в этом не участвую. По совести говоря, я испугался. Да и до сих пор, когда вспоминаю эту историю, испытываю не совсем приятные чувства.

Профессор меня не удерживал.

– Ну что ж, – сказал он, – я понимаю, что втянул вас в неприятную историю. Не подготовил, ничего не объяснил... Поэтому не смею задерживать. Хотя вдвоем нам будет тяжелее. А хотелось бы разобраться во всей этой чертовщине. Ну прощайте. – Он пожал мне руку и, посвистывая, зашагал вслед за ассистентом.

С тех пор о них я больше не слышал. Где-то через месяц меня вызвали в одно учреждение. Ни о чем не расспрашивали, ничего не сообщали. Заставили только описать все произошедшее, причем с мельчайшими подробностями. На прощание настоятельно посоветовали ни о чем никому не рассказывать. Несколько лет я действительно молчал, тем более что при упоминании Лиходеевки меня охватывала дрожь. Больше всего меня мучил вопрос, что случилось со Струмсом и Колей? Сгинули они в борьбе с нечистой силой? Или благополучно выпутались из всей этой истории?

И вот совсем недавно мне стало известно, что Струмс жив и здоровствует. О подробностях я пока умолчу. Собственно, поэтому я обо всем и рассказал. Честно говоря, Валентина Сергеевна, я не испытывал к вам особой симпатии. Однако мысль о том, что кто-то может повторить мои ошибки и попасть из-за этого в скверную историю, не дает мне покоя.

– Но что же будет со мной?! – вскричала библиотекарша. – Ведь если всему этому верить, мне осталось жить двенадцать дней. Нет, уже одиннадцать, – она посмотрела в окно, где занималось бледное утро.

– Выход один, – сказал Забалуев. – Надо ехать в Лиходеевку, на месте во всем разобраться.

– Вот вы и поезжайте, – усмехнулся Митя, – вдвоем. Валентине Сергеевне что! Она не верит во все эти глупости. А с меня достаточно. Как вспомню эту руку в зеленой плесени... Вся трухлявая, а из нее черви выползают... – Его передернуло. – Нет уж! Увольте!

– Но ведь надо же что-то делать, – продолжал Забалуев. – Нельзя же так все оставлять. В конце концов, человеческая жизнь в опасности!

– Я вас очень уважаю, Петр Петрович, – тихо заговорил Митя, – и мне понятно ваше беспокойство. На Валентину Сергеевну я давно зла не держу и искренне хочу ей помочь. Но вы, видимо, не понимаете, с чем столкнулись. Это Зло. Зло с большой буквы, существующее сотни, может быть, тысячи лет. Мы не знаем, что это, откуда это и как с ним бороться. Случайно заглянули мы за грань реальности, и что же? Все наши представления рушатся, как карточный домик.

– Митя, все это словеса! – воскликнул Забалуев. – Ты поможешь или нет?

Воробьев встал, обвел присутствующих долгим взглядом и, не прощаясь, вышел. Некоторое время сидели молча. Потом поднялась Валентина Сергеевна.

– Ну что же, Петр Петрович, пора домой. Спасибо за помощь.

– Какая помощь...

– Ну все-таки рассказ был достаточно поучителен. Во всяком случае, я знаю, что меня ждет. Придет мертвец, «зомби» – как называет их Митя... – она криво усмехнулась.

– Пойдемте, я вас провожу, Валентина Сергеевна, – засуетился Забалуев.

– А бутыль со святой водой у вас есть? – снова усмехнулась Валентина Сергеевна.

– Святую воду достать можно, – в тон ей сказал архивариус. – Вооружиться согласно Митиным рецептам.

Они вышли из здания архива. Было раннее летнее утро, свежее и чистое. Вдали раздался гудок паровоза. Ему вторили фабричные гудки. Шла будничная жизнь без всяких чудес.

– И все-таки ехать! – вдруг сказал Забалуев. – Решено! Сегодня же.

– Но... – начала было Валентина Сергеевна.

– Никаких «но». Сейчас идите поспите, а часиков в одиннадцать я за вами зайду, и двинемся. Чем сидеть и ждать неизвестно чего, лучше идти навстречу опасности, – несколько высокопарно произнес архивариус.

Петухова снова невольно усмехнулась, но на этот раз без сарказма.

«Милый какой старик, – подумала она. – А ведь он прав. Ехать надо. Разобраться со всей этой чертовщиной раз и навсегда. А если что-нибудь случится... Ну что ж, чему быть, того не миновать».

– Ладно, – она взяла за руку Забалуева, – едем.

...Валентина Сергеевна как женщина пунктуальная ровно в одиннадцать часов вышла из своей квартиры, уже готовая к путешествию. Теперь при ней не было обычных корзин для грибов, только легкий рюкзачок с запасом еды, кое-каких вещей – словом, самое необходимое. Во дворе было пусто. Она присела возле подъезда в ожидании. «А вдруг передумал, – мелькнула мысль, – что тогда?»

«А тогда, – сказал внутренний голос, – сиди дома и не высовывайся. Закупи продуктов да книжки читай, а все это опасное время за дверь ни ногой».

Мысль была интересная.

Валентина Сергеевна задумчиво поглядела на рюкзак, лежащий у ног, потом на окна своей квартиры.

«Все равно отпуск, – думала она, – никто не хватится, отключу телефон, дверь никому открывать не буду. Вытерплю как-нибудь эти проклятые одиннадцать дней». Идея эта все больше захватывала ее. Она вспомнила страшную историю, рассказанную Воробьевым, и почти уговорила себя остаться, но что-то мешало принять окончательное решение.

Тут надо отметить, что в жизни Валентины Сергеевны происходило чрезвычайно мало выдающихся событий. Можно сказать, что и вообще не происходило. А так хотелось пережить настоящее приключение! И вот теперь, когда настоящее приключение действительно случилось, она испугалась. Забиться, как мышка в норку, переждать – а ведь где-то рядом таятся грозные, неведомые силы. Может, рискнуть?

Она снова поглядела на рюкзак. Решительность всегда отличала нашу даму.

Если этот старикашка Забалуев не явится, она поедет в Лиходеевку самостоятельно! Конечно, лучше бы вместо Забалуева с ней поехал Митя. Она представила его невысокую фигурку, лысоватую голову, вздернутый нос – все-таки мужчина «в расцвете лет», можно сказать, симпатичный, не то что этот старый гриб архивариус.

С мужчинами Петуховой не везло. Она подавляла их своим кипучим темпераментом, а кому хочется быть подавленным? Постепенно Валентина Сергеевна стала не то что мужененавистницей, но смотрела на всех без исключения представителей сильного пола с легким пре-

зрением. Однако в глубине души отважная библиотекарьша мечтала обрести спутника жизни, хотя даже себе самой стыдилась в этом признаться.

В Мите было что-то, чего ей всегда не хватало, – душевная раскрепощенность, что ли? Или детская непосредственность? Даже его отказ поехать в Лиходеевку не обидел библиотекаршу.

Так сидела она и размышляла, как вдруг раздался страшный шум. Во двор въехал мотоцикл с коляской. За рулем сидел Митя, а за его спиной скорчился Забалуев. Надо сказать, что этот мотоцикл, трофейный «БМВ», был предметом особой гордости Мити. Купил он его у какого-то спившегося отставного военного, что называется, задаром. Привел в порядок и носился по окрестностям с невероятным грохотом.

– Экипаж подан, – сказал Митя весело.

– Он едет с нами, – добавил Забалуев, – я его не уговаривал, сам решился.

Валентина Сергеевна ни разу в жизни не ездила на мотоцикле. Она с сомнением посмотрела на странный, по ее мнению, агрегат и спросила нерешительно:

– Мы на этом поедem?

– Именно, но не «на этом», как вы изволили выразиться, а на мотоцикле марки «БМВ», – обидчиво заметил Митя.

– А куда же мне сесть?

– В коляску, и смелее.

Ей выдали огромные очки. Мотоцикл, взревев, понесся навстречу ужасным приключениям.

До Лиходеевки добрались довольно быстро. Езда на мотоцикле Петуховой даже понравилась, хотя невероятно трясло и обдавало пылью от проезжающего мимо транспорта.

Сразу же встал вопрос: где остановиться?

– Я думаю, – сказал Забалуев, – Валентине Сергеевне лучше всего отправиться к той старушке, у которой она останавливалась в первый раз. А мы с Митей расположимся где-нибудь за деревней в лесу: палатка у нас есть, так удобней, и внимание привлекать не будет. А то сразу пойдут вопросы: что это за компания? А вы, Валентина Сергеевна, объясните, что решили продолжить свой грибной промысел. Завтра же с утра выходите за деревню и прямо по дороге пройдите с полкилометра, там мы вас будем поджидать. На том и порешили.

Валентина Сергеевна сошла, немного не доехав до деревни, а мотоцикл затарахтел дальше. Вот и знакомый дом. Хозяйки не было видно, и Петухова нерешительно остановилась у калитки. Вспомнились последние слова этой бабки (зовут ее вроде Агриппина Кузьминична?). Что такое она там говорила? Мол, через день увидимся? «Ну что ж, и бабка замешана в эту историю», – со странным удовлетворением констатировала Валентина Сергеевна.

Ничего больше ее не удивляло.

– А, это ты, Валечка! – неожиданно раздался веселый возглас. – За грибами своими вернулась?

Библиотекарша чуть не подпрыгнула с испугу. У нее за спиной стояла Агриппина Кузьминична.

Давненько ее никто не называл Валечкой. Чем-то детским повеяло от этого имени...

– Ну, проходи в дом, – продолжала старуха. – Грибы твои подсохли, дождей-то не было.

Валентина Сергеевна вошла в дом, и снова, как в первый раз, бросились ей в глаза иконы. Невольно она подняла руку, словно хотела перекреститься. «А ведь и вправду хотела», – машинально отметила про себя Петухова. Старуха тоже заметила ее жест.

– А ты вроде крестишься? – удивленно заметила она. – Давно ли в бога уверовала?

Библиотекарша промолчала, а про себя подумала, что впору бы уверовать. Она подошла к киоту и стала разглядывать иконы: святые строго и печально глядели на нее со старых досок, словно укоряли в чем-то. Остаток дня прошел в беседе и чаепитии. Уже поздно вечером от

нечего делать перекинулись с бабкой в картишки. Ни о том, зачем приехала библиотечарша, ни о минувших событиях не говорили.

– А хочешь, Валя, я тебе погадаю? – внезапно спросила старуха.

– Ну что ж, погадайте, – усмехнулась Петухова.

Старуха достала другую колоду карт: большую и довольно засаленную. Карты были странные. Таких Валентина Сергеевна никогда не видала. Здесь не было обычных мастей, не было королей, дам... Их заменили странные зловещие символы.

Взяв одну карту, она рассматривала нарисованную на ней виселицу с повешенным.

– Что это за карты такие? – заинтересовалась она.

– Это специальные гадальные карты. «Таро» называются. Достались мне давным-давно по случаю. Очень старинные карты. Принадлежали когда-то одному здешнему помещику Кокуеву.

– Кому-кому? – удивленно переспросила Петухова.

– Да был тут один. Все нечистого тешил. Ну да ладно...

Старуха разбросала по столу карты, внимательно стала рассматривать их, потом смешала и разложила снова, но уже в другом порядке. Пристально посмотрела на библиотечаршу:

– Да!.. Давненько не видала я ничего подобного. Ну что тебе, бабонька, сказать... Находишься ты между двух огней. Бьются за тебя две силы, одна хорошая, другая – не приведи господь. Пока черная-то сила перетягивает.

– И перетянет? – взволнованно спросила Петухова.

– Не торопись, все скажу. Светлая сила может перетянуть, а может и нет. Все зависит от тебя самой, но не только. Есть кто-то третий, кто перетянет чашу весов, а вот в какую сторону – неясно. Но только опасную ты игру затеяла, бабонька, ох опасную.

Старуха смешала карты, перекрестилась:

– Пора спать...

«Почему все кругом говорят загадками?» – думала Валентина Сергеевна, ворочаясь на кровати. С этими мыслями она заснула. И приснился ей странный сон. Будто идет она по лесу и выходит все на то же кладбище. Там тихо, ни души, и вдруг, откуда ни возьмись, ребенок, мальчик лет пяти. Беленький, голубоглазый. Увидел он библиотечаршу, подбежал к ней и кричит: «Тетя, тетя, уведи меня домой!» Взяла его Валентина Сергеевна за руку и спрашивает: «А где твой дом?» – «Пойдем, покажу!» – тянет ее за собой малыш. Подводит к склепу и говорит: «Вот мой дом, иди за мной!» Валентина Сергеевна сопротивляется, не идет, а он все тянет, да так сильно...

Вдруг видит она: на кладбище людей полно, а вместо лиц у них ничего нет, гладкое место, а посреди старик седобородый стоит в милицейской форме. Эти безликие мечутся по кладбищу, будто кого-то ищут. А старик тут и говорит: вот она, хватайте! Безликие бросаются к ней, а ребенок кричит: «Нет! Она моя!» Безликие тут же рассыпались в прах, остались старик да ребенок. Она стоит между ними, и каждый ее к себе манит... Тут все пропало, и она проснулась.

Утро, серенькое и теплое, неярко горело августовским светом. Сильная роса приятно холодила ноги, пока она бежала к колодцу умываться. Хозяйка была уже во дворе, несла из хлева полное ведро парного молока.

– Проснулась уже, – одобрительно заметила бабка. – Да ты никак куда собралась?

– В лес пойду за грибами. – Валентина Сергеевна старательно отводила глаза от пытливого взгляда хозяйки.

– Не находилась еще, – помрачнела та. – Ну иди, коли есть охота. Только мой совет – в сторону кладбища не ходи. Попей-ка парного молочка.

Немного погодя библиотечарша была готова к выходу. Только вот беда – корзинки для грибов у нее не было.

– Да возьми мою. – Хозяйка подала ей красивую большую корзину. – На-ка молочка на дорожку. – Она протянула ей кринку, туго обмотанную чистой белой тряпкой. – Поставь на дно, по дороге выпьешь.

Валентина Сергеевна быстрым шагом двинулась в путь. Ей очень хотелось поскорее встретиться со своими товарищами. Надо обязательно побывать на кладбище. Посмотреть еще раз на памятник: действительно ли на нем ее имя? Деревня кончилась, и вскоре среди деревьев мелькнула палатка.

Товарищи ее уже встали и позавтракали.

– Ну, какие на сегодня планы? – спросил Забалуев. Валентина Сергеевна предложила тут же идти на кладбище, что было встречено без возражений.

По дороге библиотекарша поинтересовалась у Мити, далеко ли отсюда был лагерь профессора Струмса.

– Да нет, – последовал ответ. – Совсем рядом. Я, между прочим, туда уже ходил.

– Ну и что?

– Да ничего, никаких следов не осталось.

Дорогу на кладбище вроде бы никто точно не знал, но дошли до него неожиданно быстро. Подул ветерок. Из-за туч выглянуло солнце, серое утро перешло в яркий летний день. И при солнечном свете кладбище казалось отнюдь не зловещим. Запустение, царившее здесь, придавало ему романтический вид, а старинные памятники еще больше усиливали впечатление.

Валентина Сергеевна, поначалу спешившая увидеть место своего приключения, заинтересовалась надгробиями. Она ходила от одного памятника к другому, пытаясь прочесть полустиертые временем надписи, разглядывая причудливые обелиски. Ее товарищи вели себя так же. Наконец вышли к старой часовне, стоящей на самом краю. Вот здесь она пережидала грозу. Часовня темнела провалами окон и дверей, но уже не вызывала страха. Библиотекарша подошла к дверному проему и заглянула внутрь. Там было так же темно и пусто, только лучи света, пробивавшиеся сквозь дыры в крыше, причудливо выхватывали фрагменты полуосыпавшихся фресок на стенах. Она повернулась, пытаясь вспомнить, где находится тот памятник, на котором прочитала она дату предполагаемой смерти.

Взгляд ее сразу же нашел накренившуюся плиту из черного мрамора.

– Вот он, – боязливо произнесла библиотекарша, указывая на памятник.

– Ну-ка, ну-ка. – Забалуев достал из кармана очки и подошел к надгробию. За ним последовал Митя.

Она же осталась на месте, со страхом и нетерпением ожидая результатов. Внезапно раздался веселый смех. Смеялись оба. «Что они, с ума сошли?» – опешила библиотекарша.

– Идите-ка сюда! – захлебываясь от смеха, позвал Забалуев.

Она нерешительно подошла, не понимая причины их веселья.

– Читайте! – усмехаясь, приказал Забалуев. Она вгляделась в надписи.

«Петушкова Валентина Савельевна, – изумленно прочитала она. – Вдова действительного статского советника, потомственная дворянка». Дальше шли даты рождения и смерти. Год рождения действительно походил на ее, но только это был девятнадцатый век, а дата смерти и близко не соответствовала нынешнему году. Неужели она тогда со сна ошиблась? Валентина Сергеевна стояла, ничего не понимая.

– Конечно, вы обознались, – подтвердил ее догадку Забалуев. – После кошмарной ночи, грозы этой, опять же спали урывками.

– Так что же, ничего этого не было? – еще до конца не веря, спросила Петухова. – И жутких женщин, и руки, показавшейся из могилы?

– Ну конечно, – последовал ответ. – Все это вам приснилось. А имя на памятнике похоже на ваше, в горячке немудрено было ошибиться.

Валентина Сергеевна в недоумении переводила глаза с одного на другого. Забалуев весело улыбался, лицо же Мити было нахмурено. Он еще раз внимательно прочитал надпись.

– Похоже на правду, – задумчиво произнес Митя. – Хотя...

– А ваша история, Митя, не сродни ли истории Валентины Сергеевны? – Забалуев насмешливо посмотрел на Воробьева. – Воробушек вы мой ненаглядный, признайтесь, что все это придумали, так сказать, подыграли нашей уважаемой библиотекарьше.

– Бросьте! – сердито возразил Митя. – Валентина Сергеевна, возможно, и ошиблась, но я-то был в трезвом уме. Пойдемте, покажу вам место раскопок.

Он быстро зашагал среди надгробий. Следом за ним двинулся и Забалуев.

Петухова плелась за ними следом и чувствовала себя последней душой.

Казалось бы, радоваться надо. Все оказалось просто дурным сном. Однако сердце подсказывало: не все здесь так просто...

Товарищи ее были уже довольно далеко. Они остановились и, оживленно жестикулируя, о чем-то спорили. Нехотя подошла к ним и она.

Первое, что увидела, был памятник, та самая полуразбитая дорическая колонна. Под ней, как свидетельствовала надпись, покоилась девица Дарья Михайловна Сурина.

– Ну вот, убедились, Валентина Сергеевна? – Забалуев показал рукой на могильную насыпь. – Никаких следов раскопок. Плита на месте, да вы посмотрите, ведь никаких следов!

– Прошло несколько лет, – хмуро заметил Митя.

– Каких лет? – Забалуев язвительно усмехнулся. – Здесь ничего не изменилось с момента погребения. Вы, помнится, сказали, что оставили могилу открытой?

– Ее могли и закопать.

– И не оставить никаких следов? Помилуйте. Неужто передо мной краевед и археолог?

– Так вы хотите сказать, что я все выдумал? – Лицо Мити покрылось красными пятнами.

– Успокойтесь, голубчик. Я ничего не утверждаю, но факты...

– А имя на памятнике?

– Ну, имя... Его вы могли прочитать в пресловутой книге Кокуева, а что вы здесь бывали и раньше, я не сомневаюсь.

– Ладно, идемте назад, – махнул рукой Митя. – Может быть, это и к лучшему. Во всяком случае, ничего не нужно объяснять, да и Валентине Сергеевне, как выяснилось, ничего не угрожает.

– Я сильно устала, – жалобно проговорила Петухова. Чувство опасности не только не покинуло ее – напротив, стало сильнее. Что-то тут было не так. – Давайте передохнем.

– Конечно-конечно, – подхватил Забалуев. – Передохнуть нужно обязательно. Да и перекусить бы не мешало.

Он один сохранял спокойствие и присутствие духа и был, казалось, весел. Быстро разложил на траве белую салфетку, достал кое-какую снедь. Валентина Сергеевна вспомнила про свое молоко, достала из корзинки кринку.

– Не желаете, Петр Петрович?

– Нет-нет, – Забалуев сделал брезгливую гримасу. – Не употребляю.

– А я, пожалуй, выпью. – И она поднесла кринку ко рту. – Фу! Да молоко скисло! А ведь утром только хозяйка надоила...

– Ничего удивительного, – заметил Забалуев. – Жарко сегодня, вот и результат. Нужно в молоко сажать лягушку, тогда ни за что не скиснет.

– Какая гадость! – Валентину Сергеевну передернуло от отвращения.

– Так, говорите, сегодня утром надоили? – Митя с любопытством взял кринку и понюхал содержимое. – Впечатление такое, будто ему дня три-четыре, вон даже позеленело. – Он вылил молоко на землю.

Они пошли назад. По дороге со скуки Валентина Сергеевна начала собирать грибы и скоро набрала полную корзину. Но и это не радовало. Голова была полна самых противоречивых мыслей. С одной стороны, все вроде бы складывалось хорошо. Но с другой... Валентина Сергеевна могла поклясться, что случившееся ей не привиделось.

Да и странное существо в городском парке? Ведь это-то было! А рассказ Мити? Неужели он все придумал? Зачем? Сюда поехал... С другой стороны: где надпись, где следы раскопок?

Видимо, у каждого голова была занята подобными мыслями. В молчании дошли до палатки.

– А дальше-то что? – спросила Валентина Сергеевна.

Митя молчал.

Откликнулся Забалуев.

– Я думаю, – начал он, – нужно возвращаться в город. – Все прояснилось: не было никакой надписи, да и кладбище это самое обычное. Что старинное – это верно. Но не более. А колдуны все эти, ожившие мертвецы – плод воспаленного воображения.

Митя как-то странно посмотрел на него.

– Митя, ты уж признайся, что хотел, так сказать, разыграть Валентину Сергеевну. Имел на нее зуб, ну и пошутил слегка. Шутка, конечно, не совсем удачная, но оригинальная. И я, старый осел, можно сказать, поверил тебе, поперся в эдакую даль...

– Да, – сказал Митя хмуро. – Это была шутка.

Валентина Сергеевна недоуменно посмотрела на него. Она вообще перестала что-либо понимать.

– Ну что ж, давайте собираться, – сказал Забалуев.

Митя молча копался у мотоцикла.

– Мне надо к хозяйке сбегать, – спохватилась Петухова. – Корзину ей отдать, вещи свои захватить.

– Ну, давайте быстрее. К вечеру хотелось бы быть дома.

Хозяйка встретила ее у ворот. Она сидела на лавочке и поглядывала на нее с любопытством.

– Грибов-то набрала! Да все один к одному. – Она с интересом посмотрела в корзину.

– Уезжаю я, вот за вещами пришла. За корзину спасибо.

– Не успела приехать – опять уезжаешь. Странная ты, Валентина, женщина. Ну что же, воля твоя...

– Возьмите вашу кринку.

– Ну как, молочко-то понравилось? У меня вкусное молочко, не чета городскому.

– Да скисло оно, молоко ваше.

– Как скисло, не может быть! – Старуха понюхала кринку. – Действительно. Да ведь я утром надоила, не может такого быть. Постой, постой, постой. – Она внимательно посмотрела на Петухову. – Ты ведь по лесу не одна ходила?

– Не одна, – подтвердила та. – Мы втроем приехали, на мотоцикле.

– А кто твои товарищи?

– Обычные люди, старичок один – в архиве работает, и историк наш городской. Да в чем дело-то?

Старуха ничего не ответила. Замолчала, что-то обдумывая. Через несколько минут она попросила:

– Слушай, покажи их мне.

– Ну пойдемте, только вы мне все-таки объясните, в чем причина вашего интереса?

– После объясню, пойдем скорее.

Минут через пятнадцать они подошли к тому месту, где стояла палатка. Все уже было сложено. Возле мотоцикла стоял один Митя.

– А Петр Петрович где? – спросила Петухова.

– Да тут был. – Митя огляделся по сторонам. – Сейчас придет, наверное.

Старуха внимательно оглядела Митю, потом повернулась к Валентине Сергеевне:

– Старичок-то – куда он делся?

Та недоуменно пожала плечами.

– Петр Петрович! – закричал Митя. – Где вы, идите сюда!

Но в лесу было тихо.

– Так, ребятки, – утвердительно произнесла старуха. – А ведь это колдун был.

– Какой колдун?! – испуганно воскликнула Валентина Сергеевна.

– Да старичок-то ваш. Вы вот его ждете, а он, конечно, не явится.

– С чего вы это взяли, что он колдун? – внимательно глядя на старуху, спросил Митя.

– Да молоко свежее скисло в минуту – это первый признак. К тому же исчез он. Почему?

– Может быть, придет? – нерешительно протянула Петухова.

– А сами-то вы кто? – Митя, казалось, не удивился сообщению.

– Я-то? Да никто, божья старушка. – Она усмехнулась. – Местная жительница.

– Мне еще на кладбище показалось – Забалуев как-то странно себя вел.

– Так вы и на кладбище были? – удивилась старуха. – А зачем? Не пора ли мне всю правду рассказать?

– С какой это стати? – вскинулся Митя.

– А с такой. Без меня вы вряд ли выпутаетесь из этой истории.

– Эге, ты, бабка, видно, из той же шайки... – протянул Митя.

– Тьфу, дурень! Из шайки... Ты, голубок, да и барышня твоя, по всему видать, в такую переделку попали – не приведи господь. Садитесь на вашу тарактелку да поедем ко мне. Нет-нет, я ногами дойду, – отмахнулась бабка на приглашение сесть в коляску.

Совсем сбита с толку всеми этими чудесами, Валентина Сергеевна пошла рядом со старухой, Митя поехал вперед.

– Ты мне сразу бы все рассказала, пользы было бы больше. А сейчас... – Бабка неопределенно махнула рукой.

– Да с чего бы я докладывать стала, и так один раз уже все рассказала, вон что получилось. Вы говорите, колдун. Да быть этого не может!

Вскоре они втроем сидели за столом в гостеприимной избе хозяйки. Митя задумчиво покосился на иконы, перевел взгляд на бабку, попросил разрешения закурить.

– Нет, сынок, у меня не курят, хочешь дымить – иди во двор.

Запахтел самовар, забулькал в стаканах чай.

– Ну же, жду, – властно произнесла старуха. – Давай, первая рассказывай, – кивнула она Валентине Сергеевне.

На протяжении всего рассказа она молчала, иногда задумчиво кивала головой, и только когда библиотечкариша описывала виденное на кладбище, старуха досадливо крякнула:

– Эк тебя угораздило! И чего ты мне сразу всего не рассказала! Ну, теперь ты, – обратилась она к Мите.

Когда его история была завершена, старуха попросила:

– Ну а теперь о третьем. О колдуне этом.

Перебивая друг друга, они стали рассказывать о событиях последних дней.

– Да, – заключила Агриппина Кузьминична, – неисповедимы, господи, дела твои. Вы требуете, чтобы я открыла вам глаза на происходящее. Можно, конечно, только не хуже ли от этого станет? Ладно. Ну, про Лиходеевку вы кое-что знаете. Что тут издавна колдуны живут. Это верно. Но не одни колдуны. Вот я, например. С черными не знаюсь, хотя дела их мне известны. И они меня не трогают. Сосуществуем, значит, говоря по-современному. Что тут к чему, долго рассказывать, да и знать вам этого необязательно. Однако кое-что придется разъяснить.

Ты, Валентина, видела древний обряд, простому смертному видеть который никак нельзя. Как они мертвых поднимают и для чего – это особое дело. Но что ты судьбу свою прочитала на могильном камне – в этом не сомневайся. Они все сделают, чтобы тебя ухайдакать. Они тебя так просто не отпустят. Этот, которого вы Забалуевым называете, вовсе и не Забалуев, а главный их. Просто он принял вид этого Петра Петровича. Это они умеют. В городе к тебе подослали куклу-перевертыша. И колдун с вами увязался, теперь он где-то рядом ходит, если б не это молоко, может статься, была бы для вас сегодняшняя ночь последней. Случайность подвела. Но они, конечно, не отступятся. Беда в том, что помочь вам ничем не могу. Заговоры нужно знать особые, заклятия. За день мне вас не обучить. Переночуйте у меня, тут вас никто не тронет, а завтра садитесь на свою тарахтелку – и в город. Тебе, Валентина, я советую вообще уехать куда-нибудь подальше.

Валентина Сергеевна и Митя сидели молча, осмысливая услышанное.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросил наконец Митя.

– Отчего же? Можно. Можно пойти к главному ихнему (найти его несложно), пасть на колени, попросить милости. Может, и простят, но тогда людьми вы больше не будете, а будете... – Тут она замолчала.

– Кем же? – подавшись вперед, спросил Митя.

– Лучше вам об этом не знать. Но есть и другой выход. О нем я уже говорила – лучше всего убежать, если сумеете.

– А если пойти в милицию, рассказать все?

– Да кто вам поверит? А если и поверят, куда ты их приведешь, на кладбище? Вот если бы того профессора, про которого ты рассказывал... Человек он, судя по всему, понимающий. Да что с ним случилось, ты и сам не знаешь. Не знаешь ведь?

Митя промолчал.

– Ну ладно, оставайтесь ночевать. Утро вечера мудренее.

– Послушайте, Агриппина Кузьминична, а не расскажете, что это за колдуны такие? – спросила Валентина Сергеевна.

Как ни странно, она давно не испытывала никакого страха, одно нестерпимое любопытство.

– Ну что ж, рассказать можно. – Старуха задумчиво посмотрела на своих гостей. – Хуже от этого не будет. Живут они тут с незапамятных времен. Их немного, но силу они имеют большую. Чего скрывать, сама в этом деле кое-что понимаю. Лечить людей могу, наговоры знаю, ну да ладно...

Раньше они в страхе всю округу держали. Бывало, ни одна свадьба без их разрешения не игралась. Да что простой народишко... Помещики опасались. Не угодит им кто – нашьют призрак или еще какую чертовщину, а то сглазят, чахнет человек...

С лесной и болотной нежитью тоже якшаются. Сейчас, конечно, время другое, затаились. Да по правде сказать, осталось их совсем немного, вот оттого, что чуют свою годину, зашевелились. Тут профессор этот еще, видно, сильно их напугал. И еще скажу: конечно, им просто человека со свету сжить. Без всяких фокусов. Например, в болото утянуть, уморить грибом поганым, да мало ли как. Но не могут они без вывертов. Сами себя уважать перестанут. Поэтому и обставляют все, словно в цирке. Сначала напугают до полусмерти, а уж потом либо на брюхе ползать заставляют, либо в петлю засунут.

Она прервала рассказ, посмотрела на ходики, мирно тикающие на стене:

– Ну что ж, время позднее...

Митя ушел на сеновал, а Валентина Сергеевна еще долго ворочалась на своей кровати, прислушиваясь к каждому шороху.

Спозаранку стали собираться. Быстро уложили в мотоцикл вещи. Старуха стояла тут же, молча смотрела, кивала чему-то головой.

Наконец тронулись. Бабка перекрестила их на дорогу и сказала напоследок:

– Вы уж осторожней езжайте, а в городе тоже опасайтесь.

Отъехав немного от деревни, Митя остановил мотоцикл.

– Вы что-то забыли, Митя? – Петухова вопросительно посмотрела на своего спутника.

– Хотел я вам кое-что рассказать, Валентина Сергеевна, да при бабке не решался. Все же я ей до конца не верю.

– Послушайте, Митя, что вы все меня: Валентина Сергеевна да Валентина Сергеевна. Зовите просто – Валентина, а лучше Валя.

Митя улыбнулся:

– Ну что ж, Валя так Валя, а ведь недавно мы с вами чуть ли не врагами были. Так вот, – лицо его посерьезнело, – буквально за пару дней до нашей встречи в городском архиве получаю я письмо. От кого бы вы думали? От Струмса! Письмо очень краткое. Жив профессор и здоров и очень хотел бы увидеться. Пишет, что дней через пять, то есть сегодня, будет в нашем городе. Был в письме и телефон, по которому я обязательно должен позвонить. Вот оно, письмо это. – И он достал из внутреннего кармана мятый конверт и протянул его Петуховой.

– Нет-нет, – отдернула она руку. – С какой стати я буду читать чужие письма?

– Ну хорошо. – Митя снова спрятал письмо. – Как только приедем в город, сразу позвоню по этому телефону. Нам нужно обязательно встретиться с профессором. Больше надеяться не на кого.

– А что, если это тоже происки темных сил? – задумчиво произнесла библиотекарша.

– Что ж, не могу исключить и такой поворот. Однако что нам терять? А потом, вспомните молоко, – усмехнулся он. – Верное средство. Купим в магазине по бутылке, возьмем с собой на встречу. Скиснет – значит, профессор колдун.

– И что тогда?

– Тогда остается серебряная пуля.

– А где ее взять?

– Перелью бабушкину ложечку.

Мотоцикл взревел и понесся по пыльной дороге.

Валентина Сергеевна, плохо спавшая ночью, дремала в коляске, несмотря на тряскую дорогу.

Внезапно мотоцикл бросило в сторону. Она в недоумении открыла глаза и увидела прямо перед собой на дороге ребенка.

Мотоцикл мчался прямо на него, Митя лихорадочно выворачивал руль. Петухова оцепенело смотрела на надвигающееся лицо. Это был тот самый мальчик, который приснился ей в доме старухи. Никакого сомнения, лицо его она запомнила накрепко. Сейчас он улыбался, но как-то криво и бессмысленно, как улыбаются идиоты. Он был уже в метре от мотоцикла.

Митя резко повернул руль, и мотоцикл с треском свалился в кювет. Последнее, что успела увидеть Петухова, – это фигура странного мальчика, оторвавшаяся от земли и как бы парившая над дорогой.

Она быстро пришла в себя и попыталась встать. К удивлению, ей это удалось. Все тело болело, но особых повреждений она не получила. Она поискала глазами Митю. Он лежал тут же рядом. Голова его была в крови, рука неестественно вывернута.

– Ну вот, – сказал он, едва шевеля губами. – Все-таки они меня доконали.

Валентина Сергеевна бросилась к нему, попыталась перевязать платком. Затем выскочила на пустынную дорогу, зовя на помощь.

– Валентина Сергеевна, Валя! – услышала она слабый голос. – Идите сюда!

Петухова подчинилась.

– Возьмите письмо, оно в кармане пиджака, спрячьте и никому не показывайте. И обязательно позвоните по этому телефону.

– Нет, Митя, не надо. – Она тщетно пыталась сдержать слезы.

– Возьмите, я вас очень прошу. – Голос его совсем ослабел. Он потерял сознание.

Петухова машинально достала мятый конверт и сунула его в свою сумку. Потом подъехали какие-то люди, началась суета. Появилась милиция, «Скорая помощь». Окончательно пришла она в себя только в приемном покое городской больницы, где ей обработали ушибы и ссадины.

Митя в бессознательном состоянии был в реанимации.

Сбивчиво и невпопад отвечала она на вопросы милиции, а потом была доставлена домой.

Безучастно сидела на диване, уставившись в одну точку. Не было ни мыслей, ни желания куда-то идти, что-то делать. Давным-давно стемнело, но который был час, она не представляла. Единственное, чем была занята ее голова, – это подсчетом, сколько же ей осталось жить. Почему-то она никак не могла точно сосчитать, сколько же дней прошло с той злосчастной ночи на кладбище.

Девять, нет, восемь... или семь? Нет, восемь... или девять? Цифры шелкали в голове сухими костяшками счетов. Кажется, она сходила с ума. Как ни странно, отвлек какой-то слабый свет в прихожей. Она кое-как встала и заглянула туда. Светилось зеркало. Мерцало изнутри слабым зеленоватым светом, напоминая плохо освещенный аквариум.

Это старинное зеркало (надо сказать, порядком помутневшее) стояло в квартире Петуховой давным-давно. Не выбрасывала она его только из-за красивой черного дерева рамы. Никогда до этого подлое зеркало не светилось.

Валентина Сергеевна настолько привыкла к чудесам, что наблюдала за странным явлением безо всякого страха. Она только машинально отметила, что зеркало не отражает предметы. Свечение постепенно нарастало, и внутри его стали различимы два силуэта, которые постепенно приближались. Наконец они оказались довольно близко от рамы, но по ту сторону зеркала. Валентина Сергеевна узнала в одном из силуэтов ту особу, которая в парке под села к ней на скамейку и лезла со странными разговорами. Вернее, не узнала, а скорее догадалась по многочисленным бантикам и лентам на платье, потому что лицо ее было как бы в тени. Второй же силуэт принадлежал мужчине средних лет, как показалось Петуховой, в военном мундире. Лицо его тоже было трудно различимо.

Они остановились и присели, но на что, нельзя было понять. Казалось, их окружает зеленоватый туман. Внезапно Петухова услышала голоса. Они шли не из зеркала, а как бы возникали посреди прихожей, причем были глухие и монотонные.

– Она нас видит? – спросил женский голос.

– И еще увидит не раз, – сказал мужской.

– Что ее ждет?

– Могила.

– Сколько ей осталось?

– Восемь дней.

– Есть ли выход?

– Выхода нет.

– Выход есть всегда! – раздался вдруг высокий детский голос. В тот же миг раздался треск и стало темно.

Валентина Сергеевна включила в прихожей свет. Все зеркало было покрыто густой сетью трещин. Это было ужасно. Даже дома нет спасения! Она быстро оделась, накинула плащ, взяла сумочку и выбежала из квартиры.

Куда идти? Конечно же, в больницу к Мите. И она побежала по ночным улицам. Ей казалось, что ее кто-то преследует, мерещились какие-то тени, но одно желание скорее увидеть Митю, узнать, как он себя чувствует, жив ли, заставило позабыть о страхах.

Вот и больница. Она вбежала в пустынный вестибюль и рванулась в отделение реанимации.

– Куда вы? – закричала заспанная нянечка.

– Мне к Воробьеву, – умоляюще попросила Валентина Сергеевна.

– Он спит.

– А как его самочувствие?

– Неважное. Сломана рука, несколько ребер, сотрясение мозга, но опасности для жизни нет.

– Можно, я подожду здесь до утра? – Петухова вопросительно посмотрела на нянечку.

– Дело ваше, – равнодушно отозвалась та.

– А зачем же здесь? – вдруг спросил чей-то голос.

Петухова резко обернулась.

Перед ней стоял довольно пожилой, невысокого роста, кругленький, чрезвычайно симпатичный человек с умными веселыми глазами.

«Нет, он не из этих», – сразу же решила Валентина Сергеевна.

– Кто вы? – спросила она.

– Я – Струмс, – просто ответил человек. – А вы, очевидно, Валентина Сергеевна Петухова?

– Да, – удивленно произнесла она. – А вы откуда знаете?

– Я тут незадолго до вашего прихода общался с Митей. Он хоть и слаб, но в сознании. Он-то и рассказал мне все ваши приключения. Вкратце, конечно. Особенно мучить я его не стал, но, надеюсь, вы дополните.

– Ну как он? – спросила Петухова.

– Гораздо лучше, чем я ожидал. Кстати, это врачи разрешили мне с ним побеседовать. Ну пойдемте, Валентина Сергеевна. Нет ничего лучше, чем прогулка с дамой августовской ночью.

И он галантно взял библиотекаршу под руку. Удивительно, но наша дама не сопротивлялась, они вышли из больницы.

В который уже раз пересказывала Валентина Сергеевна историю своих приключений и ловила себя на мысли, что эти пересказы несколько ей не надоели. Более того, она вошла во вкус и, хотя тряслась от страха, все равно смаковала подробности.

Сидели они в небольшом, но весьма удобном номере Струмса. Гостиница, в которой жил профессор, была хорошо известна Валентине Сергеевне, хотя сама она была здесь первый раз. В ней обычно останавливались самые высокие партийные и прочие чины, посторонних в нее не пускали. И одно то, что профессор жил в таком месте, свидетельствовало, по мнению Валентины Сергеевны, что представителем нечистой силы он быть не может.

Петухова сидела в мягком кожаном кресле и живо описывала свои столкновения с духами.

Профессор между тем налил рюмочку коньяка, покосился на нее, кивнул на бутылку, мол, не хотите ли? Она энергично замахала головой.

– Ну, дело ваше! – Профессор медленно выпил, закусил долькой лимона. Посмотрел на библиотекаршу, как ей показалось, со скрытой насмешкой и властным жестом руки остановил захватывающее повествование на полуслове.

– Довольно, голубушка, – сказал он мягко, но решительно. – Рассказ ваш очень поучителен и настолько живописен, что напоминает мне фильм «Багдадский вор».

Валентина Сергеевна обиделась и покраснела:

– Вы мне не верите?

– Ну отчего же, верю, конечно. Но, – профессор поднял вверх указательный палец, – за всеми этими ужасающими подробностями неясно одно, почему они за вами охотятся?

– Вот это-то как раз ясней ясного, – запальчиво начала Петухова, – я видела их тайную церемонию на кладбище...

– А я думаю, не специально ли для вас была эта самая церемония организована. То есть я хочу сказать, не был ли этот весь спектакль подготовлен заранее и срежиссирован талантливым режиссером.

– Так вы считаете, что все эти ужасы – мистификация?

– Отнюдь нет! Безусловно, тут налицо самая настоящая черная магия. Но вот зачем они вам демонстрировали и демонстрируют до сих пор весь свой арсенал? Наиболее, я бы сказал, изысканные трюки. – Он засмеялся и снова наполнил рюмку. – Все эти предсказания насчет тринадцати дней... жуткое знамение. Не проще ли было затянуть вас в трясины, которых, кстати, в тех местах полным-полно, или обрушить на голову гнилое дерево. Просто и эффективно.

– А мотоцикл? – закричала библиотекарша. – Я же чуть-чуть не погибла.

– Именно «чуть-чуть». На вас же нет ни единой царапины.

– Царапины есть, – уныло произнесла Петухова и искоса глянула в висевшее напротив зеркало.

– Это не считается. Теперь последний эпизод: видения в прихожей. Ведь вам было ясно сказано: выход есть.

– Да где же он?

– Погодите, погодите – не все сразу. Сначала разберемся, зачем вы им понадобились. А правда, зачем?

Петухова недоуменно промолчала.

– Как мне кажется, вся история имеет глубокий смысл. Это отнюдь не чье-то желание сжить вас со свету. Ведь вы, насколько мне известно, пользуетесь в здешнем обществе репутацией неутомимой атеистки.

– Да! – с достоинством кивнула головой Валентина Сергеевна.

– Вот именно. – Профессор облизнул языком губы, покосился на рюмку, но пить не стал. – Так вот. Эти черные маги, колдуны, видимо, очень стары. В прошлый раз нам, к сожалению, не пришлось с ними пообщаться лично. Надеюсь, на этот раз... – Он остановился. Замолчал, обдумывая. – Так вот, настоящий колдун должен обязательно передать свои знания, свою, если хотите, силу. Кому? Естественно, не первому встречному.

– Вы хотите сказать... – подалась вперед Петухова.

– Иначе говоря, – не обращая на нее внимания, продолжал Струмс, – ему нужны ученики. Мне кажется, роль такого ученика отведена вам. – Петухова в изумлении вытаращила глаза.

– Что вы тарачитесь на меня? Да! Именно вам, так, во всяком случае, мне кажется. Несомненно, они долго присматривались, но репутация у вас вполне подходящая.

Валентина Сергеевна не находила слов. Наконец она перевела дух и неуверенно спросила:

– Если следовать вашей логике, то почему бы им просто не прийти ко мне?

– Да, – перебил ее профессор, – взять за руку и сказать: пойдём, любезная Валентина Петухова, мы сделаем тебя ведьмой и научим кататься на помеле. Я думаю, главная их цель – растоптать ваше «я», полностью лишить воли, заставить приползти к ним на карачках. А уж потом...

– То, что вы говорите, совершеннейший вздор, – всплеснула она руками.

– А по-моему, это единственно верное объяснение. Тем более что с подобным случаем мне уже приходилось сталкиваться.

Я хочу немножко рассказать о всей этой чертовщине. Митя уже, конечно, просветил вас насчет меня. Действительно существует некое научное учреждение, назовем его институтом, занимающееся изучением различных сверхъестественных явлений. Создан институт еще до

войны, по указанию одной очень крупной государственной фигуры. Подчеркиваю, очень крупной! Вы спросите, для чего? А вот на этот вопрос не имею права ответить. Скажу только, что невидимый мир оказывает на нашу жизнь значительно больше влияния, чем принято думать. И так было всегда. Еще в незапамятные времена на Руси волхвы управляли жизнью и смертью тысяч и тысяч. Церковь вытеснила их, и они ушли в подполье, но не исчезли. Древнее знание несло через столетия. Изменяясь и трансформируясь, оно дошло до наших дней.

В восемнадцатом веке в Россию проникли мистики и каббалисты Запада. Калиостро, Сен-Жермен – эти имена общеизвестны. Но мало кто знает, что некоторое время в России была штаб-квартира влиятельного и сверхсекретного ордена розенкрейцеров. Колдуны Запада настойчиво искали связей с местными сатанистами. И нашли. На какое-то время розенкрейцеры в России обрели прежнее могущество. Было это во времена Павла I. Однако смерть императора разрушила их планы.

При помощи волшебства вершились большие дела. Сейчас это кажется бредом, но имеются подлинные свидетельства очевидцев, которым нельзя не верить. Скажем, достоверно известно, что предполагаемый брак Наполеона и сестры императора Александра I был расторгнут с помощью магии. К принцессе был послан фантом, который принес ей отрубленную голову французской королевы Марии-Антуанетты. Намек достаточно прозрачен. Подобных историй можно привести немало.

Правительство очень беспокоило наличие тайных колдовских культов в России. Ведь они были неподвластны царской воле, а тот, кто не подчиняется, вызывает опасение. Поэтому при Третьем отделении по указанию пресловутого Бенкендорфа была создана особая служба по борьбе с колдовством. Сильное беспокойство властей вызывало влияние разного рода колдунов на народ. Особенно усиливалось оно во время неурожаев. Нередки были случаи массового сумасшествия. Случались и человеческие жертвы. События частенько принимали кровавый характер. Конечно, и раньше, в семнадцатом, восемнадцатом веках, власть активно боролась с колдовством. Архивы Приказа тайных дел полны документов о случаях ворожбы. Но тогда с уличенными в колдовстве поступали просто: их сжигали или топили.

Однако все это далеко до нашего двадцатого века. В самом начале столетия пышным цветом расцвели всякие тайные секты, мистические группы, сатанинские бдения. После революции обо всем этом забыли. Время было и без того страшное. Но колдуны сохранились, они затаились вот в таких Лиходеевках и пережили все лихолетья. Кстати, их гораздо больше, чем вы можете себе представить. Есть они и в обычных селах, и в больших городах. Но именно в Лиходеевке их твердыня.

– Послушайте, профессор, – прервала его Петухова, – чем все-таки кончилось ваше с ними столкновение?

– А, Митя рассказал. Да ничем. Мы тогда хотели вместе с моим ассистентом Беловым выкопать один из так называемых биороботов, ну, проще говоря, живых мертвецов и увезти его в институт на исследование. Митя, наверное, говорил, что мы обнаружили несколько биоаномалий на кладбище. Одну из них раскопали. Потом, как вы помните, колдуны наслали на нас мертвецов. Мы отбились. Я, собственно говоря, ждал чего-нибудь подобного. Словом, когда на другой день мы пошли на кладбище, то не смогли обнаружить ни одной активной точки. Могила девицы Суриной была закопана. Мы раскопали ее снова. И что бы вы думали? Она была пуста. Мы решили провести вторую ночь в нашем лагере. Собственно, это я решил, – поправился он. – Митя не выдержал и уехал. Коля Белов тоже был на грани бегства. Но самое интересное, что на вторую ночь никто не пришел, все было тихо. И тогда я понял, что мы их спугнули. Попытался поговорить в деревне. Но все были точно глухие. Между прочим, вашу бабку Агриппину Кузьминичну хорошо помню. Так и не понял, кто она такая. Она единственная не уклонилась от беседы со мной. Можно понять, что старушка – представитель белой магии, добрых сил, которые обычно мирно сосуществуют с черной магией. Вы как любитель-

ница сбора грибов знаете, что рядом мирно уживаются ядовитые поганки и боровики. И у нечистой силы то же самое. Кстати, это не противоречит и самим тайным учениям.

– А Забалуев, он кто?

– Архивариус ваш? К сожалению, я с ним незнаком. Возможны два варианта. Первый: что он действительно один из них и намеренно морочил вас, второй: что настоящий колдун принял облик этого Забалуева, что значительно сложнее. Обычно перевоплощаться, да еще на столь длительный срок, могут лишь самые-самые... Так что скорее всего старик ваш из чернокнижников. Я обязательно с ним познакомлюсь.

– И все же что мне делать?

– Да ничего, события сами находят вас.

– Однако нечего сказать, утешили.

– Ну а что вы хотели? Чтобы я приставил к вам двух дюжих молодцов в качестве телохранителей или прочитал заклинания? Все это в моих силах, но вряд ли будет толк. Так что ждите. На вашем месте я бы сам предпринял контрдействия. Снова бы поехал в Лиходеевку и с помощью этой старушки постарался бы вступить в контакт с ними.

– То есть вы толкаете меня к ним в руки? – Валентина Сергеевна встала и взволнованно заходила по комнате. Машинально взяла она в руки рюмку с коньяком, так же машинально выпила.

Струмс посмотрел на нее с одобрением: – Однако вы делаете успехи, судя по всему, вы весьма решительны. Так в бой! А тылы я обеспечу.

Перспектива борьбы с нечистой силой очень напоминала сражения с ветряными мельницами, а Валентина Сергеевна не считала Дон Кихота своим идеалом. Однако было в этом что-то необычайно привлекательное. Петухова надолго задумалась. Иногда она поглядывала на Струмса, как бы прикидывая и взвешивая свои возможности. Наконец она спросила:

– Ну а что все это дает?

– Что дает, – встрепнулся Струмс, – о чем вы, кому дает, народному хозяйству, что ли?

– Ну, допустим, стране нашей?

– Стране, я думаю, не даст ничего, но помилуйте, голубушка, неужели вам самой не интересно? Разве представится возможность пережить еще раз такое захватывающее приключение. Приучили вас глобально мыслить: «...что дает стране!...» – Он захохотал. – Так и видится газетная заметка под заголовком «Герои среди нас». «В. С. Петухова разоблачила и отправила на костер группу колдунов-вредителей. Отважная женщина удостоена правительственной награды...»

Петухова засмеялась. Удивительно, за несколько дней в ее мировоззрении произошли заметные сдвиги. Не то чтобы исчезла идеологическая зашоренность. Но мир перестал состоять из черных и белых тонов, он наполнился красками, засверкал, как солнце в луже после дождя.

– Я согласна, – просто произнесла она, и эти неторопливые слова еще раз доказали, что почти в каждой женщине таится Жанна д'Арк или хотя бы Софья Ковалевская.

– Итак, я повторяю, – будничным тоном продолжил Струмс, – никаких активных действий не предпринимать, о каждом шаге докладывать мне лично, телефон у вас есть. Для начала завтра, нет, сегодня, – поправился он, – сходите в архив к Забалуеву. Ничего ему не рассказывайте. Просто присмотритесь к нему повнимательнее. Какие-нибудь странности в поведении, в разговоре... фиксируйте все. Ну а теперь вам надо домой. Сейчас я распоряжусь, вас отвезут.

Валентина Сергеевна представила свою пустую квартиру, зеркало в прихожей и поежилась.

– Час призраков уже прошел! – воскликнул Струмс, заметив ее колебания. – А то оставайтесь у меня. Места хватит.

– Нет, нет, – решительно отвергла его предложение наша дама. Ее нравственность оставалась последней твердыней в мощной некогда крепости девического целомудрия.

Близился вечер, когда она снова вошла в здание архива. Без стука открыла дверь кабинета Забалуева. Старичок сидел, склонившись над какими-то бумагами. Услышав шум, он поднял голову, и лицо его расплылось в приветливой улыбке.

– Валентина Сергеевна?! Какими судьбами?! Давненько, давненько вас не было видно. С чем пожаловали?

Петухова пристально посмотрела на него, не зная, как себя вести.

«Что это? – подумала она. – Неужели он будет отрицать, что мы виделись три дня назад?»

– Петр Петрович, да ведь я была у вас в этот понедельник.

– В понедельник? Что вы, Валентина Сергеевна! В понедельник архив не работал, у нас был сандень. Можете спросить у сотрудников.

«Не будем углубляться в детали, – подумала Петухова. – Не была так не была».

– Ну, значит, я ошиблась, может быть, хотела зайти.

– А что вам понадобилось?

– Да вот интересуюсь деревенькой одной, Лиходеевка называется.

– А, знаю, – архивариус насмешливо поглядел на нее, – это где разные странности происходят.

– Какие, например?

– Ну говорят, очевидно темные люди, что там колдуны живут, мертвецы по лесам вокруг ходят. – Глаза его так и светились злорадством.

«Конечно, это был он, – убедилась библиотекарьша. – Все знает да еще и издевается, сво-
лочь».

– Петр Петрович, давайте говорить откровенно, что вы от меня хотите, зачем травите, подсылаете эту нечисть?

– Товарищ Петухова, да вы здоровы ли? – Лицо архивариуса приняло озабоченное выражение.

Валентина Сергеевна вскочила и, не прощаясь, рванулась к дверям.

– А затем, милая, – вдруг раздался сзади детский голос, – что ты нужна нам.

Петухова стремительно обернулась и увидела, что на стуле, где только что сидел Забалуев, теперь сидит давешний белобрысый мальчонка, виденный ею последний раз на дороге. Ребенок холодно улыбался и грозил ей пальчиком.

– Поезжай, милая, снова в Лиходеевку, не пожалеешь, – писклявым голосом изрек он.

Петухова кинулась к мальчишке, и вдруг он пропал. В комнате было пусто. В растерянности стояла библиотекарьша, но тут раскрылась дверь и вошел Забалуев.

– Приветствую, приветствую! – радостно закричал он. – А я в хранилище бегал, захожу, а тут вы.

Петухова медленно опустилась на стул.

– Я была у вас в понедельник, – осторожно начала она.

– Ну да. – Забалуев внимательно поглядел на нее. – Всю ночь просидели вместе с Митей. Хотели еще ехать в деревню эту, как она там называется... Я, к сожалению, опоздал, в квартире небольшой пожар случился, проводка загорелась ни с того ни с сего. Прибежал к вам, сказали, что вы уже уехали. Ну и как съездили? Что-нибудь узнали?

Валентина Сергеевна поднялась и, не отвечая, направилась к двери. У порога она обернулась, снова ожидая увидеть вместо Забалуева ребенка. Но Петр Петрович растерянно и участливо смотрел на нее.

Вечером того же дня Петухова снова была в номере у профессора.

– Так, так, очень интересно. – Профессор потирал руки от удовольствия. – Значит, сначала был один Забалуев, а затем другой? И ребенок? Ну а разницу, разницу-то между этими двумя вы заметили?

Валентина Сергеевна недоуменно пожала плечами.

– Ну какие-нибудь детали? Глаза, например?

– Да я особенно не приглядывалась, правда, мне показалось, что первый Забалуев был какой-то неестественный, слишком веселый, что ли... Как-то уж очень оживленный.

Профессор задумчиво поглядывал на Петухову.

– Все-таки мне кажется, дело тут сложнее. Я думал, этот архивариус тоже из их компании. Но, видимо, ошибся. Сдается мне, здесь имеет место направленная галлюцинация, а может, и того серьезнее, может, тут классический оборотень.

Теперь ребенок. Почему именно ребенок, мальчик? На кого он похож, что вообще вы обо всем этом знаете? Ведь это дитя вы видите не в первый раз?

– Да, – подтвердила Петухова, – первый раз он мне приснился, второй раз я видела его на шоссе за секунду до аварии, ну и в зеркале. И он мне абсолютно незнаком, хотя вроде бы кого-то напоминает.

Валентина Сергеевна напрягла память, но ничего определенного вспомнить не смогла.

– Ладно, – сказал Струмс, – с этим еще разберемся. Значит, таинственный малыш посоветовал вам ехать в Лиходеевку? Вот и я вам советую, и весьма настоятельно.

– А скажите, – Валентина Сергеевна внимательно посмотрела на Струмса, – они знают, что вы в городе?

– Без сомнения, знают они, конечно, и то, что вы в данную минуту находитесь у меня. Но, уверяю вас, это не имеет никакого значения.

– То есть? – не поняла Валентина Сергеевна.

– Видите ли, голубушка, они настолько уверены в своих силах, что не обращают внимания на противника, да, видимо, и противником-то меня не считают. Знаете, как иногда увлекающийся шахматист, занятый осуществлением хитроумной комбинации, не обращает внимания на ходы соперника. Так и здесь. Ну что я им... какой-то жалкий смертный, да и не во мне дело, а в вас. И тут в ход пущены все средства.

– Страшно-то как, – содрогнулась Петухова.

– Да, – согласился профессор, – ситуация невеселая. И все же помните, что сказал этот малютка в зеркале: «Выход всегда есть».

По дороге домой размышляла Валентина Сергеевна обо всем увиденном и услышанном и пришла к выводу, что опасности только начинаются. Особенно занимал ее таинственный ребенок. Определенно он на кого-то похож. На кого?

Совсем стемнело, когда она пришла домой. Включила всюду свет. Поужинала. Старое зеркало в прихожей неизменно притягивало к себе ее взгляд. Вся его поверхность была покрыта сетью мелких трещин. А что, если потушить свет и посмотреть, может быть, зеркало снова засветится? Несмотря на страх, она так и сделала. В темноте долго, может быть, с полчаса, смотрела она на зеркало, но оно оставалось по-прежнему темным.

Все-таки лицо ребенка не давало ей покоя. Почему-то казалось, что лицо это было из ее собственного детства. Может быть, какой-то дворовый мальчишка или сосед по дому? У нее мелькнула мысль полистать семейный альбом. Она достала его с этажерки и осторожно раскрыла массивную, обтянутую синим плюшем крышку. На пол упал ворох фотокарточек. Она подобрала их и стала медленно перебирать. Вот мама, отец, вот она уже взрослая, с подругами. Бабушка с дедушкой. А на этой карточке ей лет десять. Стоп! Ее лицо... оно так похоже на лицо того ребенка. Так вот откуда чувство, что она его знает. Но как это может быть?!

И тут она вспомнила и похолодела. Давным-давно, в пору ранней молодости, был у нашей библиотекарши бурный, но скоротечный роман с одним молодым человеком. Тот выдавал себя

за летчика, но на поверку оказался бухгалтером, чем сильно снизил свою ценность в глазах Валентины Сергеевны. Она не собиралась связывать жизнь с каким-то счетоводом, да и он не горел желанием. Они мирно расстались.

Однако роман имел неприятные последствия. Как ни скрывала Валентина, как ни затягивалась в корсет, мать скоро обо всем догадалась. Выход был найден очень быстро. Ее отправили к дальней родственнице, жившей в Конотопе. Там она благополучно родила мальчика. Ребенок был тут же отдан кормилице. Библиотекарша его почти не видела, да, откровенно говоря, и не стремилась увидеть. Кормилице регулярно высылались деньги, а та в коротких письмах сообщала, что мальчик (его звали Павлом) жив и здоров. По правде, мысль о том, что у нее есть сын, пусть в далеком Конотопе, сильно тяготила Валентину. Ей было не жалко денег, посылаемых на воспитание мальчика. Ее мучила совесть, а кроме того, страх, что узнает муж, а она к тому времени уже вышла замуж.

Так что краткое сообщение, что Павел умер от дифтерита, заставило проронить две слезинки и вздохнуть с облегчением. И вот теперь... Неужели это лицо ее сына? Она в этом нисколько не сомневалась. Вот откуда все ее муки. Вот, оказывается, что за кара! Она машинально продолжала рассматривать свою детскую фотографию. А ведь фотографии сына у нее не осталось. Прислала как-то кормилица плохонькую любительскую карточку, но Валентина в страхе порвала ее на мелкие кусочки.

Она вспомнила свой сон: как мальчик взял ее за руку и повел за собой. Комок застрял в горле, сердце бухало в груди. Молча кусала Валентина Сергеевна губы, не в силах справиться с душившими ее слезами. Совершенно забытый сын вдруг появился и произвел в душе такое смутение, какого не могли вызвать все предыдущие ужасы. «Это кара, кара божья», – явственно всплыла четкая мысль.

Она рыдала долго и безутешно. Лицо ребенка стояло перед глазами и не давало успокоиться.

Преодолевая слезы, трясущимися руками она достала из самого дальнего угла шкафа маленькую шкатулочку красного дерева. Там на самом дне, среди пожелтевших документов, каких-то старомодных украшений, лежал маленький крестик на золотой цепочке, крестик ее матери. Она достала его, повертела в руках и вдруг решительно надела его на шею, зашептала слова полузабытой молитвы. Глупо, конечно. Какой-то крестик... Ерунда и суеверие. Но отчего-то стало внутри теплее. Будто хрустнула и рассыпалась льдинка, холодной коркой лежавшая на душе. Да и внешность нашей героини изменилась. Раньше это была энергичная дама, что называется, бальзаковского возраста, с холодными серыми глазами и волевым довольно красивым лицом. Интересная женщина, но уж больно суровая.

А тут произошла странная метаморфоза. Глаза ее вдруг потеряли холодный блеск, лицо стало простым и мягким. Словом, перед нами был другой человек. Вот какие странности иногда происходят. Виновата ли в этом нечистая сила? Трудно сказать...

Всю ночь проплакала Петухова. Вымочила подушку слезами, она колотила по ней руками, впивалась в нее зубами от великой тоски. Зачем она жила? Что сделала хорошего? Собственная жизнь, всегда казавшаяся ей безупречно правильной, вдруг предстала смешной и нелепой. И только непривычная тяжесть цепочки на шее успокаивала, внушала надежду. А утром произошли события, которые вытеснили тоску.

Началось все с того, что, когда она умывалась, вдруг испортился кран. Он не хотел закрываться. Из него лилась сначала тоненькая струйка воды, но, по мере того как Петухова яростно крутила вентиль, струйка превратилась в мощную струю кипятка, гулко бившую в дно ванны. Помещение наполнилось клубами пара. Поскольку справиться с разбушевавшейся стихией самостоятельно не удалось, Валентина Сергеевна бросилась за слесарем. Интересно, что в эту минуту она совершенно забыла все свои переживания и приключения. Через некоторое время пришел слесарь. Это был довольно мрачный и угрюмый мужчина неопределенных лет. Как и

у большинства сантехников, его лицо было исполнено сурового достоинства. Ванная комната между тем превратилась в подобие парной. Струя кипятка продолжала бить с неслыханной силой.

Суровый слесарь, не говоря ни слова, прошел в ванную. Чувствовалось, что он готов на подвиг. Мужественная женщина, перенесшая столкновения с силами ада, на этот раз потеряла лицо. Она заискивала и суежилась перед спасителем, на что он грубо произнес:

– Посторонитесь, мамаша!

Наконец авария была ликвидирована. Петухова выдала герою десять рублей. Он задумчиво посмотрел на червонец, повертел его, спрятал и угрюмо спросил:

– А нет ли у вас?..

Петухова опрометью кинулась на кухню и принесла в стакане сто пятьдесят граммов водки и хлеба с колбасой. Глаза слесаря блеснули, почему-то начали вылезать из орбит. Он радостно улыбнулся и одним духом опорожнил стакан.

После этого он снова убежал в ванную и энергично загремел там железками.

Через полчаса вышел и удовлетворенно заключил:

– Все!

Лицо его лучезарно светилось, видно было, что мастера переполняет гордость за проделанную работу. На радостях Петухова еще раз сбегала на кухню.

– Ну, хозяйка! – восторженно и нечленораздельно произнес умелец. – В любой час дня и ночи, только позови. – С этими словами он вышел.

Петухова отправилась устранять последствия катастрофы.

В ванной комнате были лужи воды, кроме того, сапожищи сантехника тоже оставили заметные следы. Вымыв пол, Валентина Сергеевна решила выкупаться и сама, а заодно проверить работу починенного крана.

Пока наливалась вода, библиотечарша размышляла о действии алкоголя на психику человека. Пьяных она не любила, сама пила чрезвычайно редко, по праздникам, да и то сладенькое винцо.

Но только что на ее глазах случилось чудо. Мрачный и угрюмый человек вдруг стал веселым и жизнерадостным. Жизнь переполняла его через край. И сделал это всего-навсего стакан водки. А почему бы не попробовать и ей? Тем более что водку она не пила ни разу в жизни.

Закрыв воду, она разделась и в нерешительности топталась на месте, не зная, на что решиться. А, была не была! Прошла на кухню почему-то на цыпочках, достала из буфета бутылку, налила себе столько же, сколько наливала первый раз слесарю. Приготовила хлеб с колбасой. Стакан поблескивал на столе и сулил неожиданности. Не раздумывая больше, мужественная дама одним махом выпила водку.

В первую секунду она чуть не задохнулась, ее корежило и чуть не вырвало. Содрогаюсь от отвращения, она набила рот хлебом с колбасой. Внутри словно кто-то зажег небольшой костер, по телу покатились приятные волны истомы. Стало легко и хорошо. Взгляд ее упал на старое зеркало в прихожей. Она подошла поближе. Странно, но зеркало было совершенно целое. Ни одна трещина не пересекала его блестящую поверхность. Более того, оно выглядело как новое, а ведь совсем недавно было мутным и тусклым. Но Петухова нисколько этому не удивилась. Она стояла и внимательно разглядывала свое тело, впервые за много-много лет.

«Ну что ж, – удовлетворенно констатировала Валентина Сергеевна, – еще вполне... Конечно, не девочка. – Ах, как давно у нее не было мужчины. Она вспомнила Митю, екнуло сердце. – А почему бы и нет». Она разглядывала свое отражение, поворачивалась и так и эдак. И отражение в зеркале поворачивалось вслед за ней: то мелькнут налитые груди, то крепкий зад. Но была одна странность, на которую одурманенная винными парами библиотечарша не обратила внимания. Все ее прелести отражались в зеркале четко и зримо, а вот крестик, который висел у нее на груди, не отражался совсем, будто и не было этого крестика. Вдоволь налю-

бывавшись собой, Петухова отправилась в ванную. Вот уж блаженство! Горячая вода, размлевшее тело, сладостные видения витали перед затуманенным взором.

Вода стала остывать, и она решила добавить горячей. Открыла кран. В кране забулькало, и оттуда медленно выполз огромный, вроде мыльного, пузырь, но только во много раз больше, примерно как воздушный шар. Переливаясь всеми цветами радуги, прозрачный пузырь колыхался в воздухе над ванной.

Недоуменно смотрела Петухова на это чудо, а с пузырем между тем происходили изменения. Его внутренность наполнилась какими-то мерцающими разноцветными огоньками. Это было очень красиво, но страх понемногу начал заползать в душу, вытесняя опьянение. Огоньки начали сгущаться и образовали подобие лица. Черты его становились все отчетливей. Это было лицо какого-то глубокого старика, совершенно незнакомого Валентине Сергеевне. Старец, казалось, внимательно смотрел на библиотечаршу.

Ни жива ни мертва сидела та в ванне, остатки хмеля слетели с нее. Она с ужасом смотрела на переливающееся разно-цветными огоньками лицо. Однако оно начало мутнеть, линии становились расплывчатыми и скоро сменились хаосом разноцветных искорок. Потом внутри пузыря начала складываться другая картина. Валентина Сергеевна сразу же узнала старое кладбище, нагромождение старинных надгробий. Кладбище было пустынным, только на одном памятнике сидела большая птица. Внезапно Петухова ощутила в ванной комнате ток холодного воздуха. Образовался как бы сквозняк. Пузырь вытянулся и стал напоминать колбасу. Он медленно подлетел к крану и с чмоканьем втянулся в него. Через мгновение из крана полилась вода. Библиотечарша все так же оцепенело уставилась на кран. Вода, бегущая из него, внезапно стала розовой, а затем начала темнеть, пока не приобрела густо-красный цвет. Валентина Сергеевна вылетела из ванны. Теперь она стояла и смотрела на необыкновенное зрелище. Она забыла про полотенце и халат. Было жутко, но интересно. Густая темно-красная жидкость наполняла ванну. Тяжелый запах шел от нее. Петухова набралась мужества и коснулась пальцем жидкости. Та была теплой, густой и липкой. Она понюхала. Сомнений не было – это кровь. Жидкость забурилась, и из нее показалась черная костлявая рука с цепкими длинными пальцами.

Это было выше ее сил. Она стремительно выскочила из ванной, кое-как оделась и бросилась вон из квартиры. Она бежала по оживленным улицам, и прохожие с недоумением глядели на небрежно одетую женщину с мокрыми волосами и диким лицом, некоторые узнавали ее, и их недоумение становилось еще больше: Валентина Сергеевна была известна своей аккуратностью. Но та, ничего не замечая, мчалась к ведомой ей одной цели.

Она спешила к Струмсу.

«Только бы застать, только бы застать!» – одна мысль стучала в голове.

К счастью, Струмс был дома. Тут же находился какой-то молодой человек.

– О! – весело воскликнул профессор. – Вот и наша героиня! Да на вас лица нет! Что случилось?

Валентина Сергеевна не могла ничего ответить, только бессмысленно разевала рот.

– Коля, налей ей коньяку, – распорядился профессор, – да в стакан лей!

Стуча зубами о край стакана, сделала библиотечарша глоток и только тогда перевела дух.

– Ну-ну, выкладывайте. – Струмс казался необычайно заинтересованным.

И она, дрожа и поминутно озираясь, принялась рассказывать. Рассказ был несколько сумбурным, но настолько впечатляющим, что ни профессор, ни Коля не проронили ни слова.

– Да, – сказал Струмс после того, как она умолкла, – повествование производит впечатление. Не правда ли, Коля? Да, кстати, познакомьтесь, это тот самый Николай Егорович Белов, о нем вы, по-моему, уже слыхали.

Петухова вяло кивнула головой.

– А! Каково! Пузырь этот... что-то новенькое?

– Нечто подобное упоминается у Юлиуса Аквиларского в его трактате «Демоны ночи», – мрачно заметил Коля.

– У Юлиуса? Не припоминаю. Хотя не сомневаюсь в твоей эрудиции. Ничто не ново под луной. Однако Аквиларский жил в четырнадцатом веке, а теперь двадцатый. Но мне нравится размах! Как все подается!

А что, Юлиус Аквиларский тоже имел ванную комнату, а, Коля? – Профессор хохотнул. – Ну ладно, ладно, не обижайся.

А что, не съездить ли нам на место действия? Так сказать, убедиться своими глазами. Мне лично очень хочется. – Он посмотрел на Петухову. – Поехали, Валентина Сергеевна. С нами не пропадете.

Она все так же молча кивнула головой. Перед входом в гостиницу стояла роскошная легковая машина. Валентина Сергеевна припомнила, что она называлась «Волга». Такие машины только-только начали выпускать, и в городе их было всего несколько штук.

– Прошу вас. – Струмс галантно распахнул дверцу. Коля сел за руль.

Вот и ее дом. Выйдя из автомобиля, Петухова нерешительно топталась на месте. Возвращаться в свою квартиру ей очень не хотелось.

– Ну же, смелее. – Профессор взял ее под руку. У Коли в руках появился объемистый кожаный портфель, и они двинулись вверх по лестнице.

Войдя в квартиру, Струмс с интересом огляделся.

– О, да у вас роскошно. – Он плюхнулся на кожаный диван. – Точно такой же был у моей мамы. Чудесная вещь, нет ей сносу. – Потом вскочил, прошелся по комнате, заглянул зачем-то на кухню. Увидев на столе стакан, взял его в руки, понюхал. – Водкой пахнет, – заключил он. – Из него вы слесаря угощали?

– Нет, это я пила, – смущенно призналась библиотекаряша.

– Вы пьете? Помилуйте, разве сейчас время... Хотя я вас понимаю. А еще водка у вас есть? Ну ничего. Мы с собой коньячок захватили.

– Послушайте! – В голосе Петуховой слышались ледяные нотки. – Вы сюда пить пришли?

– Ну не то чтобы пить, а так, на всякий случай, для нервных дамочек взяли. Очень помогает: да вы ведь сами знаете? Ну ладно. Довольно шуток. Так где у вас тут ванна? Воды-то сколько! А нельзя ли навести минимальный порядок? Хотя бы вытереть лужи?

Валентина Сергеевна молча исполнила требуемое. Насмешливый и даже нахальный тон профессора начинал раздражать ее. Страх не осталось, было чувство неловкости, как будто она голая, а эти два мужчины рассматривают ее.

Наконец в ванной был наведен порядок.

– Ну что, Николай Егорович, будем начинать! – Струмс задумчиво смотрел на зеркало в прихожей. – Именно это зеркало и являло вам разные чудеса? – спросил он Петухову.

Тем временем Коля начертил мелом на кафельном полу ванной какую-то сложную звезду. Потом он расписал ее непонятными знаками и символами. Петухова с интересом следила за его манипуляциями.

– Что это он делает? – шепотом спросила она Струмса.

– Да ничего особенного. Чертит магическую пентаграмму. Духов будет вызывать.

– Вы серьезно?

– Вполне. Да вы не беспокойтесь, ничего страшного не произойдет. А если боитесь, то можете уйти куда-нибудь переночевать. Например, в мой номер. Коля отвезет.

– А можно мне остаться?

– А почему бы и нет, ведь вы, так сказать, главное действующее лицо. Присутствие ваше весьма желательно. – Тон его изменился, стал серьезным и сдержанным.

Между тем на улице стало совсем темно. Короткие сумерки перешли в темную августовскую ночь.

Валентина Сергеевна протянула руку к выключателю.

– Не надо! – властно скомандовал Струмс. – Сейчас мы зажжем свои осветительные приборы. – Он достал из портфеля какой-то предмет, чиркнул спичкой.

Валентина Сергеевна увидела у него в руках толстую свечу из зеленого воска. Он передал свечу Коле и достал из портфеля еще две. Зажег их и пристроил одну на краю ванны, две остальные на туалетных полочках. Пламя свечей, колеблясь, бросало причудливые тени на стены. Валентине Сергеевне снова стало жутко.

Струмс взял ее за руку:

– Не бойтесь.

Ощувив его твердую, теплую ладонь, Валентина Сергеевна немного успокоилась. Коля стоял неподвижно и отрешенно, полностью уйдя в себя.

– Ну что, Викентий Аркадьевич, попробуем?

– А не рановато? Еще одиннадцати нет.

– Попытка не пытка. Да и что мешает нам повторить?

– Ну ладно, начинай.

Коля встал лицом к звезде, начерченной на полу. Потом он произнес какое-то слово. Контур звезды слабо засветился бледно-розовым светом. Он еще раз повторил то же слово. Свечение осталось прежним.

– Рано еще, – заключил Коля разочарованно.

– Не торопись, подожди полчаса, – ободряюще произнес профессор. – А я пока займусь зеркалом.

Он взял одну из свечей и поставил ее перед зеркалом. Язычок пламени отразился в нем, но как-то странно. Вместо одного огонька в зеркале было семь. Профессор провел рукой по фигурной деревянной раме, и зеркало заколыхалось, как будто это было не стекло, а вода. Серебристая мгла стала прозрачной, и Валентине Сергеевне показалось, что перед ней дверь в неведомый мир. Перед ней расстилось огромное совершенно пустое пространство. Зеркало ничего не отражало. Внезапно трепещущий огонек отделился от свечи и как бы проник внутрь зеркала.

Профессор крепко сжал руку Петуховой.

– Коля, иди сюда, – позвал он шепотом. Но тот давно уже стоял у них за спиной.

– Смотри, прямую дорогу проложили. – Огонек между тем блуждал среди могил. Вслед за ним устремились еще несколько огоньков, скоро их образовался целый рой.

– Кладбищенские огни – первый признак колдовства, – удовлетворенно промолвил профессор.

Валентина Сергеевна смотрела как замороженная. Будто не в собственной прихожей стояла она, а там, на кладбище. Казалось, шагни, и ты будешь среди этих могил.

А огоньки, перелетая с одного места на другое, придавали происходящему и вовсе чувство нереальности. Чем-то древним, неведомым веяло от всего этого.

– А ведь прямо из вашей квартиры можно попасть туда, – задумчиво сказал Струмс. – Шагнуть сквозь зеркало.

– Неужели? – не поверила Валентина Сергеевна.

– Абсолютно серьезно, нужно только знать условный код.

– Это волшебные слова, что ли?

– Ну можно и так сказать, и не только слова.

Струмс провел рукой по поверхности зеркала:

– Нет! Вы потрогайте!

Валентина Сергеевна осторожно дотронулась до стекла. Но под ее рукой было отнюдь не стекло. Она почувствовала что-то чрезвычайно упругое на ощупь. Вещество было скользким и прохладным. Как будто воздух сгустился до такой степени, что стал твердым.

Еще несколько минут зеркало было окном в неведомый мир, потом внезапно погасло. Петухова снова провела рукой по его поверхности и на этот раз ощутила обыкновенное стекло.

– Ну а теперь вернемся к нашей пентаграмме, – решительно проговорил профессор. – Время к двенадцати подходит, вполне можно начинать.

Коля молча кивнул.

– Дело в том, любезная Валентина Сергеевна, что если вас действительно посетили сверхъестественные силы, то должен остаться некий их отпечаток, так сказать, эманация, если это была просто-напросто галлюцинация, под влиянием винных паров, – профессор выразительно кашлянул, – то результат будет отрицательный. Хотя и на очень короткое время, но мы сможем увидеть колдуна, вернее, не его самого, а его призрак. Коля у нас специалист по вызыванию духов.

В квартире по-прежнему было темно. Зеленел свет в ванной комнате, свечи слегка оплавись, но продолжали гореть ровным неярким светом. Коля прошел внутрь, а профессор с библиотекаршей остались стоять на пороге.

Он вновь встал возле нарисованной на полу звезды и, что-то вполголоса приговаривая, стал медленно и плавно водить над ней ладонями. Звезда слабо засветилась, потом неожиданно ярко вспыхнула. Цвет ее, еще несколько секунд назад бывший бледно-розовым, стал огненным и напоминал цвет раскаленного железа. Потом звезда оторвалась от пола и повисла над ним на расстоянии полуметра. Внутри ее вспыхнул столб ярко-голубого света.

Валентина Сергеевна невольно схватила профессора за руку.

– Не волнуйтесь, – шепотом произнес он. – Прошу вас сохранять спокойствие и молчать, что бы вы ни увидели.

Коля громко и отдельно произнес какие-то непонятные слова. Столб голубого света начал желтеть, затем розоветь, внутри соткалась какая-то полупрозрачная фигура. Присмотревшись повнимательней, Валентина Сергеевна различила старика, невысокого, седобородого, с хищным птичьим лицом и пронзительными глазами. Лицо старика время от времени перекашивала судорога, как будто все происходящее причиняло ему боль.

Профессор выступил вперед.

– Кто ты? – властно произнес он.

– Хозяин кладбища, – был ответ.

– Зачем ты приходил сюда?

Последовало молчание.

– Заклинаю тебя демоном демонов Астаротом, отвечай, зачем ты приходил сюда?

– За ней, – монотонно промолвил старец.

– Зачем тебе она?

– Она должна стать одной из нас. И она станет, – торжествующе заключил старик.

– Сколько вас? – продолжал допрос профессор.

– Нас легион, – последовал равнодушный ответ, но в голосе старика слышалось ехидство. – И не тебе, смертный, хоть ты и сведущ в колдовских делах, остановить нас.

В это время столб света из розоватого стал малиново-красным, затем фиолетовым, фигура старика потускнела и медленно исчезла. Свет погас, и только магическая звезда продолжала слабо светиться. Наконец с легким треском погасла и она.

Все безмолвствовали.

Первым нарушил молчание профессор:

– Ну вот мы и увидели организатора всех этих событий. Хозяина кладбища.

– Интересный старичок, – заметил Коля. – Весьма.

– Да уж, – подтвердил профессор, – не думал я, что остались подобные реликты. Судя по всему, серьезная личность. Ну, Валентина Сергеевна, можете включать свет.

Петухова щелкнула выключателем, но свет не зажегся.

– Что такое? – воскликнул профессор.

– Я думаю, – спокойно промолвил Коля, – сейчас начнется контратака.

– Возьмите каждый по свечке и идите в комнату, – скомандовал профессор. – Надеюсь, Валентина Сергеевна не потеряет присутствия духа.

Петухова, все это время молчавшая, сказала, что постарается.

Трудно даже описать, что творилось в ее душе. И страшно, и интересно, но примешивалась к этим чувствам еще и печаль, непонятно откуда взявшаяся. Была в словах таинственного хозяина кладбища непоколебимая уверенность, от которой стало ясно нашей библиотекарше, что все, что с ней происходит, – не сон, не бред воспаленного сознания, а самая настоящая реальность. И теперь несколько не сомневалась она, что осталось ей жить считанные дни. Как ни странно, осознала она это совершенно спокойно и вела себя соответственно: машинально взяла в руки зажженную зеленую свечу, почувствовав легкий ожог от нескольких капель расплавленного воска, упавших на пальцы. Села на диван и спокойно стала ждать дальнейших событий.

– Что с вами? – участливо спросил Струмс, почувствовав ее настроение. – Вам страшно?

– Да нет, – равнодушно ответила Петухова, – мне все равно.

– Э-ге, голубушка, так не пойдет, может, выпьете коньячку?

– Не стоит, чего добро-то переводить, выпейте лучше сами.

– Непременно.

В темноте звякнула бутылка о край стакана, запахло коньяком.

В этот момент прихожая осветилась. Валентина Сергеевна поняла, что свет идет из проклятого зеркала.

Потом раздались чьи-то легкие шаги.

– Внимание, Коля! – прошептал профессор, бутылка так и осталась в его руке.

Петухова довольно равнодушно ждала, что же будет дальше.

Шаги приближались, и при свете свечей можно было различить маленькую фигурку, вошедшую в комнату.

– Мама, – раздался слабый детский голос.

Словно кувалдой ударило Валентину Сергеевну. Это было страшнее всего. Страшнее призраков, мертвецов, страшнее смерти, наконец. Ни слова не говоря, вскочила она с дивана и бросилась навстречу детской фигурке.

– Сидите! – властно приказал профессор и крепко схватил ее за руку. То же самое с другой рукой сделал Коля.

Валентина Сергеевна попыталась вырваться. При этом ее свечка упала и погасла бы, если бы Коля не сумел подхватить ее на лету.

– Держите свою свечу, – зашипел Струмс. – Пока она у вас в руках, вас не видно и не слышно.

Петухова машинально взяла свечу.

– Это мой сын, – сказала она потерянным голосом.

– Какая глупость! – шепотом ответил профессор. – Это оборотень, перевертыш.

– Но я... – моляще произнесла библиотекарша.

– Молчите, иначе доставите нам всем большие неприятности.

– Мама, – повторил ребенок, – где же ты?

Профессор крепко сжал ее руку.

– Ну вот, – продолжал ребенок, – ты меня всегда бросаешь, я так тебя ждал. Пойдем со мной, мама.

Он начал на ощупь бродить по комнате, вытянув вперед руки и то и дело натываясь на мебель, странно, но к дивану он ни разу не подошел.

– Нигде нет, – вдруг сказал он женским голосом...

– Ищи, дура! – ответило зеркало стариковским дискантом.

– Я не дура, – сказал ребенок обидчиво, – я столбовая дворянка.

– Дубина ты стоеросовая, а не столбовая дворянка, – сказала зеркало, – ничего нельзя поручить. Совсем мозги протухли. Ищи, тут они.

Странный диалог вывел Валентину Сергеевну из состояния, близкого к истерии.

– Мама, мама! – закричал ребенок снова детским голосом. Но на этот раз в нем чувствовалась неуверенность.

– Ладно, иди назад, – раздался голос, – скоро петухи запоют.

Тень поспешно выскочила из комнаты.

– Все равно я до вас доберусь, – раздался стариковский голос, а вслед за ним хохот. Зеркало погасло.

– На сегодня все, – заключил профессор. – Представление окончено. А что это за сын такой? – с любопытством спросил он.

– Был у меня когда-то ребенок, да умер... – неохотно ответила Петухова.

– Вон оно что, – протянул Струмс. – Так это его лицо вы видели тогда на дороге, да и сегодня, нет, уже вчера? – поправился он. – Однако эти специалисты дело знают, на чувствах играют. Ну теперь мы хотя бы знаем, с кем имеем дело.

– Кто же такой хозяин кладбища? – поинтересовалась Петухова.

– Включите, пожалуйста, свет, – попросил Струмс.

Вспыхнуло электрическое освещение. В его свете все случившееся казалось просто сном, и только свечки в руках присутствующих подчеркивали, что произошедшее – реальность.

– Ну что, Валентина Сергеевна, мы вас оставляем. Днем обязательно увидимся. – Струмс вопросительно посмотрел на библиотекаршу. Та неопределенно кивнула головой. – Что-то вы мне не нравитесь, – констатировал профессор. – А знаете что, поедem к нам, устроим вас, чего вам в этой квартире оставаться после всего...

Валентине Сергеевне было все равно.

– С вами так с вами, – она кивнула, – поехали.

Была теплая августовская ночь. Ни ветерка, ни шороха, пахло какими-то терпкими цветами, видимо, душистым табаком. Они сели в машину, зашумел мотор, и машина медленно двинулась по пустынным улицам.

– И все же, – встрепелась Валентина Сергеевна, – вы не ответили на мой вопрос, профессор. Кто же такой хозяин кладбища?

– О, это долгая история, – протянул Струмс.

– А почему бы вам ее не рассказать, спать, откровенно говоря, не хочется. Коли вы втянули меня в эту историю, так уж просветите до конца.

– Я втянул... – засмеялся Струмс. – Скорее вы нас втянули. Ну, ну, – он кашлянул, – не обижайтесь. Рассказать, конечно, можно, даже нужно. Как, Коля? Ты, наверное, спать хочешь.

– Да какой уж тут сон! – Коля, сидевший за рулем, рассеянно поглядел на пустую дорогу.

– Ну ладно, – согласился профессор, – сейчас приедем, чаю попьем, а потом, может быть, и расскажу.

Скоро в номере профессора закипел чайник.

– История эта уходит в глубину веков, – начал профессор, – а где берет начало, не знает никто. Я не знаю, слышали ли вы когда-нибудь о так называемых рыцарях Храма, иначе говоря, тамплиерах.

Петухова утвердительно кивнула головой, что-то такое читала.

– Все-таки я поясню. Тамплиеры – рыцарский орден, возникший во время крестовых походов. Целью его была охрана паломников, следовавших в Иерусалим. Этим они занимались на протяжении десятилетий. Суровая монашеская жизнь, обет безбрачия, постоянные опасности сплотили рыцарей Храма, делали их неуязвимой твердыней. Но с течением времени эту неприступную крепость взяла могущественная сила – деньги. Орден тамплиеров, некогда славившийся своей рыцарственностью и неподкупностью, превратился в шайку стяжателей, ростовщиков и разбойников. Пользуясь своей военной мощью, рыцари Храма беззастенчиво грабили кого только возможно, в первую очередь тех же паломников, шедших к Гробу Господню. В должниках у них ходили владетельные особы, князья, церковь, да мало ли кто еще. Владения тамплиеров были раскиданы по всей Европе от Польши до Испании. Пьянство, распутство, стяжательство рыцарей Храма стало притчей по языцех. «Пьет, как тамплиер» – эта поговорка живет во Франции и поныне. Однако как раз не это стало причиной их гибели. Что касается нарушения христианских заповедей, то здесь отступников хватало.

Главная причина крушения ордена была в колоссальной власти, которую забрали тамплиеры. Их кредиторами стали влиятельнейшие особы, в первую очередь французский король Филипп Четвертый.

Некогда гордые и неприступные рыцари-аскеты превратились в обыкновенных ростовщиков. В своих владениях они были полностью независимы от государственной власти, творили суд и расправу по своему разумению. Репрессии против них готовились долго и тайно, расправа грянула неожиданно. Формально инициатором гонений против тамплиеров был папа римский Климент IV, фактически за его спиной стоял французский король Филипп IV Красивый, решивший одним ударом избавиться и от кредиторов, и от политических противников. Следствие вела инквизиция, а она не знала жалости. Обвинение было испытанным и характерным для четырнадцатого века – века смут и религиозного фанатизма. Рыцарей Храма обвинили в колдовстве.

Несомненно, что основания для этого были. Было доподлинно известно, что тамплиеры исповедовали какую-то таинственную религию. Нечто вроде культа сатанизма. Они приносили жертвы дьяволу, богохульствовали, во время своих сатанинских молений плевали на распятия и поклонялись странному идолу под названием Бафомет. Все это было хорошо известно и раньше, но на это закрывали глаза. Теперь же французскому королю понадобились несметные богатства ордена, а папе нужно было уничтожить еретиков.

По всей Европе запылали костры. На них жгли проклятых тамплиеров. Но главный костер был заложен в Париже. На нем сгорел Великий магистр ордена де Боже. Перед смертью он проклял французских королей династии Валуа. Считается, что его проклятие сбылось.

Однако не это главное в моем рассказе. Факты, которые я изложил, общеизвестны. Интересно другое. Несмотря на то что существовал приказ из Рима как можно быстрее расправиться с тамплиерами, инквизиция провела тщательное следствие. В большинстве случаев не удалось получить конкретные показания, уличающие рыцарей Храма в связях с нечистой силой. Да, пьянствовали! Да, развратничали! Но сатанинских оргий не справляли, а предмет поклонения был один – господь наш Иисус Христос. Тщательные допросы, как правило, с применением пыток, а пытки тогда были значительно изощренней, чем сейчас, не раскрыли тайны. Рыцари либо ничего не знали, либо молчали. И все же не все сумели выдержать пытки. Несколько человек дали показания, которые были настолько неслыханны, что не только не были обнародованы, напротив, хранились в глубочайшей тайне. Из этих показаний следовало, что внутри большого ордена существовал как бы некий тайный орден, в который входили только посвященные. Испанский тамплиер маркиз де Мендоза под пытками признался, что участвовал в тайных церемониях, на которых вызывали души умерших, а также совершали человеческие жертвоприношения. Он рассказал, что в одной из пещер близ Саламанки периодически устраивали обряд, называвшийся «черная месса». Для его осуществления из окрест-

ных селений обычно похищался ребенок, чаще всего невинная девочка. Ее приносили в жертву Сатане, а потом совершали кощунственные обряды: топтали святое распятие, плевали в дароносицу, ну и прочие богохульства. Кровью невинного ребенка мазали себя. А из человеческого сала крутили свечи, способные якобы делать человека невидимым. Маркиз был сожжен в Толезо, а показания его похоронены в архивах Эскориала.

Еще более загадочную информацию поведал инквизиции французский дворянин де Торней. Надо сказать, что шевалье де Торней считался среди жителей Пуату исчадием ада ничуть не меньше, чем его земляк Жиль де Рец «Синяя борода». Долго перечислять, в чем обвинялся шевалье-храмовник. Достаточно сказать, что при обыске в его замке были найдены бочки, полные детских костей.

В самом же замке было обнаружено нечто вроде капища дьявола. Сатанинская часовня была украшена различными магическими символами, посреди нее висело распятие вверх ногами.

Следы разгульных пиршеств об этом свидетельствовали – что собиралось там много народа и достаточно часто. Однако взятый в застенки Тампля шевалье де Торней не вынес пыток. Испанские сапоги, дыбы, поножи святого Антония у многих развязывали языки. Не стал исключением и шевалье. По тем временам он был довольно преклонного возраста, ему было далеко за пятьдесят. Видимо, адская боль и жалость к себе заставили нарушить его страшную клятву. Под пытками, кроме всего прочего, он рассказал о тайном обряде, происходившем изредка в полнолуние на некоторых кладбищах. По его словам, имелись некие существа, именовавшиеся «метр де симтьер», что в переводе с французского значит «хозяин кладбища». Таких существ во Франции было лишь несколько, число их ни в коем случае не должно превышать тринадцати. Обычно они существовали невероятно долго, а если и умирали, то их место занимали давно известные кандидаты. Но ни один из «метр де симтьер» не мог умереть, не передав своих знаний преемнику.

Главным предназначением хозяев кладбища были колдовские обряды, «оживлявшие» погребенных. Не каждого погребенного можно было поднять и заставить служить себе. Так, невинные души не подчинялись колдунам, да и обычные смутьяны не всегда поддавались их чарам. Лучше всего волшебство действовало на самоубийц, грешников, гулящих девиц. На вопрос, для чего это было нужно, де Торней ответил, что умершие могли служить колдунам, выполнять их поручения. Работали на них. В этом случае колдуну приходилось кормить оживших мертвецов. Единственное, чего не мог переносить кадавр, это соль. Стоит дать ему хотя бы крупинку соли, сразу к несчастному возвращается сознание и он в страшных мучениях рассыпается, теперь уже навсегда.

В особых случаях мертвецам придавался облик реальных людей, которых могли отличить от настоящих только знающие люди. Владели подобными секретами наиболее изощренные специалисты. Так сказать, маги высшей квалификации.

Однажды к одному французскому принцу был подослан подобный оборотень. Изображал он красавца-юнца, отличного наездника и охотника. Молодой человек был якобы знатного рода, и принц в нем души не чаял. При дворе находился опытный астролог, который сразу же распознал в юноше оборотня. Естественно, ему никто не поверил. Тщетно пытался он доказывать свою правоту, его подымали на смех. Более того, на несчастного астролога обрушился гнев самого короля.

Однако помог случай. Как-то фаворит присутствовал на церемонии в королевской опочивальне. И обратили внимание, что он старательно избегает приближаться к зеркалам. А так как зеркал в королевской спальне было много, а уйти без разрешения он не мог, фаворит скромно стоял в самом темном уголке. Однако ему все же пришлось выйти, и каково же было удивление одного из придворных, специально наблюдавшего за ним, когда он не увидел в зеркале отражения фаворита. Об этом было доложено королю. Он сначала не поверил, потом вызвал аст-

ролога. Ситуация была щекотливая. Известно, что оборотень не испытывает боли. Решились подвергнуть его пыткам. В результате фаворит был сожжен на костре. Но вернемся к хозяину кладбища и тамплиерам. Допросы некоторых рыцарей Храма показали, что хозяин кладбища пользовался колоссальной властью. Он мог игнорировать указы Великого магистра ордена. Раз в несколько лет совершались сборища этих страшных фигур со всей Европы. Обычно тайные встречи происходили во Франции, но не всегда. Случались они в Испании, Италии, Германии.

– Но Россия! – воскликнула Петухова. – Здесь никогда не было никаких тамплиеров!

– Вы правы. Однако дайте мне закончить рассказ.

– После следствия и суда над тамплиерами об этой странной группе забыли. Во всяком случае, официально. Однако колдовские обряды продолжали существовать в народе, да и в высшем свете тоже.

Время от времени обнародовались дела, казнили еретики, все шло своим чередом. Следующее событие, в какой-то мере проливающее свет на проблему, случилось в Трансильвании в XV веке. Местному правителю Владу Цепешу было доложено, что в одной из деревень Трансильвании практически все жители – оборотни. По ночам они нападают на путешественников, пьют их кровь, прокусывают яремную вену. Человек, ставший жертвой вампира, или, по-местному, «вурдалака», сам становится вампиром. Влад Цепеш по прозвищу Дракула, то есть Змей, был человек решительный и жестокий. Чтобы удостовериться в правдивом рассказе, он приказал оцепить деревню, арестовать всех ее жителей и раскопать местное кладбище. Что и было исполнено. В большинстве могил были обнаружены мертвые без признаков разложения. Они имели нормальный цвет лица и выглядели спящими. Недолго думая, в каждого из таких мертвецов был забит осиновый кол, а живые жители деревни были посажены на кол. Не знаю, что лучше...

Однако перед этой невеселой процедурой последовали такие пытки, что даже столь поучительная казнь стала избавлением. Что удалось выяснить? Во главе этой, если можно так сказать, организации стоял местный кузнец, который и был хозяином кладбища. Он не был пойман.

Интересно, что народная молва, а за ней и литература сделали самого Влада Цепеша вампиром. Имя «Дракула» стало нарицательным.

А в России они появились...

Струмс внезапно прервал рассказ и надолго задумался.

– Дальше, дальше, – потребовала Петухова.

– К чему эта лекция, – отвечал профессор, – допустим, я расскажу вам, когда они появились на Руси, какую роль играли эти существа в царствовании Ивана Грозного? Ну и что? Не в этом дело. Главное, что они живут и по сей день и обладают силой ничуть не меньшей, чем в Средние века.

Вот вам пример. До войны в Киеве в одной из городских школ стали исчезать дети. Сначала один ребенок, по-моему, девочка, лет десяти, потом и другие ребята. Всего же исчезло семь человек. Ну, естественно, милиция, следствие... Никаких следов. Словно сквозь землю провалились. Может быть, это так бы и замаяли, но отец одного из пропавших детей был крупный чин в НКВД. Стали досконально проверять каждого из проходивших по делу. Привлек к себе внимание директор школы. Вроде бы безупречная личность, педагог, каких мало. Со всех сторон характеризовался положительно. Однако была одна странность. Этот человек довольно часто посещал небольшое, почти заброшенное кладбище, где якобы была похоронена его мать. Оно находилось при одной из многочисленных киевских церквей, давно не действующей.

На первый взгляд – ничего особенного, любящий, безутешный сын, скорбящий по матери...

Однако эти посещения происходили почти всегда по вечерам, обычно в сумерки. За директором была установлена слежка. Результаты ее были настолько неожиданны, что даже выдавшие виды опытные криминалисты были потрясены.

Как оказалось, на кладбище происходили своего рода шабашы ведьм. Киев и его окрестности вообще славны своими колдовскими традициями. Выражение «киевские ведьмы» даже вошло в поговорку. Словом, на этом заброшенном погосте собиралась нечистая сила, а педагог был у них кем-то вроде верховного жреца.

– Чем же они там занимались? – спросила Петухова.

– Ну... – профессор усмехнулся, – между прочим, мистерии очень напоминают виденные вами в Лиходеевке. Я читал описание этих игрищ. Их было пятеро: сам директор и четыре женщины. Все, что там проделывали, можно было бы назвать сексуальной оргией, однако наблюдавшие обратили внимание на некоторые особенности. Сам директор иногда поднимался в воздух и как бы зависал на несколько минут. Женщины чем-то мазали свои тела, и с ними происходило то же самое. Словом, это был классический шабаш, описанный еще Гёте. Всю компанию, естественно, арестовали. Однако куда же девались дети? Оказывается, их умерщвляли во время колдовских обрядов. Ну, чем не пресловутая «черная месса»? Об этом рассказали на допросах женщины. Кстати, они оказались самыми обычными советскими гражданками. Две женщины домохозяйки, одна – аптекарь, одна – учительница из той же школы. Был задержан и директор, он упорно молчал, но самое поразительное, через три дня он исчез. А ведь сбежать из следственного изолятора НКВД невозможно. Были найдены останки детей, закопанные на том же кладбище. Вот такая история. Не хуже чем в Средневековье.

– Ну а дальше что? – спросила Валентина Сергеевна.

– Да ничего. Обратились за консультацией к церковникам. Те только руками развели. Предложили камеры, где находились арестованные, окропить святой водой. На это, конечно, не пошли. Потом нашли одного старичка. Тот, услышав обстоятельства дела, ничуть не удивился. Таких случаев, говорит, раньше предостаточно было, да и теперь, как видите, встречаются. А директор школы – это колдун. Оборотился мышью, да и проскользнул в какую-нибудь щелку. Теперь ищи его. Этим рассказам, естественно, не поверили, но объяснить исчезновение директора так и не смогли.

Таких историй можно рассказать довольно много. Ну да ладно. Сколько дней вам осталось? – Профессор не закончил вопроса.

– ...Жить, – закончила за него Петухова, – с сегодняшнего уже пять.

– Не так уж мало, – заключил профессор.

– Конечно, некоторым можно веселиться, – уныло произнесла Петухова. – Тем более с научной точки зрения эксперимент, не требующий ни затрат, ни работы. Знай себе жди, что из этого всего выйдет.

– Ну-ну, – посерьезнел профессор, – голубушка, мы рядом с вами.

– А что толку, надо же что-то делать. Ведь не сидеть же и не ждать. Это нестерпимо.

– Вот что, – сказал профессор. – Поезжайте снова в Лиходеевку. Идите к своей бабке и попросите ее свести вас с главным, с хозяином кладбища.

– А если она не согласится?

– Согласится! Можете не сомневаться. Так вот. Когда вы встретитесь с ним, изобразите раскаяние, дайте понять, что готовы на все. Словом, войдите к ним в доверие.

– А если не поверят? Они, судя по всему, не такие уж простаки. Да и потом, что значит – готова на все?

– Ну, это уж смотрите по обстоятельствам. Однако на вашем месте я бы не хорохорился.

– И это вся ваша помощь? – вскричала Петухова. – Ничего себе, хорош совет, самой прыгнуть в огонь...

– А может быть, это лучший выход, – задумчиво произнес Струмс. – Самой прыгнуть в огонь! А мы с Николаем Егоровичем, – он посмотрел на ассистента, – будем поблизости. Вы не волнуйтесь, глаз с вас не спустим.

– Да возможно ли это? – Валентина Сергеевна настороженно посмотрела то на одного, то на другого. – Вы уж не темните. Скажите честно, что хотите увидеть, что из всего этого выйдет.

– Она нам не верит, Коля, – насмешливо сказал Струмс. – Придется продемонстрировать ей наши возможности. – Коля достал странной формы бутылку, наполненную ярко-синей жидкостью. Очень осторожно налил несколько капель на дно стакана, до половины долил его водой. Потом он громко и отчетливо произнес какое-то непонятное слово, состоявшее, казалось, из одних согласных звуков, и выпил жидкость.

Внезапно он исчез. Валентина Сергеевна была настолько поражена, что вскочила и стояла, открыв рот и вытаращив глаза. Вдруг она почувствовала прикосновение. Кто-то коснулся ее волос, затем руки. Потом лежавшая на столе газета поднялась в воздух и застыла, слегка колыхаясь. Петухова завизжала от ужаса.

– Тихо! Тихо! – успокоил ее профессор. – Не кричите так. Вы же сомневались в наших способностях. Коля!

– Да, Викентий Аркадьевич? – донесся из пустой комнаты знакомый голос.

– Ну вот, это всего-навсего Коля.

– Неужели это возможно?

– Да это простейший пример белой магии. Дело в том, что мы с Колей тоже немножко волшебники. Да и как иначе? Специфика такая. – В эту минуту Коля снова возник в материальном образе. Он стоял как ни в чем не бывало и держал в руках газету. – Словом, – попыток жил Струмс, – езжайте в Лиходеевку и ни о чем не беспокойтесь, в случае чего – мы рядом.

Превращения, произошедшие у нее на глазах, несколько успокоили Петухову, однако не до конца. Но выхода не было. Профессор, конечно, прав: ехать надо. На том и порешили. И вот она снова у знакомой деревеньки. Попутная машина уехала, а она осталась стоять на обочине дороги. Знакомый пейзаж не радовал. Всего неделю назад увидела она его впервые, но сколько с тех пор минуло событий. Как будто в ускоренном кино мелькали лица, происшествия, кошмары.

Перед ней вилась чуть приметная тропка. Пойти по ней навстречу новым приключениям или сломя голову броситься бежать в обратную сторону?

Нет! Все же вперед.

Старуха Агриппина Кузьминична встретила ее как старую знакомую. Ни о чем не спрашивая, усадила пить чай. Рассказывала о своей жизни, о сыне, который давно не приезжает из города. Разговор шел о самых обычных делах, однако и та и другая ждали: кто же начнет о том, ради чего Петухова приехала в это жуткое место?

Старуха не выдержала первой.

– Ну, что у тебя нового? – с любопытством спросила она.

Валентина Сергеевна рассказала кое-что из происшедшего с ней.

– Не оставляют, значит, тебя в покое, – попытожила старуха. – Нужна ты им, видно, для чего-то.

– А кто они? – с замиранием сердца спросила Петухова.

– Колдуны местные, – просто ответила бабка. – А самый главный из них Асмодей Чернопятков. Он-то всеми заправляет. Хозяин кладбища еще называется.

– А вы их не боитесь?

– А чего мне бояться, я, считай, одна из них. Только я на добро повернута, а они на зло. Так всегда бывало. Есть день, есть ночь. Одно с другим не мешается. Деревушка-то наша, ты знаешь, древняя. В незапамятные времена колдуны здесь угнездились.

– А нельзя ли увидеть этого Асмодеев?

– На поклон сама решила пойти? Да увидеть его можно, чего проще. Только не пожалей ли?

– Чего мне терять?

– И то правда. Ну, сегодня ты не ходи. Завтра с утра и пойдешь.

– Я только одного не пойму, – продолжала гнуть свое Валентина Сергеевна, – чем же они, колдуны эти, занимаются. Какая цель-то у них?

– Цель? – переспросила бабка. – Цель у них простая: повелевать людьми. Раньше-то так и было.

– Что же они могут?

– Да многое. Могут хворь на человека наслать, присуху на девицу или молодуху. Могут в разных зверей, птиц обращаться, да мало ли что еще. Сила у них большая. Могут даже мертвецов оживлять, да ты ведь знаешь.

– А это зачем?

– Ну, разные причины есть. Про Кокуева-майора и Дарью Сурина ты уже слыхала. Майор-то ее любил без памяти. Сама она тоже этой нечистью интересовалась, дружбу кой с кем из них водила. Да что она, почти все окрестные помещики к нечисти этой за помощью и советом обращались. Так вот, не была бы она испорчена, не стала бы живым мертвецом. Да тут еще Кокуев этот. Словом, одно к одному. Кстати, и его та же участь ожидала. Коли попадешь к ним, в их паучьи сети, ни в жизни, ни в смерти покоя не будет. Опять же клады многие пытались искать с их помощью и, случалось, находили. Только от денег этих проклятых удачи не бывало.

– А много их? – спросила Петухова.

Старуха засмеялась.

– погоди, сама узнаешь, ты, я смотрю, крестик надела. Это неплохо. Но когда пойдешь к Асмодею завтра, ты крест сними и спрячь куда-нибудь подальше. Увидит, беды не оберешься. А давай-ка я тебе погадаю. – Она достала давешние карты.

– А можно, я их повнимательней разгляжу? – попросила Петухова.

– На, смотри, – протянула старуха колоду.

Петухова рассматривала причудливые символы: солнце, луна, смерть, дьявол, башня. Как и в первый раз, ее внимание задержала карта, на которой был изображен повешенный.

– Это Лихо. – Старуха взяла карту уже из рук. – Видишь, улыбается. Если выпадет тебе, знай: в жизни твоей произойдет крутой поворот, но вот в какую сторону – это дело темное.

Старуха взяла у нее из рук карты. Смешала колоду и не торопясь достала из нее десять карт, разложила их на столе. Начинался ряд отшельником с фонарем, кончался все тем же висельником, но предпоследней картой был Дьявол.

– Сказать можно одно, – важно произнесла старуха, – большая опасность тебя поджидает, а выберешься или не выберешься из нее – зависит только от тебя.

Попутру Валентина Сергеевна без аппетита жевала бутерброд, прихлебывая чай, и думала только об одном: скорей бы уж увидеть этого Асмодея Чернопятова, а там будь что будет.

– Пойдешь по улице, – объяснила ей старуха, – через три дома увидишь покрашенный синей краской забор, там будет калитка, за этой калиткой и будет двор Чернопятова. Ты, главное, не бойся, смелее иди.

– А что он за человек? – попробовала расспросить Петухова.

– Человек! – хмыкнула бабка. – Увидишь, что за человек. Ступай!

Тропинка вела мимо ветхих домишек. Ноги сразу же вымокли в густой росе. Вот и дом с синим забором. Валентина Сергеевна нерешительно толкнула калитку и вошла на просторный двор. На дворе никого не было. Ходила, правда, по двору черная коза, но Петухова не обратила на нее внимания.

Она осторожно постучала в двери дома, потом вошла в сени.

– Проходи, проходи, – услышала она приветливый голос. Шагнула в горницу. Здесь было чисто и просторно, пол был застелен половиками. На стене мирно тикали ходики. За столом сидел худощавый старик и читал газету. Он посмотрел на Петухову поверх очков, отложил газету и добродушно усмехнулся. – Пришла, голубушка, – ласково сказал старик, – а я уж заждался.

Валентина Сергеевна во все глаза смотрела на старика. Лицо его было ей незнакомо. Однако глаза, глаза она где-то определенно видела.

– Мне бы товарища Чернопятава, – осторожно начала она.

– «Товарища»! – передразнил старичок. – Не товарищ я, не гражданин, не господин даже. А просто дедушка Асмодей. Поняла, милая?

Петухова кивнула головой.

– Так зачем же пожаловала?

– Я, – начала Петухова и остановилась, не зная, что сказать. Старик выжидающе молчал. – Не знаю, с чего начать.

– А ты с начала, милая.

– Неделю назад я случайно забрела на старое кладбище, – запинаясь, продолжила Петухова.

– Ай-ай, что же ты по кладбищам-то бродишь?

«Да он смеется надо мной», – закипая, подумала Петухова.

– И видела там...

– Что же?

– А может, мне показалось.

– Ну-ну! – подбодрил ее старик.

– Видела какой-то необычный обряд, как будто из земли... покойник поднимался... – кое-как закончила она.

– Ой, страсти-то какие! – Лицо старика изобразило притворный испуг.

– Потом, – медленно продолжала Петухова, – на памятнике я прочитала свою фамилию и дату: выходило, что мне осталось жить тринадцать дней.

Старик кивнул головой.

– Потом стали случаться разные странные события, я не знала, что и подумать.

– И надумала прийти ко мне, – подытожил Чернопятав. – Или кто надоумил тебя?

– Агриппина Кузьминична подсказала, – нерешительно произнесла Петухова.

– А, эта... – Старик сделал презрительную гримасу. – Так что же все-таки от меня хочешь?

– Говорят, что вы можете снять наваждение.

Старик торжествующе засмеялся.

– Могу, – вдруг твердо и властно произнес он, – я все могу. А тебе, видать, жить сильно хочется.

Петухова потупила голову.

– Но сначала послужить ты мне должна.

– На все готова, батюшка, – вдруг завизжала Петухова и бросилась на колени перед стариком. Как это получилось у нашей дамы, с чего это вдруг упала на колени перед каким-то старикашкой, она и сама не могла понять, как до конца не осознавала, что это – умышленная игра или неосознанный порыв. Скорее и то, и другое.

Старику выходка библиотекарши явно понравилась. Он расцвел в улыбке и потрепал ее по голове:

– Молодец, Валюша, люблю вот таких простых.

То, что он назвал ее по имени, несколько не удивило, а вселило некоторую уверенность: дело идет на лад.

– Ладно, вставай, – продолжал старец, – нечего на полу-то валяться.

Петухова медленно встала. Она исподтишка, но внимательно рассматривала таинственного человека. Это был худощавый, сухой, но, видимо, очень крепкий, жилистый старик. Голова его была плешива, подбородок украшала редкая борода, лицо походило на обтянутый кожей череп. И только глаза, по-молодому острые, блестящие, не мигая, смотрели на нее.

«Старичок не так прост», – подумала Петухова. Всем своим видом выражая смирение, она ждала приказаний.

Как бы невзначай оглядела она и убранство комнаты, где происходило действие. Оно не походило на деревенскую обстановку в ее представлении. Заклеенные обоями стены, занавески на окнах, этажерка с книгами, городская мебель и даже большой радиоприемник – все это порядком удивило Петухову. Старик заметил ее взгляд.

– Что удивляешься? – Он хихикнул. – А почему бы нет? Вы, городские, думаете, что мы тут в хлеву живем? Значит, послужить мне хочешь? – сменил он тему. – Ну что ж... Угодишь – не пожалеешь. Видела во дворе козу? Пойди подои ее.

– Да не умею я, батюшка, – про себя она решила называть его именно так.

– Что ты заладила: батюшка да батюшка! «Не умею!» – передразнил он. – А ты учись!

Петухова вышла из дома, удивляясь про себя странному началу знакомства с великим колдуном. Может, ему батрачка нужна? С высшим образованием...

Она нерешительно приблизилась к козе. С какого же бока к ней подходят? Коза немигающе смотрела на нее большими желтыми глазами.

– Как же тебя доить? – машинально промолвила Валентина Сергеевна.

– У-ме-е-ючи! – вдруг проблеяла коза.

– Батюшки! – Библиотекарша с испугу села на землю. Коза все так же равнодушно продолжала смотреть на нее.

– Ты что, говорить умеешь? – осторожно спросила она.

– У-мее-ю, – раздалось в ответ.

– Кто же тебя научил?

– Он, з-мее-й, и научил, – коза кивнула башкой на дом.

«Хозяина змеем называет...» – подумала Петухова.

– Не любишь его? – задала она новый вопрос.

Коза промолчала.

Валентина Сергеевна с трудом верила происходящему. Подоить обычную козу она еще попыталась бы. Но говорящую? Увольте!

«Интересно, – вдруг подумала она, – а каков уровень знаний у этого животного?»

– А сколько будет дважды два? – вкрадчиво спросила она.

Коза некоторое время молча смотрела на нее. Валентина Сергеевна уже решила, что не дожидется ответа.

Внезапно коза изрекла:

– Не с-мее-ши мее-ня, о смее-рти подумай!

Куда она попала! Бежать отсюда без оглядки. Но ноги сами тянули ее в дом.

– Ну что? – спросил старичок. – Подоила?

Валентина Сергеевна внезапно вспомнила сказку, где героине предлагают исполнить невыполнимые приказания, и засмеялась.

Старичок, казалось, был обескуражен такой реакцией. Он удивленно уставился.

– Ты чего? – спросил он.

– Коза у вас смешная, – пояснила Петухова.

– А... – успокоился Асмодей. – А я думал, ты надо мной смеешься.

– Как можно... – почтительно прошептала Петухова.

В это время в комнату вошла высокая темноволосая женщина средних лет. Валентина Сергеевна мельком глянула на нее и с удивлением заметила, что глаза у женщины такие же большие, прозрачные и желтые, как у давешней козы.

– Вот пожаловала к нам гостья, – пояснил старик, кивнув на Петухову.

– Да видела уже, – равнодушно ответила женщина, – тупая какая-то... На кой черт она нам сдалась?

– Ну, ну, Глафира... – примирительно сказал старик.

– Это она у бабки Гапы жила? – Глафира пристально взглянула на Петухову. – Потом по кладбищу шастала... Городская! – презрительно произнесла она. – В ужасе бы ее превратить или в крысу.

«Ой, ой, – похолодела Петухова, – такая превратит, в самое логово попала».

Женщина между тем подошла к приемнику и включила его. Зазвучала классическая мелодия.

– Знаешь, что это? – старик кивнул на приемник.

– Мусоргский, по-моему, «Рассвет на Москве-реке», – неуверенно сказала Петухова.

– Правильно, Мусоргский! Хороший композитор! – Старик одобрительно крикнул. – Какие вещи писал – баба-яга, кикимора...

– Кикимору я видела недавно, – неожиданно сказала Глафира, – совсем стара стала. В болоте этом немудрено с ума свихнуться. Кругом всякая гадость плавает. Говорит мне: «Ты, милочка, всех жаб у меня переловила». Это я-то милочка! Жаб ей жалко. Она думает, мне приятно жаб этих ловить да потрошить. Если бы не Жабий камень...

– Ну и нашла ты Жабий камень? – с любопытством спросил старик. – Ай, ай, Асмодеюшко, – засмеялась Глафира, – будто ты не знаешь. Ищу покудова. Я думаю, – задумчиво произнесла она, – у кикиморы точно он есть.

– Так попросила бы.

– Ага, даст, как же...

Станные, однако, были разговоры. Петухова слушала всю эту галиматью и с удивлением ловила себя на мысли, что тоже хочет включиться в беседу.

– А что за Жабий камень? – робко спросила она.

Глафира фыркнула и не удостоила любопытную библиотекаршу ответом.

Зато Асмодей чрезвычайно любезно начал объяснять:

– Очень полезная вещь. Любой яд обезвредить может. Скажем, пьешь ты отравленное вино – брось в кубок Жабий камень и пей себе спокойно. Только не в каждой жабе он есть, Глафира вон сколько нечисти этой извела, а все не нашла.

– А может, нашла! – запальчиво произнесла Глафира.

– Хорошо, мы проверим, – кротко промолвил старик. – Однако наша гостьюшка в недоумении, зачем мы ее позвали. А затем, ласточка ты наша, чтобы посвятить тебя.

Глафира снова фыркнула, но промолчала.

Асмодей глянул на нее исподлобья, глаза его превратились в огненные уголья.

– Ты, бабонька, – вкрадчиво сказал он, – много себе позволять стала.

Та как-то съежилась и ласково, успокаивающе произнесла:

– Асмодеюшко, не сердись на глупую бабу, все от скудости ума...

– Ладно, ты не слушай ее, – обратился к Петуховой старик. – Посиди и послушай. Ты, конечно, глядя на нас, недоумеваешь: кто мы, что мы, ну и так далее...

Валентина Сергеевна кивнула, хотя и представляла, кто перед ней.

– Мы, конечно, персоны неприметные, однако других хорошо замечаем. Вот тебя, например, давно приметили. Много о тебе знаем. И очень уж ты нам понравилась. Тем более что одного ты с нами корня.

– То есть? – не поняла Петухова.

– Ну как же, ласточка, родословной своей не знаешь. Дед-то твой, Петухов Григорий Семенович, ведь он из наших был.

– Не может быть! – подалась вперед Валентина Сергеевна.

– Может, может, ты уж поверь старику. Конечно, он в городе служил, чиновником был, это верно. Но с нами связь не терял, наезжал, бывало, сюда, в Лиходеевку. Я тогда помоложе был, но помню его хорошо. А уж прадеды, прапрадеды твои вообще отсюда родом. Между прочим, мы с тобой дальние родственники. Так что...

Старик замолчал, внимательно посмотрел на нее.

– Деяния твои весьма нам по нраву пришили. Кровь-то, она себя дает знать.

– Вы на что намекаете? – спросила Петухова.

– Как на что? А с религией как ловко ты борешься? Не без твоего участия все городские церкви закрыли.

– Это не я закрывала, это власть закрывала!

– Правильно, власть, но с твоей, милая, помощью. Так что спасибо! – Старик встал и поклонился ей. – Приходится, конечно, тебя поправлять, подталкивать на истинную дорожку. На кладбище ты видела, на что мы способны, да и потом, я думаю, убедилась. К архивной крысе этой – Забалуеву прибежала, а я тут как тут.

Валентина Сергеевна вдруг с ужасом заметила, как лицо старика начало меняться – словно по отражению в воде пошла мелкая рябь. Через несколько секунд перед ней сидел Забалуев.

– Ну как, похож? – спросил он.

Валентина Сергеевна готова была поклясться, что похож до мельчайшей черточки. Глаза вот только...

Лицо старика снова стало прежним.

– Да, – продолжал он, – или этот Митя. Давно он у нас поперек дороги стоит. Первый раз не в свое дело залез, теперь снова под ногами путается. Ну ничего, надо думать, больше не помешает. А с малюткой этим ловко как получилось. – Старик хихикнул от удовольствия. Внезапно на его месте оказался знакомый Валентине Сергеевне ребенок.

– Мама, мама, – жалобно захныкал он, – как я долго тебя ждал...

Валентина Сергеевна схватила за сердце.

– Хватит! – громко крикнула она. – Перестаньте меня мучить!

– Слабовата она, Асмодей, – сказала вдруг Глафира, сидевшая молча, – жалостливая больно.

– Замолчи! – прикрикнул на нее ребенок. Он не торопился принимать прежний облик. Сидел на стуле, болтал не достающими до полу ногами и хитро смотрел на Петухову.

– Да, мамочка, а хочешь, каждую ночь являться буду?

Петухова застонала.

– Ну ладно. – К старику опять вернулся прежний облик. – Ты, ласточка, не обижайся, так для дела надо: помучить тебя малость. Что мне понравилось, что ты с ученым этим познакомилась. Вошла к нему в доверие. Вот это полезно.

Петухова похолодела.

– Этот профессор Струмс нам мешает. Человек он непростой, тоже, можно сказать, из наших. Кое-что умеет, тут спору нет. Убрать его не убереешь – не та фигура, да и себе дороже будет, однако отвести от наших мест надобно. Надеюсь, ты нам в этом подмогнешь.

Но главное не в этой мошкаре, а в тебе самой. Пора вернуться к нам. Научим кое-чему, не пожалеешь. Все иметь будешь. А главное – власть. Что тебе люди! Букашки да таракашки... А мы... Вон Глафира хоть и дура, а кой-чего может, не только козой оборачиваться.

В этот момент в комнате появились два новых человека: довольно старая, безобразно толстая женщина и очень красивая молодница с румяным лицом, льняными волосами и голубыми глазами, будто сошедшая с лубочной картинки. Они с интересом посмотрели на Петухову.

– Вот она, голубушка наша, – старик кивнул на Петухову. Женщины молча поклонились. – Сегодня будем ее посвящать. Натопите баньку, приготовьте все, что нужно. А ты, ласточка, передохни покудова.

– Так в кого же вы меня посвящать будете? – Петухова непонимающе воззрилась на Асмодея.

– Аль ты еще не поняла? Ведьмой, милая, мы тебя сделаем.

– Какая из нее ведьма, – засомневалась Глафира. – Она только мухоморы собирать умеет.

– Мухоморы тоже пригодятся, – наставительно изрек старик. – А выпей-ка пока вот этого, – он протянул Петуховой глиняную кружечку с каким-то напитком, – и иди отдыхай.

Валентина Сергеевна молча взяла кружку и отпила глоток. Это был настой каких-то трав, горький на вкус, но тем не менее приятный. Она почувствовала, как по телу разливается горячая волна, голова слегка закружилась, но стало легко и весело.

– Отведи ее, Верка, – сказал старик.

Молодица молча взяла Валентину Сергеевну за руку и куда-то повела. Дальнейшее Петухова помнила плохо. Она оказалась на какой-то мягкой кушетке и блаженно заснула. Сколько она проспала, сказать трудно. В комнате было темно и душновато. Неожиданно кто-то вошел. Это была все та же молодая женщина.

– Пойдем, – сказала она тихо.

– Куда? – испуганно спросила Петухова.

– Не бойся. – Она снова взяла ее за руку и повела по каким-то коридорам. Они вышли на улицу и направились к низенькому сараю.

Баня, поняла Петухова.

Из трубы курился легкий дымок, пахло прелыми березовыми вениками, словом, баня как баня.

Петухова была безучастно равнодушна. То ли разум, пресыщенный чудесами, отказывался их больше воспринимать, то ли это было действие давешнего напитка. Они вошли в просторный предбанник. Там было пусто.

– Раздевайся, – сказала Верка, – заходи в баню и жди.

Сама она вышла.

Петухова нехотя разделась.

Баня оказалась сильно натопленной. Воздух был сухой и раскаленный, и она тут же почувствовала, как капли пота заструились по лицу и телу. Было почти темно, только в уголке теплился крохотный огарочек. В нерешительности она присела на скамью и стала ждать.

Послышались чьи-то шаги, приглушенные голоса. Вошли трое. Валентина Сергеевна определила это по свечам, горевшим в руках вошедших. Стало светлее. Все трое были ей знакомы: Глафира, толстая старуха и Верка. Свечи были толстые, из зеленого воска, наподобие тех, которые были у Струмса.

– В пионеры будем принимать! – хохотнула Глафира.

– Цыц! – зашипела толстуха. – Шуточки все шутишь.

– А что, нельзя?

Та ничего не ответила, подошла к Петуховой и неожиданно ласково попросила:

– Ложись, милая. Она указала на широкую скамью, стоявшую посреди бани.

Валентина Сергеевна беспрекословно подчинилась, легла, чувствуя спиной дерево, и подумала, что еще преподнесет ей судьба и любовь к приключениям.

Между тем зажгли какие-то травы. Баня наполнилась странными запахами. Петуховой почудился аромат полыни, корицы, сюда же примешивался слабый, но тошнотворный запах

паленой кости или шерсти. Пахло еще чем-то незнакомым, но приятным. Валентине Сергеевне показалось, что воздух внутри бани принял молочный цвет и вроде бы слегка засветился. Женщины молча сновали вокруг, что-то готовили. Она ждала, закрыв глаза.

К ней прикоснулись осторожные руки, она открыла глаза и различила молодую Верку. Та стала натирать ее тело какой-то мазью. Делала она это ловко и очень осторожно.

Внезапно Валентина Сергеевна почувствовала необыкновенную легкость. Тело стало невесомым, казалось, она сейчас оторвется от скользкой лавки и поднимется в воздух. Голова наполнилась легким нежным звоном. Она попыталась приподняться.

– Лежи, лежи, – услышала повелительный голос.

Все три женщины стояли рядом с ней. Их потные тела поблескивали в свете свечей, распущенные волосы струились по плечам, лица казались черными масками.

Внезапно они тихо запели. Песня показалась Петуховой знакомой. Нечто подобное она слышала на кладбище. Слова были непонятные, вернее, выскакивало то одно, то другое знакомое слово, но связать их в единый текст она не могла. Песня была протяжная, но не жалобная, а скорее дикая. Напоминала она не то завывание волков в лесу, не то плач по покойнику.

В эту минуту в баню вошел старик. Он был одет во что-то черное и длинное, встал по другую сторону скамьи.

Пение усилилось. Женщины упали на колени и начали исступленно раскачиваться, голоса их стали совсем дикими.

Старик что-то крикнул. Песня оборвалась. Стояла тишина. Только где-то в банной духоте скрипел сверчок. Почему-то от его мелодичного скрипа на душе Петуховой стало полегче. Наконец старик заговорил. Ей стало ясно, что он произносит какое-то заклинание. Древние полупонятные слова, как гвозди, впивались в сознание. Загустевший воздух кружил голову, перед глазами плясали какие-то огненные точки.

В руках у старика что-то трепыхалось. Раздался неприятный скрежещущий звук, и на Валентину Сергеевну хлынула струя горячей жидкости. Она попыталась вскочить, но женщины крепко прижали ее к скамье. Старик бросил ей на грудь что-то мягкое и теплое. Как поняла Валентина Сергеевна, это была только что зарезанная курица, ее тушка продолжала биться, и Валентина Сергеевна испытала невыразимое отвращение. Теплая струя, хлынувшая на нее, была, конечно, куриной кровью. Женщины стали размазывать ее по телу, мазать себе лица и руки. Петухова вскочила со скамьи. С ней произошло странное превращение. Она почувствовала себя совершенно другой. Тело переполняла жизнь, как будто ей снова было восемнадцать лет.

Ей сунули в руки ковш. Она отхлебнула, почувствовала знакомый вкус и сделала еще большой глоток. Что-то случилось со зрением. Она прекрасно все видела, как будто на дворе была не ночь, а день. Перед ней кружились нагие тела, и она сама кружилась вместе с ними. Все выскочили на улицу.

Огромная желтая луна висела прямо над ними. Петухова подпрыгнула от восторга и почувствовала, как повисла в воздухе. Она восприняла это как должное.

– А что, девки, не слетать ли нам на кладбище? – предложил старик. С визгом и хохотом взмыли они в воздух и понеслись над темным лесом. Впрочем, для Петуховой лес не был темным, она видела каждую травинку, каждый гриб, более того, она видела и что находится под землей. Вон крот мирно спит в своей норе, а вон под вывороченным пнем свернулась гадюка. В одном месте ей почудилось красное свечение, приглядевшись, она увидела какой-то котел.

– Что это? – спросила она у летевшего рядом старика и указала на непонятное.

– Клад, наверное, – равнодушно ответил он. – Тут по лесам их много закопано. Леса эти старинные, разбойничьи.

Подлетели к старому кладбищу, медленно опустились на землю. Над их головами закружилась стайка разноцветных огоньков. Как бабочки, перепархивали они с места на место.

Спутники ее уверенно шли между надгробий. Валентина Сергеевна едва успевала за ними. Все ей было интересно. Теперь она могла видеть не только памятники, но и тех, кто лежал под ними. К ее удивлению, это были не кости. Она различала черты лиц, одежду. Правда, все они казались зыбкими и расплывчатыми, но это были реальные люди. От некоторых шло слабое свечение, и она подумала, что, видимо, это те самые биороботы, о которых ей рассказывал профессор.

Наконец ее спутники остановились у какой-то могилы.

Валентина Сергеевна хорошо различила черты лица немолодого человека, в старинной военной форме лежавшего в гробу.

И тут повторилась церемония, свидетелем которой она оказалась в свое первое посещение кладбища.

Женщины встали в ряд и затянули какую-то унылую мелодию. Неожиданно для себя Петухова тоже присоединилась к ним и стала неуверенно подпевать. Старик между тем зажег костер и бросил туда горсть какого-то порошка. Зеленый столб света взметнулся над кладбищем.

Валентина Сергеевна увидела, что мертвый в гробу зашевелился. Руки его потянулись вверх, он сделал усилие, потом еще одно и стал выбираться из гроба. Ей было не только не жутко, а, напротив, очень интересно.

Наконец зашевелилась земля, и над могильным холмиком показалась сначала одна рука, а за ней другая. Появилась голова. И скоро человек уже стоял у собственного памятника.

– Здорово, майор! – грубовато приветствовал его старик.

Тот попытался встать по стойке «смирно», но у него ничего не получилось. Движения его напоминали движения марионетки, которую дергают за ниточки.

– Ты мне нужен, – продолжал старик. – Ступай в деревню, чтобы до рассвета был у меня.

Труп покорно заковылял, не разбирая дороги, натываясь на ограды и памятники.

– Координация движений нарушена, – задумчиво сказал старик, – давно не вставал. Но все равно, к утру доковыляет.

Выражение «координация движений нарушена» потрясло Петухову больше всего виденного. На этом экскурсия была закончена. Нечистая сила, свистя и гикая, полетела обратно.

Сознание нашей героини как бы раздвоилось. С одной стороны, все происходящее она воспринимала как должное. Превращения казались естественными и привычными. Но другая часть сознания отказывалась верить в эти чудеса. Должно быть, поэтому голова у нее страшно болела. Ее спутникам подобное состояние, видимо, было хорошо знакомо. Когда они вернулись во двор и зашли в ту же баню, ей молча сунули в руки ковш с давешним напитком.

Ковш пошел по кругу, и скоро все повеселели.

– Теперь и помыться не мешает, – весело сказал старик. – Поддай-ка пару, Глафира.

И снова наступило утро. Проснувшись Петухова все на той же кушеточке, куда положила ее заботливая молодница. Проснувшись и сразу вспомнила свои ночные приключения. Да было ли это? Она потянулась, оглянулась. Сквозь окно, закрытое ставнями, пробивались лучи света. В полумраке различила, что рядом, на каком-то диванчике, аккуратно сложена ее одежда. Вскочила, стала торопливо одеваться. Когда надевала юбку, нащупала в поясе что-то твердое.

«Крестик!» – вспомнила она. Он был спрятан в потайном карманчике. Осторожно вытянула цепочку, взяла крестик в руки и вдруг вскрикнула от боли. Крестик обжег руку, будто был раскаленный. Она засунула его снова в карманчик и вышла из комнаты.

Это был странный дом. Снаружи совсем небольшой, внутри он был полон каких-то закоулков, коридоров, комнатушек. Создавалось впечатление, что он на самом деле значительно больше, чем кажется.

Валентина Сергеевна некоторое время плутала по этому лабиринту, наконец вышла в знакомую комнату. Старик Асмодей был здесь один. Он играл сам с собой в шахматы. Увидев Петухову, он радостно заулыбался.

– Ну как спала? После этих кувырканий, надо думать, сладко. И то хорошо. Ну как тебе ведьмой? Есть в этом нечто, щекочущее воображение. Не правда ли? Тем более в наше сверх-рациональное время.

Валентина Сергеевна в какой уж раз обратила внимание на речь старика: то он выражался по-простонародному, то говорил нарочито книжным языком. Нет, непрост был старичок, непрост!

– Да, – продолжал Асмодей, – как говорили древние: «О времена, о нравы». Никакого нынче почтения к нашему древнему племени. Вроде и нет нас. Газеты считаешь: сплошной материализм. Покоряют природу, не ждут от нас милости, заметь. На земле тесно стало, спутник запускают... Но мы-то есть! В былые времена тоже, конечно, не больно нас жаловали. Не любили, чего уж скрывать. И топили, и жгли... Но боялись! Да и считались с нами. Вон царь-батюшка Александр II. На что уж просвещенный государь был. А перед освобождением крестьян самолично собрал нас у себя в Петербурге. Со всей России собрал! Все тринадцать перед его очи явились... Совет спрашивал. Дали мы ему совет. Вот как было! Уважал.

«Сколько же ему лет?» – с любопытством подумала Петухова.

– Последний-то царь – тот вообще под нашу дудку плясал. Гришку-конокрада кто к нему приставил?

– Это Распутина, что ли?

– Его, его. Хотя, по совести, толку было немного. Так, шум один. А новая власть про нас забыла, да, наверное, это и к лучшему. Кончилось, думаешь, наше время? – Старик пытливо посмотрел на Петухову.

Та неопределенно мотнула головой.

– Ой, касаточка моя, а что это у тебя юбка дымится?

Валентина Сергеевна схватилась за потайной карман.

– Что это там у тебя? Ну-ка дай посмотреть. – Он вскочил, одной рукой, как клещами, больно сжал плечо Петуховой, другой ловко залез в потайной карманчик и вынул оттуда крестик.

– Батюшки! – воскликнул он. – Знак божий... и где, в моем доме? Откуда он у тебя?

– Бабушкин, – чуть слышно отозвалась Петухова.

– Это Аглаи Дормидонтовны, что ли?

Петухова молча кивнула головой.

– Кто же тебя надоумил взять его с собой? Отвечай!

Петухова молчала.

– Понимаю, – задумчиво сказал старик. – На всякий случай, мало ли что. Уберечься хотела. Но теперь он тебе ни к чему. Ведьме крест – хуже соли. – Он зажал крест между пальцами и дунул на него. На стол упала одна капля, затем другая, через минуту крест превратился в лужицу металла, поблескивающую на столе. По форме она напоминала звезду.

– Так-то лучше будет, – сказал старик, – я на тебя не сержусь, понимаю, по глупости это, по недомыслию. А может, профессор тебя научил? Кстати, где он?

– Не знаю...

– Не знаешь? Да нет, знаешь, конечно. Где-то рядом он тут, чую его. Ведь это он тебя сюда прислал, не так ли? Пообщаться со мной хочет. Что ж, это можно. Пойди погуляй, поищи его. Встретишь – скажи, что Асмодей Чернопяттов готов его выслушать.

Валентина Сергеевна покорно поднялась.

– И помни, ласточка, теперь ты наша. – Старик засмеялся. – Возьми корзинку, грибов насобирай – очень люблю грибочки жареные.

Она бродила по лесу, равнодушно поглядывая на россыпи грибов, и напряженно думала. Кто же она: ведьма, агент Струмса, выполняющий какое-то загадочное, неведомое ей самой задание, или просто глупая, обманутая баба? «Скорей всего третье», – решила она. Петухова начинала понимать, что ее используют противоборствующие силы.

«Да и кто такой этот Струмс? Документов не показал, работник какого-то загадочного института... А может быть, он один из них? Асмодей Чернопятав – тот хоть понятен... Понятен ли? – вдруг усомнилась она. – Тоже старичок еще тот. Ну а я сама? Все эти ночные чудеса...» Сейчас она не чувствовала в себе никаких сверхъестественных сил. Было ли все это или просто ее чем-то опоили, довели до галлюцинаций? Она вышла на поляну и тут увидела впереди две фигуры.

Присмотревшись, она узнала Струмса и его ассистента.

«Легки на помине», – тоскливо подумала она.

– А вот и наша героиня! – весело закричал профессор, протягивая ей руку. – Здравствуйте, уважаемая ведьма. Неплохо у вас получается. Видели, видели ваши похождения на кладбище. И компания приятная.

«Значит, это был не сон», – подумала Петухова.

– А вы все время были рядом? – осторожно спросила она.

– Не то что рядом, а скажем так, поблизости. Рассказывайте.

Он внимательно слушал Петухову, иногда кивал головой.

– Значит, встретиться со мной хочет этот Асмодей? Что ж, встретиться можно. А, Коля? Коля молча кивнул.

– Скажите честно, Викентий Аркадьевич, какова моя роль? Вроде подсадной утки?

– Ну вы скажете! Ведь вы – главное действующее лицо. Из-за вас этот сыр-бор и разгорелся.

Петухова с сомнением посмотрела в лицо профессора. Трудно было определить: шутит он или говорит серьезно.

– Пребывание в качестве ведьмы пошло вам на пользу, – продолжал Струмс. – Вы заметно помолодели. Совсем другая женщина. Есть в вас какая-то чертовщинка, что ли. Так как же мне встретиться с вашим предводителем? С этим Асмодеем? Куда идти? К нему домой?

– Далеко ходить не надо, – раздался сзади знакомый голос.

Валентина Сергеевна стремительно обернулась и увидела старика. Видимо, он появился за их спинами только что. Даже невозмутимое лицо Струмса выглядело растерянным.

Они молча разглядывали друг друга. Первым нарушил молчание Асмодей.

– Помню вас, – начал он довольно дружелюбно, – возле этих костров с бутылкой бегали, суетились очень. Не к лицу ученому человеку так суетиться.

– Да уж, – в тон ему поддакнул Струмс, – напугали вы нас тогда. Пугать вы неплохо умеете. Особенно тех, кто послабее. – Он кивнул на Валентину Сергеевну. – Но мне кажется, дальше внушений детских страхов вы не идете.

– Ой ли! – воскликнул колдун.

– Я только говорю то, что видел. С нами в прошлый раз справиться вы не сумели.

Старик усмехнулся.

– Что ж, ваша правда. Ну а теперь зачем вы пришли?

– За тем же, что и в первый раз.

– А именно?

– Нам нужен один из ваших живых мертвецов.

– Для науки, конечно, ничего не жалко, однако что же я получу взамен?

– Взамен, мон шер, вы получите отпущение грехов.

– Приятно встретить в нашей глуши столь образованного человека, – весело промолвил старик. – Извольте объясняться по-французски?!

И он перешел на французский язык. Профессор ответил. Разговор оживился, но был совершенно непонятен Валентине Сергеевне.

«За дуру держат», – подумала она и отошла в сторону.

– Простите, – подскочил к ней Струмс, – это, конечно, бестактно, но давно не упражнялся в галльском наречии. Уважаемый мэтр Асмодей, мы невольно обидели даму.

– Ничего, переживет, – довольно грубо откликнулся старик.

– Итак, – сказал профессор по-русски, – вы мне уступаете одного из ваших биороботов, а также демонстрируете великое воскрешение, а взамен я оставляю вас в покое. Иначе мы разворошим все ваше осиное гнездо, а кладбище это перекопаем и зальем бетоном.

– Бетона-то у вас хватит, – насмешливо сказал старик, – не вы первые, не вы последние.

– Слыхали мы эти разговоры. – Тон Струмса стал угрожающим. – И жгли вас, и топили... да ничего, мол, сделать не смогли... Они не смогли, а мы сможем!

– Хорошо, – кротко сказал старик, – я согласен на ваши требования. Сегодня же устроим великое воскрешение, а завтра получите кадавра, или, как вы выражаетесь, биоробота. Против власти не попрешь... – грустно добавил он.

– Плюс к этому вы снимаете заклятье с Валентины Сергеевны, – добавил Струмс.

– С ласточки нашей? Тебе что, ведьмой быть надоело? – обратился старик к Петуховой. – Али не понравилось? Зря, любая городская мадамка позавидует. Или среди пыльных книжек сидеть лучше? Ну, как знаешь... Коли начальники указывают... – издевательски произнес он, глядя на Струмса. – Не пожалеть бы тебе, ласточка.

– Не угрожайте, мэтр! – Струмс взял Валентину Сергеевну за руку. – А вы ничего не бойтесь.

– Итак, в полночь на кладбище! – воскликнул старик и внезапно исчез.

– Ну вот, мы обо всем договорились, – удовлетворенно сказал Струмс.

– Думаете, вам удалось его запугать? – осторожно спросил Коля.

– Вряд ли. Запугать его в принципе невозможно, но он очень осторожен. К тому же власть уважает.

– А я ему не верю. – Коля досадливо сморщился. – Обязательно какую-нибудь пакость выкинет. А вы, Валентина Сергеевна?

Но в голове у нашей библиотечарши был полный сумбур. Она что-то буркнула в ответ.

– Конечно, Коля, не исключено, что ты прав. Ну что ж, будем наготове.

Безучастно шла за своими спутниками Валентина Сергеевна. Лагерь их был тут же неподалеку. Что-то не давало ей успокоиться. Угнетенное состояние преследовало ее до самого вечера. И только с приближением ночи почувствовала она внезапный прилив сил. Как будто туман, напоздший с болот, придал бодрости. Скоро стало совсем темно. От нетерпения Валентина Сергеевна не находила себе места. Струмс, с удивлением посмотрев на нее, поинтересовался, чего это она так волнуется. Наконец стрелки часов подошли к одиннадцати. Стали собираться. Скоро вышли, светя себе фонариками под ноги.

Изредка звезда прочерчивала небосвод. Было тепло и тихо. Под ногами шуршала трава, пахло сеном, болотом, грибами. Раза два в лесу кричал филин. Ночь окружала их, казалась зримой, живой. Показалось кладбище. У старой часовни стояла группа темных фигур. Было их десять-двенадцать.

Струмс со спутниками подошел поближе. Одна из фигур выступила вперед. Петухова узнала в ней старика Асмодея. Он молча глядел на вновь прибывших, потом повернулся к своим.

– Итак, они пришли, – громко произнес колдун, – и требуют, чтобы мы показали им великое воскрешение.

– Кто они такие, чтобы требовать? – спросил глухой голос из гущи стоящих.

– У них есть право, – сказал колдун.

– Ни один из непосвященных не присутствовал на великом воскрешении.

– Это правда, – подтвердил Асмодей.

– Так почему же эти...

– Я повторяю, у них есть право.

Голос умолк.

– Итак, братья и сестры, приступим.

Ответом ему было молчание.

Внезапно вдалеке заухал филин. Казалось, тьма сгустилась до предела. Петухова перестала различать даже своих спутников. Небо, еще несколько минут назад бывшее чистым, наглухо затянуло тучами. И хотя было полнолуние, ни один лучик лунного света не проникал на землю. Все молчали, тишина стояла полная.

И тут над головами появился синий огонек, за ним другой, третий... Разноцветные огоньки заметались над кладбищенскими руинами. Потом на земле загорелся костер, несколько других костров вспыхнули поодаль.

Валентина Сергеевна принялась считать их, но сбилась. Костры как-то очень быстро прогорели, и на их месте остались только малиновые угли. Они ярко тлели в ночи, словно чьи-то нечеловеческие глаза, и вдруг превратились в зеленые столбы света.

Вперед вышел Асмодей.

– Нужна жертва! – громко произнес он.

– Жертву! Жертву! – завизжали, захохотали, заскрежетали кругом.

Красивая нагая женщина, в которой Петухова узнала Верку, вывела за руку ребенка. Голова его была покрыта черным платком так, что лица не было видно.

Валентина Сергеевна рванулась было к ребенку, но Струмс крепко держал ее за руку.

– Тише, тише, – зашипел он.

– Но ведь они хотят его убить.

– Это всего лишь призрак, – зашипел Струмс, – успокойтесь.

– Нужен палач! – прокричал Асмодей.

– Я! Я! – завизжали голоса.

Колдун медленно обходил присутствующих, вглядываясь в каждого. Света на кладбище теперь было достаточно, и Петухова хорошо видела хари этой странной компании.

Среди них она узнала Глафиру и старуху.

Старик между тем приближался к ней. Она похолодела.

– Ты! – ткнул в нее пальцем, в другой руке у него была обнаженная сабля. Он протянул ее Петуховой.

Та невольно отпрянула.

– Я же сказал, ты!

– Нет! Нет! – Валентина Сергеевна дрожала, как осиновый лист.

– Позвольте это сделать мне, – выступил вперед Струмс, и Валентина Сергеевна впервые почувствовала к этому человеку неприязнь.

– Тебе нельзя! Ты не наш. Значит, не хочешь! – Старик насмешливо взглянул на Петухову. – Ну тогда это сделаю я. – Он подскочил к одиноко стоявшему ребенку и одним махом отсек ему голову. Раздался взрыв дикого визга. Нечисть приветствовала своего повелителя.

Валентине Сергеевне сделалось дурно, и она зашаталась. Однако Струмс и Коля с обеих сторон поддержали ее.

Асмодей высоко поднял отрубленную голову. Лицо жертвы было искажено, кровь стекала из перерубленного горла, но Валентина Сергеевна узнала это лицо. Оно не раз за последние дни являлось к ней. Дико вскрикнув, она рванулась вперед. В эту минуту раздался нечеловеческий хохот, и Петухова увидела, что вместо головы ребенка Асмодей держит в руках козли-

ную голову. Она перевела взгляд на обезглавленный труп, но вместо него она увидела разрубленную тушу животного.

– Жертва принесена! – завопила нечисть.

В эту минуту в разных частях кладбища началось движение. Слышен был шорох осыпающейся земли, потрескивало гнилое дерево гробов. Из могил вставали мертвецы. Как огромные черные куклы, нелепо ковыляли они среди надгробий. Лохмотья свисали с полуразложившихся тел, душный запах тления наполнил все кругом. Мертвецы приближались все ближе и ближе. Вынести этого Петухова не смогла, силы оставили ее, все поплыло перед глазами, и она потеряла сознание.

Медленно, очень медленно возвращалась она к реальности, да и что же было настоящей реальностью? Все, что пришлось испытать ей за последние дни, – не сон ли это?

Очнулась она в незнакомой комнате. Было тихо, светло, у оконного стекла жужжала муха. Где она?

Осмотревшись, Валентина Сергеевна поняла, что она в доме у колдуна. И обстановка была смутно знакома. На этой кушетке она уже ночевала один раз.

Откуда-то слышались приглушенные голоса. Она осторожно пошла на них.

В знакомой горнице за столом сидели Струмс и Асмодей. Они о чем-то беседовали.

Увидев Петухову, Струмс приветливо улыбнулся, а Асмодей радостно воскликнул:

– А, голубка наша пожаловала! Ну, как спалось? Не выдержала вчерашнего-то. Бывает... Правильно говорила Глафира – ну какая из тебя ведьма? Поэтому снимаю с тебя заклятие, да, собственно, ты сама его с себя сняла. Не стала рубить младенца...

При упоминании о вчерашнем Петухова вздрогнула.

– Теперь можешь отправляться домой, – продолжал колдун, – никто тебя больше не потревожит.

Петухова взглянула на профессора – тот утвердительно кивнул головой.

– Ну что ж, – сказал Струмс, – первую часть нашего условия вы выполнили. А что касается второй...

– Вам нужен кадавр. – Асмодей усмехнулся. – Ну что ж, он тут, недалеко. Если хотите, можете посмотреть. Это лучшее, что у меня есть. Не какой-нибудь завалящий... Сам майор Кокуев собственной персоной. Личность небезызвестная, сочинитель, поэт, да мало ли кто еще. Пойдемте.

Струмс встал.

– А ты не желаешь полюбопытствовать? – обратился Асмодей к Петуховой. Та отрицательно покачала головой – хватит с нее этих ужасов. – Ну как знаешь.

«Неужели все кончилось? – с тревогой думала она. – Но старик ведь сказал, что все. А может быть, он соврал? Какое сегодня число? – Она принялась считать. Выходило, что последний день срока, отпущенного ей. – Неужели ничего не произойдет? Надо спросить у Асмодеев».

Она долго сидела в одиночестве и размышляла. Наконец послышались голоса. В комнату вошли Струмс и колдун. Судя по всему, профессор был очень доволен.

– Так вы мне майора отдаете? – переспросил он.

– Да забирайте хоть сейчас.

– Ну что ж, так, наверное, и сделаем.

– С мертвецом в одной машине я не поеду, – твердо заявила Петухова. – Лучше я пойду пешком.

Профессор замялся:

– Действительно... Валентина Сергеевна и так перенесла достаточно. Может быть, мы сначала отвезем ее, а затем вернемся за вашим Кокуевым?

– Ну, это как хотите, дело хозяйское...

– А скажите, – обратилась Петухова к старику, – мне было отпущено тринадцать дней, сегодня последний. Что же, завтра мне умирать?

– Ну что ты, ласточка. – Асмодей усмехнулся. – Я же сказал, заклятие снято. Живи себе на здоровье. В гости заезжай, за грибами. Ты ведь грибы любишь собирать. А кушать?

Петухова пропустила мимо ушей ехидные слова старика. Ей хотелось только одного – поскорее уехать домой.

– Ничего подобного мне видеть не приходилось, – лицо Струмса сияло от удовольствия. – Ваш майор – уникальный экземпляр.

– Да уж, – в тон ему поддакнул Асмодей. – Лучшее отдаю, от себя отрываю. Не то что эта рухлядь, которую вы видели ночью. А позвольте узнать, что вы с ним будете делать? Потрошить или еще чего?

– Нет. – Струмс, казалось, думал о чем-то другом. – Потрошить не будем, хотя посмотрим.

– Надеюсь, он попадет в хорошие руки. – Асмодей просительно смотрел на профессора. – Берегите его.

– Ладно, голубчик, постараемся. Так мы завтра за ним приедем.

– Ну конечно, – подтвердил Асмодей. – И наш уговор, – он вопросительно посмотрел на профессора, – тревожить нас больше не будете? Дадите спокойно дожить свой век?

– Мы же договорились, – Струмс недовольно глянул на старика, – или вы мне не верите?

– Верю, батюшка, верю, – залебезил Асмодей. На улице послышалось гудение машины.

– Это за нами, – сказал Струмс, – ну что же, до завтра.

– До встречи, – ответил колдун. – А ты, ласточка, чего не прощаешься?

Петухова молча направилась к двери.

– Ай-ай, невежлива ты что-то стала. Зря старика обижаешь. – Он хихикнул.

Через минуту машина неслась по пыльному проселку.

– Постойте, – попросила Петухова, – заедем к бабке Агриппине. Там же мои вещи остались.

Машина остановилась возле дома старухи. Та, казалось, ждала их.

– А, Валечка! – обрадованно закричала она, едва увидев Петухову. – Ты все торопишься. Опять, значит, уезжаешь? Ну что ж, скатертью дорожка. Приезжай еще за грибами. Да, кстати. Я тут корзиночку сегодня утром собрала. Отборные, белые... Возьми, дома пожаришь.

Петухова стала было отказываться.

– Бери-бери! – Она почти насильно затолкала корзину ей в руки. Машина снова тронулась. Коля сидел за рулем. Струмс рядом с ним, на переднем сиденье.

– Ну что же, – сказал он, обернувшись к Петуховой. – Все хорошо, что хорошо кончается. А вчера на кладбище я было думал, что нас эти упыри растерзают. Но, видно, слово Асмодее для них – закон. После того как вы в обморок упали, он остановил своих мертвецов. Словом, все кончилось вполне пристойно, без эксцессов. Да и сегодня колдун вел себя смирно. Показал нам этого красавца-майора. Экземпляр, что и говорить, отличный. Завтра, Коля, ты его увидишь. Ну а вы, Валентина Сергеевна, я надеюсь, в порядке?

Петухова молча кивнула.

– Думаю, он сдержит свое слово, – продолжал Струмс. – Вас он больше не тронет.

– Не верю я этому колдуну, – вступил в разговор Коля.

– Да и я, признаться, не верю. – Струмс задумчиво посмотрел на водителя. – Но пока все идет неплохо. Конечно, от них можно ждать любой пакости. Но ведь это не в их интересах. Не лучше ли вести себя лояльно – это было бы логично?

– Беда в том, – заметил Коля, – что законы логики им неведомы. Согласно логике, их вообще не должно существовать.

Валентина Сергеевна в разговор не вступала и всю дорогу молчала. У нее никак не выходило из головы, что срок, отмеренный ей на старом кладбище, еще не вышел, что сегодня последний из тринадцати проклятых дней.

«Приеду домой, – думала она, – первым делом разобью чертово зеркало, а осколки тут же выброшу!» Машина мчалась вперед, а Петухова размышляла, как провести остаток опасного срока.

«Устрою-ка я вечеринку, – подумала она и сама обрадовалась неожиданному решению. – Соберу сослуживцев, скажу, мол, юбилей у меня или что отпуск решила отметить. Этих, что ли, позвать. – Она покосилась на Струмса. – Нет, без них обойдусь». Все, что напоминало ей о старом кладбище, она решительно гнала из памяти: «Старик Асмодей обещал, что все закончилось. А если нет? Ну, будем надеяться...» Наконец машина остановилась возле ее дома.

– Приехали, – сказал Струмс. – Завтра мы к вам обязательно зайдем. Проверить, все ли в порядке.

– Хорошо, – Валентина Сергеевна на ходу попрощалась и бегом устремилась домой.

В квартире было тихо и сумрачно. Она отдернула шторы, распахнула окна. Потoki света рванулись в комнату, и сразу же стало видно, какое в квартире запустение. На полу еще остались следы сапог давешнего слесаря, повсюду лежала пыль.

«Сейчас же берусь за уборку, – решила Петухова. – Но начну все же с зеркала». Она зашла в прихожую и долго смотрела на свое отражение в пыльном стекле. Зеркало как зеркало. «А может, оставить? Нет!» Она решительно схватила подвернувшийся под руку молоток и запустила им в зеркало. Раздался звон бьющегося стекла.

«Ну вот, избавилась наконец-то. Теперь обзвонить всех, пригласить на вечеринку». В следующие полчаса она этим и занималась.

Гостей набралось человек семь – собственно, все работники ее библиотеки. Большинство были удивлены неожиданным приглашением, но не отказался никто. Напротив, они были заинтригованы: до сих пор в гости она никого не приглашала. Еще пара часов ушла на уборку и на приготовление всякой снеди: гулять так гулять. Начало назначила часов на восемь, но про себя твердо решила, что закончит сегодняшний день обязательно в окружении людей.

Она тщательно готовилась к вечеринке, чтобы не ударить лицом в грязь. Что же приготовить? Взгляд ее упал на корзину грибов, подаренную старухой.

О! Грибы! Вещь вкусная и пройдет «на ура», тем более белые грибы.

К восьми часам стали собираться гости, дамы приходили с мужьями, и людей было значительно больше, чем она рассчитывала. Вечеринка удалась на славу. Никто не ожидал, что их строгий директор – такая компанейская женщина. Многие были просто потрясены, а она шутила, смеялась, совсем забыв про свои страхи. Было уже довольно поздно, когда она вспомнила, что в духовке у нее томятся грибы. Она вынесла блюдо, обильно политое сметаной, и стала раскладывать грибы по тарелкам.

– А себе почему не кладете? – спросили ее.

– Да я собирать люблю, а есть не очень, так, в охотку.

Но все стали нахваливать вкусные грибы, восхищаться мастерским их приготовлением, и Валентина Сергеевна решила попробовать дело рук своих. Правда, она опасалась лиходеевских даров, но все кругом так аппетитно ели, что она не выдержала. Зацепила на вилку гриб, положила в рот и стала жевать. Действительно вкусно. Неплохо она приготовила.

Вдруг Петухова почувствовала, будто электрический заряд огромной мощности ударил ее. Ужасная дрожь затрясла тело. Она выгнулась дугой и повалилась на пол. Она не слыхала ни испуганных голосов гостей, ни звука подъехавшей кареты «Скорой помощи».

Врач наскоро осмотрел ее. Картина была ясна: Петухова была мертва. Пульс не прощупывался, зрачки на свет не реагировали. Неужели отравление грибами? Многим стало дурно, некоторых начало рвать.

Доктор с сомнением посмотрел на грибы, понюхал их и успокоил собравшихся. Неве-
роятно, чтобы смерть от отравления наступила так стремительно. Скорее всего это сердце.
Однако он взял немного грибов на анализ.

Потрясенные гости медленно расходились по домам.

...Петухова очнулась (уже в который раз за это время), но ничего не могла понять.
Что с ней? Где она? Она чувствовала, что лежит на чем-то холодном, похоже, на камне, но
ей было не холодно. Сознание только констатировало обстановку. Она попробовала припод-
няться, открыть глаза, пошевелить рукой или ногой. Это ей не удалось. Что же случилось?

В то же время она слышала отдаленные голоса, какой-то глухой шум, звук льющейся
воды. Внезапно громко хлопнула дверь, и в помещение, где она лежала, вошли, как Петухова
поняла по голосам, двое.

– Ну, кого будем вскрывать? – спросил грубый мужской голос. – Эту, что ли, из библио-
теки?

– Нет, ее не надо, – ответила женщина, – подождем главного. Давай вон того старика с
раком легких.

«Что значит вскрывать? – в испуге подумала Петухова. – Где я?» Мысли бешено скакали
под черепной коробкой.

Послышалось звяканье металла, какой-то непонятный хруст.

Что происходит? И почему она совершенно не владеет своим телом? Она вдруг вспом-
нила о вечеринке: а где же гости? Потом в памяти всплыл гриб на вилке, страшный удар...

«Эти мертвецы все же достали меня», – ужасная мысль, которой не хотелось верить, воз-
никла и потрясла ее сознание. Она умерла и находится в морге. Это подтверждали голоса в
комнате – видимо, вскрывали труп. Следующая на очереди – она. Чудовищность происходя-
щего заставила разум включиться в очередной раз.

Сознание вернулось к ней внезапно. Она чувствовала, что лежит на чем-то жестком, оде-
тая. Рядом вполголоса разговаривали. Голоса были знакомые. Говорили о ней. Беседовали ее
заместитель Вера Капитоновна и одна из библиотекарейш – Люся. Валентина Сергеевна сделала
попытку подняться, но, увы, тщетно. Тело не повиновалось ей. Тогда она стала слушать.

– Покойница, царство ей небесное, была крутовата, – тихо промолвила Вера Капито-
новна.

– Да уж, – подтвердила Люся. – О мертвых плохо не говорят, но неприятная была жен-
щина.

«Это я и сама знаю», – отметила Петухова и продолжала напряженно прислушиваться.

– Вообще со странностями, – продолжала Люся, – эта ее борьба с религией...

– Да, – продолжала Вера Капитоновна, – попов она не любила, попила их кровушки.
Теперь-то они обрадуются.

– Может, отпевать ее нужно было? – нерешительно заметила Люся.

– Господь с тобой, кто бы ее отпевать стал?

– Ну все же...

– Однако как странно она умерла... Сидела рядом, со мной шутила, смеялась, я, при-
знаться, ее не узнавала, и вдруг бряк на пол! Я все же думаю – она грибами отравилась.

– А говорят, сердце.

– Мало ли что говорят...

– Так ведь грибы-то мы все ели, и никому ничего...

– Ничего не значит, – недовольно сказала Вера Капитоновна, и чувствовались в ее голосе
властные нотки будущей директрисы. – Попался, наверное, ядовитый гриб.

Люся предпочла не вступать в спор с начальством и нерешительно спросила:

– А вскрытие что показало?

– Так не было же вскрытия! – почти с восторгом закричала Вера Капитоновна. – А ты что, ничего не знаешь?

– Вы о чем?

– Да об убийстве в этой гостинице для начальства – знаешь такой особнячок двухэтажный, в парке за исполкомом?

– Нет, ничего не слыхала.

Валентина Сергеевна слушала с чрезвычайным вниманием, да и что ей оставалось делать? Она почему-то сразу поняла, что речь сейчас пойдет о Струмсе.

– Так вот, – продолжала драматическим шепотом Вера Капитоновна, – с ассистентом. Что уж за ученый, не знаю, только, видать, очень важный, потому что все городские шишки там собрались, ну это же потом... Так вот, вчера вечером уже почти ночью, их убили. Да страшно-то как! У меня зять в милиции служит, он по секрету рассказал. Искромсали их, вроде бритвой, на мелкие ремешки, головы у обоих отрезали, так их и не нашли. Весь номер кровью от пола до потолка залит. И представь, никто ничего не слышал. Дежурную по этажу, конечно, сразу увезли, куда ты думаешь? В «красное здание».

Люся испуганно ойкнула.

– Видать, их сонных пристукнули. И самое странное, зять говорит, все в недоумении – стены кровью какими-то знаками исписаны непонятными. Единственный знак знакомый, звезда пятиконечная, но вершиной вниз!

– Так кто же их убил? – шепотом спросила Люся.

– Предполагают шпионаж, – значительно ответила Вера Капитоновна.

Надолго воцарилось молчание. Потом Вера Капитоновна продолжала:

– Вскрывать-то ее вчера должны были, да патологоанатом чего-то замешкался. А сегодня все там, на этом убийстве, не до нее. Мне ее выдали, сказали: хороните без вскрытия, и так все ясно.

«Боже мой! – отметила про себя Валентина Сергеевна. – Прошло уже два дня!» Струмс погиб и Коля – единственная надежда, единственная спасительная ниточка порвалась...

Но ведь она жива! Да жива ли?

Она вспомнила всех этих мертвецов, или биороботов, как называл их профессор. Неужели и ей суждено стать такой же? Но почему? В чем она виновата? Какими силами втянута в непонятную игру, правила которой ей неизвестны, а цели непостижимы? Кто на самом деле этот Струмс и просто ли деревенский колдун Асмодей Чернопяттов? И не выходит ли так, что люди вроде муравьев в муравейнике, которые суетятся, куда-то беспрерывно бегут и не знают, что рядом с ними существует колоссальный непознанный мир? Не оказалась ли она в роли муравья, попытавшегося заглянуть за край реальности?

«Или стрекозы», – явственно раздался в сознании голос, удивительно похожий на голос Струмса.

«Или стрекозы, – повторила она. «Ты все пела, это дело, так пойдешь же попляши». Вот и поплясала...»

Она прислушалась к разговору, происходившему рядом с гробом, в котором она лежала.

– Петухова-то наша номер выкинула, – недовольно шептала Вера Капитоновна, – завешание оставила: похоронить надо ее не как всех, на городском кладбище, а отвезти в какую-то Лиходеевку и закопать на каком-то старинном... Вроде там деды-прадеды схоронены. Смотри, какая аристократка, никогда бы не подумала.

– И мы что, все поедем туда? – тоскливо спросила Люся.

– Поезжай, если хочешь, а я не поеду. Проводим в последний путь, а там на машину и в эту чертову Лиходеевку. Все уже приготовлено, могила выкопана.

– А кто повезет-то ее?

– Да договорилась я тут с одними из автобазы, двое пьянчужек. А там в Лиходеевке их встретят, старик один, имя забыла, мудреное какое-то. Они и закопают.

– А памятник?

– Все потом. Машина сегодня в четыре у нас в библиотеке.

– Это я знаю, – сказала Люся. – Да как-то неудобно, все-таки зароят какие-то совершенно посторонние люди, надо бы, чтобы кто-то от коллектива был.

– Давай-давай езжай, если совесть мучает, только смотри, как бы чего не вышло. Два пьяных мужика, кругом лес, как бы юбку тебе не помяли.

Люся ойкнула и замолчала.

Валентина Сергеевна про себя горько вздохнула: даже похоронить толком не могут, все тяп-ляп. Мало она гоняла эту Веру Капитоновну, змею подколенную. Однако вдруг вспомнила она, повезут-то в Лиходеевку. Все старик Асмодей сделал по-своему! «Как хотел, так и сделал», – снова бухнул в голове мужской язвительный голос, очень похожий на голос Чернопята.

«Что это у меня с головой стало? – с удивлением подумала Петухова. – Голоса какие-то... Эй, кто там, отзовись!» – мысленно крикнула она. Но никто не отозвался.

«С ума схожу, – спокойно заключила она, – а может, сошла давно...»

Комната, в которой стоял гроб, стала наполняться людьми. Валентина Сергеевна узнавала знакомые голоса сослуживцев, соседей. Люди приходили, уходили, говорили какие-то слова. Она же напряженно думала: «Есть ли выход? «Выход есть», – сказал тот мальчишка в зеркале. А выходит, выхода-то и нет! Был бы жив Струмс, Коля, но они убиты. Митя в больнице...» Петухова с горечью подумала, что так ни разу его и не навестила. Да, много чего не сделала, а ведь могла... А главное, могла жить по-другому.

– Ну что ж, пора выносить, – услышала она повелительный голос Веры Капитоновны.

Заиграла траурная музыка. Гроб подхватили и неаккуратно стали спускать во двор. Потом его поставили, и она услышала прощальную речь, произнесенную ее заместителем.

– Дорогая наша Валентина Сергеевна... трагическая смерть... много сил... ты всегда была примером... – доносились до нее обрывки речи.

Петуховой стало смешно: странно, но ужас притупился, ушел куда-то в подсознание. Да и так ли это страшно? Ведь не умерла, жива же, слышит эту глупую речь... Значит, чего-то еще произойдет. Пусть страшное, но она продолжает существовать. Снова заиграли траурный марш. Гроб подняли, погрузили на машину. Петухова слышала, как Вера Капитоновна вполголоса кому-то говорила:

– Вы уж сделайте все по-человечески, схороните, вот вам на помин души.

– Не беспокойся, хозяйка, все сделаем как полагается, – раздался в ответ грубые голоса.

Гроб затрясло в кузове грузовика, и сознание Петуховой отключилось, вернее даже сказать, не отключилось, а трансформировалось. С ним происходили совершенно необычайные метаморфозы. Вдруг стало совершенно ясно, что мозг ее – огромный мир, вроде Земли со своими городами, морями, лесами. Что его можно исследовать бесконечно и бесконечно открывать что-то новое.

«Не бойся, – шептали ей ласковые голоса, – смерти нет, движение вечно».

Страх совсем не стало, появилось безграничное удивление, смешанное с тихой грустью. Да мало ли что еще привиделось ей за время дороги.

Машина вдруг встала, и Петухова пришла в себя.

– Приехали вроде, – сказал чей-то голос.

Гроб подхватили и спустили на землю.

– Место-то какое себе выбрала, – сказал тот же голос, – благодать! Старинное все. Тут и лежать веселее, не то что в городе.

– Ладно-ладно, – грубо оборвал романтического могильщика другой голос, – нечего рас-
сусоливать, закопаем скорее, да и все.

– Тут где-то старик должен быть, который могилу выкопал. – Послышалось шуршание
бумаги. – Чернопятав какой-то.

– Нету тут никакого Чернопятава. Видать, ждать надоело, а могилка – вон она. Слушай,
да тут и памятник приготовлен, хороший какой, из черного мрамора и написано: «Петухова
Валентина Сергеевна». И дата сегодняшняя, все как полагается, оперативно работают.

– Так начальство ведь! Памятник старинный, а надпись свежая. Старик-то небось этим
и промышляет, старую надпись сбил, а новую поставил.

– Ну ладно, подними крышку, – сказал романтический могильщик, – пусть последний
раз на солнышко посмотрит.

– Кончай дурака валять! – обрезал «прагматик». Но «романтик» заупрямился.

Валентина Сергеевна услышала стук поднимаемой крышки. Что-то теплое коснулось ее
лица, она поняла, что это солнечный свет. Последний, должно быть, солнечный свет в ее жизни.

– А неплохая, видать, баба была, в самом соку женщина, – сказал «романтик».

– Старовата... – не согласился «прагматик».

– А по мне в самый раз, – не мог успокоиться «романтик». – Такая все понимает и не
выкобенивается, обнимешь покрепче, и ты в раю.

– Ну обними, – хмыкнул «прагматик». – Давай-ка лучше помянем рабу божью, как ее
там... Валентину.

Послышалось бульканье.

– Ну, – сказал романтический могильщик, – пусть будет тебе земля пухом, Валентина.
Хорошая ты, видать по всему, женщина, но уже больше никому не понадобится. Ты смотри, –
удивленно протянул он, – лежит, как живая, каждая кровинка на лице играет.

– Бывает, – заключил его напарник. – Ну, заколачивай.

Упала крышка, послышался звук забиваемых гвоздей. И тут-то и почувствовала Петухова
невыразимый ужас всего происходящего. Гроб закачался на веревке, а потом неуклюже рухнул
в могилу. По крышке застучала земля, сначала одиночные камни, потом лопата за лопатой.

Внезапно Петухова почувствовала в гробу какое-то движение. Что-то маленькое и теплое
шевелилось в ногах, каждая новая лопата земли заставляла непонятное существо шарахаться
из стороны в сторону. Потом это нечто поползло вверх по ее телу, приблизилось к лицу.

«Мышь, – поняла Петухова. – Как она сюда попала?»

Между тем стук земли прекратился. Видимо, могильщики решили помянуть ее еще раз.

Мышь залезла на лицо Валентины Сергеевны и стала его обнюхивать. Усики животного
щекотали, мышь бегала по ее лицу, принюхивалась, тихонько куснула нос. Звук падающей
земли возобновился. Становилось трудно дышать, чувствовалось, что могила почти засыпана.
И вдруг от всей этой мышьиной беготни Петухова неожиданно чихнула. И внезапно почувство-
вала, что снова может двигать руками и ногами. Она отчаянно застучала по крышке гроба,
закричала. Стояла тишина, шум падающей земли не был слышен.

«Погребена живо. Неужели нет выхода?» Она снова отчаянно застучала. Потом, пере-
вернувшись, спиной попыталась открыть крышку гроба. Та вроде немного сдвинулась, но
земли было столько, что ее тяжесть не пускала крышку.

А наверху между тем происходило следующее.

– Постой-ка, Вася, – сказал романтический могильщик. – Слышишь, вроде шум какой-
то из-под земли.

– Слаб ты, однако, на водочку, – сердито сказал скептик Вася. – Мерещиться вон уже
начало.

– Нет-нет, ты послушай!

– Не нравится мне все это, – сказал Вася. – Давай закапывай быстрее, да поедem в город.

- Ой, вроде опять, – не сдавался его напарник.
- Вася сплюнул и начал работать лопатой быстрее.
- Смотри, кто-то бежит, люди какие-то.
- Какие еще люди?

К ним приближалась странная компания. Впереди, хромая, бежал средних лет мужчина с перевязанной головой и рукой в гипсе, за ним поспевал какой-то старичок, следом степенно шел милиционер.

- Стойте! – заорал человек с перевязанной головой. – Прекратите закапывать!
- Там живой человек, – поддержал его старичок.
- Что это все значит? – сердито спросил у милиционера Вася.
- Да вот, эти граждане утверждают, что в гробу живая женщина, – хмуро сказал милиционер.

– Я же говорил! – закричал «романтик». Он схватил лопату и принялся лихорадочно раскапывать могилу. Старичок вырвал у Васи лопату и стал помогать ему. Человек с перевязанной головой бегал вокруг и всем мешал.

Валентина Сергеевна снова услышала какие-то звуки. Вначале она ничего не поняла, но потом до нее дошло, что ее откапывают. Неопишуемая радость, казалось, придала ей сил. Она закричала так, как, наверное, никогда в жизни не кричала.

Наконец лопаты стали царапать о крышку гроба, потом кто-то спрыгнул и зацепил веревки. Гроб медленно пошел вверх. Раздался скрежет металла о дерево, и крышка отлетела в сторону. Над ней склонились человеческие лица. Валентина Сергеевна узнала Митю Воробьева и Забалуева. Митя был бледен, голова и рука его были перевязаны, но лицо выражало такую радость, что сердце Петуховой застучало еще быстрее. Забалуев даже прослезился, он тряс Валентину Сергеевну за руку и никак не мог прийти в себя. Два могильщика смотрели на все это, открыв рот, потом один из них, видимо Вася, достал бутылку, налил себе стакан и залпом выпил.

– Поседела, вся насквозь поседела, – шепотом сказал другой могильщик. Валентина Сергеевна и сама чувствовала, что с ней что-то произошло. Она провела рукой по волосам и вопросительно посмотрела на Забалуева.

- Да-да, – быстро закивал головой он. Слезы с новой силой брызнули из его глаз.
- «Чего же он плачет? – удивилась Петухова. – Ведь все кончилось хорошо».

– Мчались сюда, думали, не успеем, – радостно тараторил Митя. – Все это осиное гнездо, – он махнул рукой в сторону Лиходеевки, – окружено. После Струмса остались записки, по ним и разобрались. Жалко профессора, и Колю жалко. Но ничего, все эти мерзавцы уже арестованы.

«Разве их можно арестовать?» – удивилась про себя Петухова.

Вперед выступил милиционер.

– Итак, – сказал он неторопливо, – вы и есть гражданка Петухова?

Валентина Сергеевна первый раз внимательно посмотрела на милиционера. Обычный парень, каких много. Белобрысый, веснушчатый... Вот только глаза... Острые, пронзительные, и в то же время глаза древнего старика. Кого-то ей они напоминали.

Над ее головой пролетела большая черная птица...

Часть II

1

Потом уже попытались разобраться, с чего все это началось, и тогда кто-то вспомнил о кривой старухе Антонихе. Антониха была известная пьянчужка, шаталась день-деньской от магазина к магазину: собирала пустые бутылки и к вечеру обычно бывала пьянехонька.

Жила она на первом этаже одного из окрестных домов в так называемой дворницкой, поскольку некоторое время мела улицу.

И вот однажды прямо с утра прибежала бабка к магазину и – небывалый случай, – купив водки, позвала к себе в компанию двух болтавшихся тут же страждущих опохмелиться. Налив трясущимися руками полстакана, она тут же его выпила, а потом поведала своим «приятелям» о том, что с ней случилось. По ее словам выходило, что вчера вечером она притащилась к себе домой «очень хорошая», тут же уснула и проснулась среди ночи от чьих-то голосов. Сперва она ничего не разобрала и подумала, что в квартире идет какая-то гулянка. Подобное, к слову сказать, происходило почти каждый день. Она разлепила глаза и увидела, что в комнате темно. Голоса же раздавались рядом с ней и слышны были очень ясно. Говорили двое.

– Скучно, батюшка, – сказал женский голос.

– Да, невесело, – подтвердил стариковский хрипловатый надтреснутый тенор.

– Совсем житья не стало от этой мелюзги, – продолжала женщина. – Все под корень извели. А ведь какое времечко было! И все ты...

– Ну-ну, я тут при чем, – старик сердито запыхтел, – ты словам-то меру знай.

– Не припей ты тогда этого профессора, не мудруй с бабой этой – жили бы в тиши и покое. – В голосе женщины послышались сдерживаемые рыдания. – Помнишь его слова: «Все тут асфальтом да бетоном зальем», – так и вышло.

– Его слова тут ни при чем, – сердито сказал старик, – может, не кончи его тогда, совсем бы нас извели, да и вообще, чего ты разнылась, разве мы тут не хозяева?

– Какие хозяева? – крикнула женщина. – Чем тут хозяйствовать – пьянчугами этими.

Бабка Антониха лежала ни жива ни мертва.

«Что это? – думала она со страхом. – Или домовой с ведьмой говорят, или белая горячка начинается? Второе верней...»

– Но силы-то еще остались, – промолвил старик.

– И что? – спросила женщина.

– Можно тряхнуть стариной, показать, кто есть кто...

– Э, батюшка, не поздно ли?

– Не поздно, – сказал старик, – да и вообще: лучше поздно, чем никогда.

На этом разговор закончился. Антониха еще некоторое время лежала, обмирая и прислушиваясь, но все было тихо. Подождав с полчаса, она кое-как поднялась и на цыпочках прокралась к выключателю. Вспыхнул свет. В комнате было пусто.

Антониха недоуменно оглядела привычный разгром, потом полезла в шкаф, где у нее была припрятана четвертинка, достала ее, сделала прямо из горлышка изрядный глоток, неумело перекрестилась и снова улеглась на свою засаленную кровать.

На этом рассказ бабки оборвался. Событьишники слушали старуху с интересом, переглядывались и косились на недопитую бутылку. После того как часть содержимого досталась и им, завязался оживленный разговор. Собеседники в один голос заявили, что без нечистой силы здесь не обошлось. Стали вспоминать различные истории и, перебивая друг друга, рассказывать их старухе – в надежде, что она раскошелится еще на одну бутылку. Так оно и случилось.

Когда прикончили и ее, старуха понесла такую околесицу, что ее собутыльникам сделалось не по себе. Тоскливо глядя на ополоумевшую бабку, оба одновременно подумали, что у нее белая горячка.

Через некоторое время компания разошлась. Бабка поползла к себе домой, а ее новоявленные друзья – в свои норы. Было это в конце зимы. А где-то через неделю старуха Антониха, продолжившая пить беспробудно, не смогла добраться до родной кровати и замерзла мартовской ночью под грибочком на детской площадке в окружении огромных темных многоэтажных громадин. Никто особенно по ней не горевал, а в дворницкую вселилась разбитная, веселая молодуха. Рассказ старухи несколько раз был повторен ее собутыльниками в разных компаниях, но особого успеха не имел. Об этой истории тут же забыли. А зря...

2

Город, где происходило действие нашего повествования, возник, можно сказать, совершенно случайно. Году в шестидесятом геологи, бродя по окрестным лесам, наткнулись на богатые месторождения...

Чего?

Да так ли уж важно, чего? В народном хозяйстве все сгодится: хоть уран, хоть уголь, главное, что богатое. И хотя до областного центра было всего ничего, километров пятьдесят, места здешние были глухие и неизведанные. Кругом леса да болота, деревень почти нет, одним словом, глушь! Недолго думая, решили строить рядом с месторождением город.

У нас так: найдут месторождение, бац! – город; еще месторождение – еще город. Так и растут подобные города, как грибы в лесу: не поймешь только, полезные или ядовитые. Но как бы там ни было, город рос. Название ему дали красивое: Светлый.

До областного центра было недалеко, жилье в те времена строили быстро, деньги платили неплохие, и потянулся в Светлый пришлый народ со всех сторон. Беда только, места там были нехорошие. Болот слишком много, строить уж больно неудобно. Нельзя сказать, что строили на пустом месте. Имелась и деревушка со странноватым названием Лиходеевка. Да и то – какая деревушка, так, одно название. Стояло там всего несколько домишек, десятка не наберется. Да и домишки те были даже не прошлого, а, видать, позапрошлого века.

Кто в них жил, строители не интересовались. Первые дома выросли прямо возле дороги. Лиходеевку со всех сторон окружили каменные стены. Зажглись окна в домах, заорала музыка. Первостроители народ шумный: то пляшут, то дерутся. Первое время пытались наладить с деревенскими контакт. Особенно усердствовали молодые парни в надежде отыскать среди патриархальных хижин сельскую непосредственность. Но молодыми девками, судя по всему, там и не пахло. Сновали какие-то старухи, да и то редко. И еще одним приманивала деревня. На стройке был сухой закон, а что это за закон, который бы не хотелось нарушить?

– Не может такого быть, чтобы в этой чертовой Лиходеевке не гнали самогон! – орал высокий рыжий парень, вечно ходивший в застиранной гимнастерке, известный как Витька Сапер. – На сто процентов – гонят! Нюхом чую!

Он крутился возле домишек, пытался заговорить с редкими старухами, но все напрасно. Тогда отчаянный Сапер решился на вылазку, его неуверенно отговаривали, но втайне ожидали положительного результата. Пришел он под утро с вытаращенными глазами и навсегда удивленным лицом. Но спиртным от него не пахло. На многочисленные вопросы он отмалчивался и только блаженно улыбался. Это еще больше заинтересовало окружающих. Сапер был известен как говорун, скептик и сквернослов, а тут парня словно подменили. Он молчал или отвечал невпопад. Больше никуда ночью он не ходил, а лежал на кровати, уставившись в потолок, и его рыжие волосы стояли торчком, как наэлектризованные.

Лишь однажды он промолвил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

– Бывают же на свете чудеса!

Вконец заинтригованные товарищи ловили каждое его слово.

Дня через три Витька попал под трактор. Лежа в луже крови, с раздавленными ногами, он смотрел на трясущегося, белого как снег тракториста и повторял:

– Спасибо, браток, спасибо.

Скоро он умер. Случай этот и вовсе отпугнул пришлый народ от деревни. Никто не понимал, в чем тут дело, но ноги сами бежали от проклятой деревни. О ней, казалось, забыли. Очень скоро все свободное место вдоль дороги было застроено. Стали искать новые подходящие площади. В нескольких километрах от деревни наткнулись на обширное ровное поле – идеальное

место для строительства. Однако хотя проектировщики и произвели изыскательские работы, строить все не начинали. Не было коммуникаций, то да се...

Наконец проложили в вековом лесу несколько просек, и дело закипело.

На старое кладбище первыми наткнулись геологи. Они с любопытством походили среди диковинных обелисков. Заглянули в разрушенную часовню. Побывали здесь и проектировщики. Они нанесли кладбище на свои кроки и отметили в докладной записке, что при плановой застройке кладбище будет очень мешать и его, видимо, придется снести. Однако они упомянули, что захоронение старинное и не худо бы пригласить для консультации историков, что и было сделано.

Приехал молодой парень из областного краеведческого музея, задумчиво походил по кладбищу, пощелкал фотоаппаратом, а потом сообщил руководству стройки, что кладбище исторической ценности не представляет. С тем и уехал.

– К чертовой матери! – сказал главный инженер. Что и было исполнено. Подогнали бульдозер, и стальные ножи пошли бороздить вековые руины. Вмиг смели в сторону мраморные и гранитные обелиски, сровняли с землей часовню. Площадка была готова. На другой день приступили к закладке фундамента огромного двенадцатизэтажного многоподъездного дома, числившегося у строителей под номером 13. Вроде чего особенного – закладка фундамента, а к площадке сбежалась вся стройка. Каменщики, отделочники, монтажники – все столпились у края площадки в молчании, наблюдая за происходящим.

– Нехорошо могилки рушить, – громко сказала пожилая малярша, ни к кому конкретно не обращаясь. Приглушенный шумок пошел по рядам. И вот ковш экскаватора врезался в жирный кладбищенский чернозем. Общий вздох пронесся между людьми.

Почему?

Ведь большинство из них не верило ни в бога, ни в черта. Да и ни у кого не лежали в этих могилах не только родственники, а и отдаленные предки. Однако человек остается человеком. Нельзя спокойно смотреть, как сносятся церкви, рушатся памятники, разрываются могилы.

Первые ковши были наполнены обычной землей, потом земля пошла вперемешку с трухлявыми досками, обрывками ткани и костями. Костей было много, значительно больше, чем предполагалось. Видимо, кладбище было очень древнее, и захоронения наслаивались одно на другое. Кости сыпались из ковша черно-желтым дождем, и многим стало не по себе. Один череп отлетел далеко в сторону и подкатился к самым ногам прораба, стоящего впереди всех. Его пустые глазницы смотрели на людей зловеще и печально.

Пожилая малярша молча сплюнула и, круто повернувшись, стала выбираться из толпы. За ней повалили и остальные. Над кладбищем взвилась стая неведомо откуда взявшихся ворон. С пронзительными криками птицы летали над потревоженным прахом. Казалось, вот-вот произойдет неприятность. Так оно и случилось.

Внезапно экскаватор с надрывным гудением стал заваливаться набок, а потом рухнул, провалился в какую-то яму. Торчали только крыша да стрела с ковшом. Люди, отошедшие было, снова бросились к яме.

Из нее были слышны глухие крики машиниста. Скоро они смолкли. Двигатель машины продолжал работать.

– А ведь он там угорит, – встревоженно сказал прораб. – Ну-ка, ребята, бегите за веревками.

Вскоре несколько добровольцев, обвязав лица мокрыми тряпками, спустились в яму, и через несколько минут они вытащили из кабины потерявшего сознание машиниста. Двигатель заглушили.

– Там какое-то подземелье, – рассказывал любопытным один из добровольцев. – Пол и стены кирпичом выложены.

Прораб досадливо морщился. Надо было как-то доставать экскаватор.

Но работы продолжались своим чередом. Траншеи были проложены, и вскоре появился фундамент будущего дома. Но долго еще под сапогами строителей хрустели неведомо чьи кости. Или вдруг из земли вылезет обрывок блестящего галуна. Находили и старинные деньги, в основном медяки, которые клали усопшим на глаза.

Поговаривали, что случались находки и поценней. Но так ли это, никто точно не знал. Особенно упорным был слух, что бетонщик Порфирьев нашел массивную золотую цепь с еще более массивным золотым крестом. На все расспросы Порфирьев округлял глаза и отрицательно мотал головой. Вскоре он рассчитался и совсем уехал со стройки.

Эти слухи привели к тому, что по ночам возле котлована стали мелькать какие-то тени с фонариками. Новоявленные кладоискатели шныряли среди разрытых могил. Как-то утром в одном из котлованов был найден труп, который был насквозь проткнут куском прута от старинной ограды. Это был свой парень, хорошо известный на стройке. Приезжала милиция, долго разбирались, но пришли к выводу, что молодец споткнулся в темноте и сам напоролся на прут.

Как бы там ни было, а ночные кладоискатели исчезли.

Дом постепенно рос, но на его строительстве случались разные мелкие, а то и крупные происшествия. То вдруг завалятся только что сложенные кирпичные перегородки, то рухнет с высоты бадья с раствором. Да мало ли что еще случалось на возведении злополучного объекта!

И все же дом был закончен, пущен, как водится, в срок, и в него начали заселяться жильцы.

Все кругом заасфальтировали, разом выросли другие дома, но старое кладбище нет-нет да и давало о себе знать.

То вдруг среди мусора отыщется древний мраморный обелиск со стершейся надписью, то на детской площадке среди желтого песка ребяташки откопают череп.

Но жители не обращали на эти незначительные мелочи внимания. Они стремились устроить свой быт. Обзаводились мебелью, машинами, красивыми люстрами. Словом, спешили жить.

Тем временем был построен завод, за ним еще один. Вчерашние строители частью разъехались, частью стали работать на заводах. Нравы в Светлом стали мягче, женского полу было уже в достатке, словом, он стал обычным обжитым городом, каких сотни на нашей Родине.

А деревушка Лиходеевка, зажата между одинаковыми серыми громадами, продолжала существовать своей особой, неведомой окружающим жизнью. Несколько раз ее пытались снести под предлогом, что вроде мешала она оживленному движению, потом появилось мнение, что не вписываются эти ветхие домишки в привычный облик социалистического города. Однако всегда что-то мешало: то не могли выделить квартир для переселения обитателей слободки. То выяснялось, что место, где она стоит, почему-то не подходит для строительства. Всегда какие-то обстоятельства препятствовали сносу.

Так и стояла деревушка в окружении столетних лип, и крошечная улочка в ней была обычной, деревенской, незаасфальтированной. Кукарекали по утрам петухи, блеяли козы, и окружал ее будто незримый забор. Редко-редко можно было увидеть в ней постороннего человека.

Но вернемся к дому номер тринадцать. Он сохранил этот номер, как вы помните, полученный еще при строительстве. Дом номер 13 по проспекту Химиков, двенадцатиэтажный, восьмиподъездный, вмещал в своем бетонном нутре тысячу с лишним человек, самых разных: рабочих, инженеров, продавцов, учителей, врачей, партийных работников – кого здесь только не было.

И жили, надо сказать, тихо, спокойно, ну примерно так, как живут на святой Руси все – от Кенигсберга, то бишь Калининграда, до Владивостока.

Работа, телевизор, по выходным водочка, рыбалка, грибы. А грибов кругом было пропасть; первое время грибников развелось видимо-невидимо. Шастали, где только можно. Но совсем рядом с городом были глухие леса, болота, места жуткие, опасные, неведомые. Пропала раз женщина – ушла за грибами и не вернулась. Искали ее, искали, да так и не нашли. Решили, утонула в болоте. Было еще несколько подобных случаев. А одного грибника – скромного плановика из стройуправления – искали три дня после того, как потерялся. Найти-то нашли, да лучше бы и не находили. Совсем другой человек стоял перед поисковой группой. Волосы дыбом, глаза горят, рычит, кусается, в руки не дается. Да и говорить разучился за три дня, мычал что-то нечленораздельное, и лицо то и дело пересекал нервный тик.

Связали несчастного плановика да и увезли напрямиком в «желтый дом».

С тех пор пошла об окрестных лесах недобрая слава. Грибная эпидемия тут же прошла. Только наиболее отважные решались углубляться в лесные трущобы, да и то ненадолго.

И поползли по городу неясные слухи, будто в лесах этих нечисто. То кто-то видел на болоте некое существо: вроде человек, а вроде и нет. Сидит-де на кочке и жалобно стонет. Другие слышали в лесу дикий хохот и жуткий вой. Третьи встречались лицом к лицу с неведомой старухой, вылитой Бабой Ягой. Конечно, это были глупые сказки, но все-таки...

Как ни странно, слухов, связанных с кладбищем, не было совсем. Более того, о нем даже не вспоминали... Но вскоре оно само напомнило о себе.

3

Квартира номер 49 находилась во втором подъезде на первом этаже, и жила там семья директора местной музыкальной школы Аполлона Степановича Кнутобоева. Семья как семья; ничем особым она не выделялась, разве только тем, что из-за дверей квартиры разносилась громкая фортепианная музыка. Жена Кнутобоева – Матильда Пантелеевна – работала в той же школе, вела класс фортепиано, а в свободное время давала частные уроки. Детей у них не было.

Соседи в общем-то не признавали Кнутобоевых за своих. По общему мнению, и муж и жена были весьма спесивы, здороваясь, едва кивали головой. Никогда ни с кем не заговаривали, словом, вели себя так, как, по мнению многих, и подобает вести себя людям, носящим очки и шляпу. Кроме того, утомляла непрерывная музыка, все эти фуги и гаммы. Аполлона Степановича в школе не любили, называли за глаза Аполлошкой. И ученикам, и преподавателям не нравились его сухость, педантичность. Жена, напротив, пользовалась общей симпатией, поскольку была веселой и простой в общении женщиной.

Несмотря на несхожесть характеров, жили они дружно. Единственное, что огорчало обоих, – отсутствие детей. Аполлон Степанович действительно был суховат и замкнут, впрочем, только снаружи. В душе он был очень сентиментален, стыдился этого и тщательно скрывал свою чувствительность. В одиночестве он мог всплакнуть, слушая Брамса.

Имелся у него лишь один «пунктик», вызывавший чувство досады у Матильды, – он был величайший аккуратист. По его мнению, каждая вещь должна находиться в раз и навсегда отведенном ей месте. Бывало, отсутствие обувной ложки портило ему настроение на весь день. Однако такое случалось не часто. Порядок в квартире был идеальным. Все блестело и сверкало. Матильда, хотя и не одобряла чрезмерной аккуратности мужа, тщательно следила за чистотой. Да, собственно, и беспорядок было некому устраивать.

В то октябрьское утро, уж неизвестно почему, Кнутобоев должен был идти на работу позже жены.

Когда он умылся, побрился и зашел на кухню выпить стакан чая, ее уже не было. Пол и стены в кухне были выложены белым кафелем, как в операционной или молочном магазине.

Кнутобоев напевал какую-то мелодию, настроение его было отличным, но вмиг испортилось, когда он увидел на белоснежном полу лужицу красного цвета.

«Безобразие», – раздраженно подумал он и, хотя торопился, принес тряпку и стал вытирать безобразную лужу.

– Что это за дрянь? – Он обмакнул в жидкость палец и поднес к носу. – Вроде кровь... – «Наверное, – подумал Кнутобоев, – жена мясо из холодильника размораживала, вот и потекло. Бывает». Он навел порядок и тут же забыл о случившемся.

Аполлон Степанович, надо отдать ему должное, осознавал, что он зануда, и очень этого стеснялся. Но что он мог поделать? Таков уж был характер. Жене он ничего не сказал.

Однако на другой день, собираясь на работу, он обнаружил на кухне на прежнем месте точно такое же кроваво-красное пятно.

Терпению пришел конец. Чертыхаясь, он схватил тряпку и принялся лихорадочно вытирать злополучную лужу. Он даже не задумывался о причинах столь странного события. Все кипело в душе. Мысленно он перебирал все язвительные и уничтожающие слова, какие скажет при встрече супруге. Кое-как наведя порядок, он помчался в музыкальную школу. На перемене нашел жену и, отозвав в сторону, уставился на нее гневным взглядом. Ярость его несколько улеглась, но новое подозрение закралось в душу. Кнутобоев решил, что все подстроено специально, чтобы доставить ему неприятность, вывести из себя. Собственно говоря, поводов так думать он не имел и все же подозревал что-то нехорошее.

– В чем дело, Аполлон? – недоуменно спросила жена, взглядываясь в разъяренное лицо.

– Ты еще спрашиваешь, в чем дело, – зловещим шепотом произнес КнUTOбоев, – ты еще спрашиваешь!..

Матильда лихорадочно перебирала в уме причины, которые могли довести ее мужа до такого состояния.

«Боже, – с ужасом подумала она, – неужели он узнал...»

Несмотря на высокие моральные принципы Матильды Пантелеевны, водились и за ней грешки. Скажем, увлечение преподавателем физвоспитания Сыроватых. Роман их длился довольно давно, но до сих пор, по мнению Матильды, о нем не ведала ни одна душа. Неужели насплетничали?

Однако Матильда знала, что супруг ее был не ревнив, и если что-то могло крепко вывести его из себя, то это скорее всего какой-то бытовой беспорядок. Поэтому она ждала продолжения.

– Второй день эта грязь на полу, – продолжал злобно шипеть Аполлон.

– Какая грязь? – недоуменно переспросила Матильда, про себя с облегчением подумав, что страхи ее оказались напрасными.

Иногда, размышляя о семейной жизни, она спрашивала себя: а способен ли ее КнUTOбоев на настоящее мужское, свирепое чувство ревности? Ее так и подмывало признаться в своих изменах и посмотреть, как он на это прореагирует, но осторожность брала верх.

А Аполлон между тем продолжал высказывать всю накопившуюся в его душе горечь по поводу неаккуратности супруги.

– Второй день, – нудел он, – эти кровавые пятна на полу, и я вынужден сам их вытирать.

– Какая кровь? – изумилась Матильда.

– Ну от мяса или от чего там еще? – Аполлон досадливо дернул головой.

– Что ты, дорогой, – Матильда почувствовала свою правоту и перешла в наступление, – никакого мяса я не размораживала, ты что-то путаешь!

Аполлон заколебался, он понял, что здесь что-то не так.

– Ладно, дома разберемся, – буркнул он, услышав звонок на урок.

Домой после работы он пришел вместе с женой, боясь, что в его отсутствие она может уничтожить все улики и он окажется в дураках.

«Следы должны остаться, – думал он, – на тряпке, на полу...»

Едва успев отпереть дверь, он тут же побежал на кухню, стал пристально всматриваться в сверкающий белым кафелем пол. Ни единого пятнышка КнUTOбоев не обнаружил.

Он с подозрением посмотрел на супругу. Может быть, в его отсутствие она прибежала домой и навела порядок?

– Ну, Аполлон, – грозно произнесла та, – где же эта пресловутая грязь?

КнUTOбоев растерянно улыбнулся. Потом он вспомнил о тряпке, на ней наверняка должны сохраниться следы, ведь он ее не прополаскивал. Он принес тряпку и стал ее пристально рассматривать. Но, увы. Никаких следов крови на ней не было.

– Я требую объяснений! – еще более грозно произнесла Матильда. – Эта безобразная сцена в школе на глазах учеников, я до конца дня не могла сосредоточиться. Тут из сил выбиваешься, вылизываешь все. И вот она, благодарность. – Она вырвала у него из рук тряпку и швырнула ее на пол. – Я какая-то домашняя рабыня!

Вспышка ярости супруги окончательно смутила КнUTOбоева. Он начал что-то невнятно лепетать о луже, второй день появляющейся на полу, о том, что осознает нелепость собственного педантизма...

Матильда, не слушая его, принарядилась, нарядилась и, бросив через плечо «Я к Любаше» (Любаша была ее лучшей подругой), хлопнула дверью.

КнUTOбоев остался один. Он уныло поднял с пола тряпку, отнес ее на место. Потом перекусил, сел перед телевизором, предварительно выключив звук, и, машинально глядя, как фигурки футболистов суетятся на поле, стал размышлять. Проклятое пятно не шло у него

из головы. Откуда оно могло взяться? Матильда свою причастность отрицает. Может быть, с потолка накапало?

Над ними жили какие-то подозрительные личности, в квартире у которых, судя по всему, постоянно царил праздник. Иногда среди ночи они устраивали буйные пляски. Тогда потолок ходил ходуном. Случалось, эти пляски переходили в побоище – тогда ходуном ходил не только потолок, но и стены.

Кнутобоев побежал на кухню, включил свет и внимательно осмотрел потолок. Нет, он был чист. Но ведь должны же остаться какие-нибудь следы – Кнутобоев озадаченно уставился на пол, – тем более он хорошо помнил, что вытер пол весьма небрежно. Он разыскал лупу, встал на колени и внимательно исследовал каждую трещинку, каждый шов между плитками. Не было и намека на что-то красного цвета. «Да была ли это кровь? – подумал Кнутобоев. – Может, краска? А может, мне померещилось?» Но два дня подряд? Да и раньше ничего подобного он за собой не замечал.

Так и не разобравшись в случившемся, Кнутобоев решил лечь спать.

«Случаются разные необъяснимые явления, – думал он, лежа в кровати, – разные там НЛО...»

В этот момент пришла Матильда. Была она в приподнятом настроении, от нее явно пахло вином, на мужа она даже не взглянула и тут же стала готовиться ко сну. Глядя, как с ее полных белых плеч соскальзывают бретельки лифчика, Кнутобоев тоскливо размышлял о своем несносном характере и о вытекающих отсюда неудобствах.

4

Ночью он несколько раз вскакивал, бегал на кухню и, включив свет, проверял, не появилась ли красная лужа. Но все было чисто. Разбудил его утром истошный крик жены. Сломая голову Кнутабоев побежал на кухню. Его Матильда в ночной рубашке стояла посреди кухни и вытаращенными глазами смотрела на что-то на полу. Она больше не кричала, а только бессмысленно шевелила губами. Сначала Кнутабоев решил, что такое впечатление произвело злополучное красное пятно, вновь возникшее на полу. Но, присмотревшись, понял, что вместо пятна появилось кое-что другое. В первый момент он не сообразил, что именно, но, присмотревшись, различил на кафельном полу лицо человека.

Да! Это было самое настоящее человеческое лицо, смотревшее на них с кафельных плиток. Именно это больше всего и напугало Матильду. Взгляд человека был исполнен страдания. Лицо перекошено конвульсивной гримасой боли. Но самое сильное впечатление производили глаза. Они, казалось, молили о помощи. Изображение – лицо мужчины лет сорока с бородой и усами – было в натуральную величину. Длинные волосы, видимо, кудрявые от природы, слиплись от пота. Кнутабоев долго смотрел на пол, не в силах пошевелиться. Сознание отказывалось понять, что происходит. Потом он встал на колени и провел по изображению рукой. Под ладонью была совершенно гладкая кафельная поверхность. Казалось, на плитках была отпечатана фотография. Матильда тоже опустилась рядом.

– Красивый мужчина, – сказала она с дрожью в голосе, – интересно, кто это такой?

– Интересно другое, – задумчиво произнес Аполлон, – что все это значит и почему происходит именно в нашей квартире?

– Может быть, это чья-то шутка? – предположила супруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.